ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

44
2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (647) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Александр Алексеевич Боровков (1931–2026), советский и российский математик, академик Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР, премии имени А. А. Маркова, премии имени А. Н. Колмогорова.

Александр Алексеевич Боровков родился в Москве в семье авиаконструктора. Атмосфера дома, где ценились точность и инженерное мышление, во многом предопределила его будущий путь в науку. С ранних лет Александр проявлял живой интерес к логике и числам: ему нравилось не просто получать ответы, а понимать, как они выводятся, искать закономерности и проверять их на прочность.

Школьные годы ученого пришлись на Великую Отечественную войну и послевоенное время, когда страна остро нуждалась в сильных технических кадрах. Боровков учился с увлечением и особенно выделялся в математике. Учителя отмечали его способность видеть за формулами суть и находить нестандартные подходы к задачам. Эта привычка искать глубинные связи позже стала одной из отличительных черт его научного стиля.

В 1948 году Александр поступил на механико-математический факультет МГУ и попал в среду, где наука была не просто профессией, а образом жизни. Уже в студенческие годы Боровков начал серьезно интересоваться теорией вероятностей — областью, которая сочетает в себе глубокую математическую строгость и широкие прикладные возможности.

После окончания МГУ в 1954 году с отличием Боровков был направлен в спецгруппу на мехмате, связанную с закрытыми подразделениями дешифровки. В аспирантуре его научным руководителем стал Андрей Николаевич Колмогоров, один из крупнейших математиков XX века и основоположник аксиоматического подхода к теории вероятностей. Под его руководством Боровков занялся асимптотикой распределений в граничных задачах для случайных блужданий — проблемой, которую впоследствии блестяще решил.

В 1958 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1963 году — докторскую на тему «Граничные задачи для случайных блужданий».

Ключевым поворотом в его судьбе стал переезд в Сибирь. По рекомендации Колмогорова Боровков отправился в Академгородок в Новосибирске, который в те годы только начал формироваться. С 1960 года он начал работать в Институте математики имени С. Л. Соболева СО АН СССР, где с 1961 по 2003 год возглавлял отдел (позже лабораторию) теории вероятностей и математической статистики.

Боровков внес огромный вклад в популяризацию и систематизацию знаний. Его учебники «Теория вероятностей» и «Математическая статистика» стали классическими пособиями для студентов и аспирантов.

Среди важнейших научных достижений Боровкова — разработка аналитического метода, основанного на факторизационных представлениях преобразований Фурье — Лапласа и асимптотическом анализе в комплексной области. Этот метод позволил получить новые теоремы о больших уклонениях, асимптотических разложениях и поведении случайных процессов. Его результаты нашли применение в теории массового обслуживания, анализе сетей передачи данных и других прикладных областях.

Александр Алексеевич был не только исследователем и педагогом. Он основал журналы Siberian Advances in Mathematics и «Математические труды» и более 20 лет руководил их изданием. Также он входил в редколлегии ведущих научных журналов и руководил диссертационным советом, помогая молодым ученым делать первые шаги в науке.

За свои заслуги Боровков удостоен множества наград, включая Государственную премию СССР, премию Правительства Российской Федерации, премии имени А. Н. Колмогорова и А. А. Маркова РАН, а также ордена «Знак почета», Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Ученый скончался 14 мая 2026 года в возрасте 95 лет. Похоронен на Южном кладбище Новосибирска.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кожушко А. С.
Правовая охрана персонажа произведения в России, Китае и США в условиях развития нейросетей 285

Колтинова И. В.
Природа и правовой механизм реализации полномочий органов публичной власти в сфере землепользования 289

Котиев И. Д.
Правовая охрана произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта: критерии авторства и творческого вклада человека 291

Курьянов А. В.
Разночтения законодательства Российской Федерации о пользовании общим имуществом многоквартирного дома: проблемы размещения информационных конструкций на фасадах 294

Лебедев М. В.
Административная ответственность как вид юридической ответственности: современные научные подходы и цифровое обеспечение ... 299

Лисицкая Л. В.
Квалификация экономических преступлений в цифровой среде: разграничение статьи 187 УК РФ и пособничества в мошенничестве 302

Лисицкая А. Д.
Проблема неравнозначности жилых помещений в рамках реализации программы реновации в городе Москве 304

Ляскowская У. И.
Правовая автономия несовершеннолетнего пациента: проблемы соотношения права на самостоятельное согласие на медицинское вмешательство и полномочий законных представителей 307

Матюшкин К. В.
Административная ответственность за налоговые правонарушения 310

Медведева И. Т.
Правовые проблемы лицензирования предпринимательской деятельности по добыче песчано-гравийной смеси 311

Минасян Л. А.
Мошенничество: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации 322

Минх Е. В.
Размер компенсации морального вреда 325

Мота М. М.
Система дополнительных наказаний в российском уголовном праве: понятие, признаки и место в системе наказаний 328

Николенко М. Н.
Понятие и сущность альтернативных способов разрешения споров 330

Пашкевич Е. А.
Основные направления исследования правовой природы наследственного договора в современной российской юридической науке 333

Пироженко Т. А.
Акты «мягкого» права в правовой системе РФ: проблемы имплементации 336

Пневская Я. А.
Проблемы разграничения имущества гражданина и индивидуального предпринимателя в конкурсной массе 338

Ралева В. В.
Некоторые проблемы уголовной ответственности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд 341

Савко А. В.
Особенности исполнения обязательств по договору аренды транспортных средств 343

Сапардурдыев Б.
Понятие и сущность потерпевшего в уголовном судопроизводстве 346

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовая охрана персонажа произведения в России, Китае и США в условиях развития нейросетей

Кожушко Алексей Сергеевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье сравнивается правовая охрана персонажа произведения в трех странах. Автор показывает, что требования к персонажу как охраняемому объекту в России, Китае и США сблизились, а действительные различия сместились к вопросу о том, кто отвечает за изображение чужого героя, созданное нейросетью. На материале судебной практики 2023–2026 годов и новых российских законов предложена трехуровневая модель охраны, введен критерий ассоциативной устойчивости отдельной детали образа, сформулированы рекомендации по ответственности владельцев генеративных сервисов.

Ключевые слова: *персонаж, авторское право, правовая охрана, элемент образа, нейросети, информационный посредник, сравнительное правоведение.*

Узнаваемый герой давно превратился в самостоятельный экономический актив. Он переходит из книги в сериал, попадает на упаковку и в мобильное приложение, а его изображение появляется на товарах, к выпуску которых правообладатель непричастен. Российские арбитражные суды ежегодно рассматривают тысячи дел о взыскании компенсации за подобные эпизоды, и спор чаще всего идет именно о персонаже либо о его рисунке.

Юридическая конструкция при этом остается лаконичной. Пункт 7 статьи 1259 Гражданского кодекса РФ относит персонажу одну фразу, распространяя на него авторские права при условии, что по своему характеру он может быть признан самостоятельным результатом творческого труда автора [1]. Ни понятия, ни признаков персонажа кодекс не дает. Наполнили формулу содержанием пункты 81 и 82 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 [2]. Разъяснение определяет персонажа через совокупность описаний или изображений действующего лица и требует индивидуализирующих характеристик, благодаря которым герой опознается независимо от произведения. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы установить, где между тремя правопорядками сохраняются содержательные различия и какие зарубежные решения пригодны для российского права.

Опорной для сложившейся позиции стала практика по сериалу «Маша и Медведь». Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 11 июня 2015 г. № 309-ЭС14–7875 разграничила действующих лиц и собственно персонажей, отнеся к последним образы главных героев, которые в силу совокупности признаков оказываются, по формулировке суда, «узнаваемыми и отличительными от других героев» [3]. Разграничение прижилось, поскольку позволило судам отсекать притязания на второстепенные фигуры, лишенные самостоятельной художественной ценности.

Доктрина предложила уточнить нормативную формулу. А. Ю. Копылов увязал самостоятельную охрану со свойством объективной узнаваемости, которое проверяется через восприятие потребителя: если покупатель выстраивает ассоциативную связь между товаром, героем и произведением, автору удалось сообщить своему герою необходимые индивидуальные признаки [4]. Ценность подхода в том, что проверка переносится с внутренних качеств образа на внешний эффект, поддающийся измерению.

Слабое место конструкции обнаруживается там, где персонаж перестает восприниматься как неделимое целое. Спор о герое «Крошка Енот» показал, насколько зыбкой оказывается граница между персонажем и его изображением. Так суд по интеллектуальным правам в постановлении от 29 сентября 2022 г. № С01–1748/2022 фактически отождествил рисунок и персонажа [5], а вопрос о допустимости использования детали образа в отрыве от героя остался неисследованным. Практическая цена неясности выросла после реформы компенсаций. Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 214-ФЗ ввел статью 1252.1 ГК РФ и поднял верхний предел взыскания по статье 1301 до десяти миллионов рублей, изменения действуют с 4 января 2026 г. [6]. Пока не решено, считать ли деталь образа са-

мостоятельным объектом, расчет компенсации по таким делам остается непредсказуемым.

Американский правопорядок пришел к близким требованиям иным путем. Параграф 102 разд. 17 Свода законов США вымышленное действующее лицо не называет, и восполнял пробел прецедент. В деле Nichols v. Universal Pictures Corp. 1930 года судья Л. Хэнд сформулировал зависимость, применяемую до сих пор: чем менее детально проработан герой, тем слабее его защита, и риск недоработанности несет автор [7]. Позднее, в споре о Сэме Спейде, появился второй инструмент, охраняющий персонажа, который сам составляет рассказываемую историю, а не служит фигурой в игре по ее изложению [8].

Современный ориентир задало решение по делу DC Comics v. Towle 2015 года о бэтмобиле. Апелляционный суд девятого округа свел разрозненные подходы в проверку из трех ступеней. На первой выясняется, обладает ли герой физическими свойствами наряду с концептуальными. На второй проверяется, опознается ли он как один и тот же при каждом появлении благодаря устойчивым чертам. Третья требует особой различительности и уникальных элементов выражения [9]. Насколько тест требователен, показало дело Daniels v. Walt Disney Co., где суд отказал в защите мультипликационных фигур, олицетворявших эмоции, где облик героев менялся радикально, а сама идея закрепить за фигурой цвет и настроение неохраноспособна [10].

В одном отношении американская практика продвинулась дальше российской, поскольку допускает самостоятельную охрану детали образа. Предметом спора в деле New Line Cinema Corp. v. Russ Berrie & Co. стала перчатка с лезвиями, принадлежащая герою фильмов ужасов, и окружной суд Южного округа Нью-Йорка признал ее охраноспособной ввиду прямой отсылки к конкретному действующему лицу [11]. Сам персонаж в спорном изделии отсутствовал, а обойтись без него удалось потому, что ассоциация оказалась достаточно прочной.

Китайское же авторское право устроено иначе, чем российское. Вместо кодекса действуют отраслевые законы, основным из которых выступает Закон КНР об авторском праве 1990 г., переживший три редакции. Последняя принята 11 ноября 2020 г. и применяется с 1 июня 2021 г. [12]. Как отмечает О. А. Городов, закон уклоняется от общего определения произведения и идет по пути перечисления видов [13]. Наблюдение существенно для нашей темы, статья 3 завершает перечень отсылкой к иным интеллектуальным достижениям, отвечающим требованиям к произведениям, чем снимает формальное препятствие для охраны персонажа, однако критериев такой охраны не устанавливает.

Инструментарий китайских судов складывался с оглядкой на американский опыт. Юй Ян указывает на применение теста, близкого по смыслу к story being told, с характерным дополнением, сюжет должен активно использовать имена героев и их взаимные отношения [14]. Практика по деталям образа развивалась противоречиво. Как описывает Ц. Пань, в споре о романах о боевых искусствах суд первой инстанции в 2018 году нарушения не усмотрел, сославшись на абстрактное сходство работ, тогда как суд по интеллектуальным правам в 2023 году признал плагиатом заимствование множества элементов из образов героев и их сюжетных линий [15]. Решающим оказался объем присвоенного материала, а не индивидуализирующая сила отдельной черты.

Различие с американским подходом здесь принципиально и обычно ускользает при беглом сопоставлении. Суд в США защищает единичную деталь, если она прочно связана с героем, китайский суд реагирует на масштаб заимствования. Первый подход работает точечно и пригоден для споров о товарах, воспроизводящих узнаваемый атрибут, второй приспособлен к крупным литературным заимствованиям и в мелких конфликтах бесполезен. В. В. Степаненко, сопоставляя практику трех стран, справедливо отмечает сходство китайского и американского подходов [16]. Сходство, однако, касается способа рассуждения, а не результата, и расходятся эти правопорядки ровно там, где спор идет о фрагменте образа. Свести позиции воедино позволяет таблица 1.

Таблица 1. **Сопоставление подходов к правовой охране персонажа**

Параметр сопоставления	Россия	США	КНР
Упоминание персонажа в законе	Прямое (п. 7 ст. 1259 ГК РФ)	Отсутствует (§ 102 разд. 17 Свода законов)	Отсутствует (ст. 3 Закона об авторском праве)
Основной критерий охраны	Узнаваемость вне контекста произведения	Проработанность образа и особая различительность	Оригинальность выражения и сюжетная нагрузка
Охрана отдельной детали образа	Прямо не решена, практика противоречива	Признается при устойчивой ассоциации с героем	Признается при массовом заимствовании элементов
Ответственность владельца сервиса за генерацию	Общие правила об информационном посреднике	Определяется судами, практика формируется	Закреплена обязанность разумной заботливости

Совпадение обнаруживается в главном. Три правопорядка защищают героя при устойчивой опознаваемости и отказывают в защите образу, сведенному к типажу. Российский критерий узнаваемости и американская связка проработанности с различительностью описывают одно явление разными словами, китайское требование ори-

гинальности выражения от них недалеко, поэтому спор о том, охраняется ли персонаж, можно считать закрытым. Расхождения сохранились на периферии конструкции, и наиболее острое из них связано с тем, кому вменяется нарушение.

Значение последнего вопроса выросло вместе с распространением генеративных сервисов. Прежде чем говорить об ответственности, стоит разобраться с судьбой образа, нарисованного нейросетью по запросу пользователя. Российское право отвечает через статью 1257 ГК РФ, признающую автором гражданина, творческим трудом которого создано произведение [1]. Пункт 80 постановления Пленума № 10 добавляет, что применение технических средств творческому характеру деятельности не мешает, однако результат, полученный без участия человека, охране не подлежит [2].

Практика приобрела конкретность недавно. Пресненский районный суд Москвы отказал в защите прав на изображения, полученные доработкой известных произведений при помощи нейросети, признав подачу команд программе действиями, которые «носят исключительно технический характер» [17]. Решение обжаловано, и окончательные выводы преждевременны, однако направление рассуждения показательно: применительно к сгенерированному материалу презумпция творческого характера фактически переворачивается. Ранее суды рассуждали мягче, и в споре о рекламном ролике с примененной технологией замены лица технология была признана инструментом обработки видеоматериала, а не способом его создания [17].

Зарубежные ориентиры разошлись. Ведомство по авторским правам США в докладе от 29 января 2025 г. заключило, что запрос к модели авторства сам по себе не создает, поскольку функционирует как указание, а не как выражение [18]. Позиция подкреплена судебной практикой, так как апелляционный суд округа Колумбия 18 марта 2025 г. подтвердил отказ в регистрации изображения, автором которого была заявлена вычислительная система, а 2 марта 2026 г. Верховный суд США отказал в пересмотре дела [19]. Пекинский интернет-суд решением от 27 ноября 2023 г. по делу Li v. Liu, напротив, признал сгенерированное изображение оригинальным произведением, усмотрев в подборе и корректировке параметров эстетический выбор заявителя [20].

Куда острее стоит вопрос о нарушении, то есть о ситуации, когда модель по запросу пользователя выдает изображение чужого охраняемого героя. Для правообладателя такой сценарий опаснее любой партии контрафакта, поскольку воспроизведение идет непрерывно и в неограниченном числе вариантов. Первое в мире решение по этому сюжету вынес Гуанчжоуский интернет-суд 8 февраля 2024 г. Обладатель исключительной лицензии на изображения известного японского героя доказал, что сервис ответчика генерирует картинки, воспроизводящие оригинальное художественное выражение, и суд признал нарушение прав на воспроизведение и переработку, обязав ответчика принять меры против дальнейшей генерации сходных образов [21].

Практика получила продолжение. Ханчжоуский интернет-суд в сентябре 2024 года возложил на владельца платформы ответственность за содействие нарушению, поскольку сервис позволял пользователям обучать вспомогательные модели на изображениях того же героя, а мер по предотвращению не принимал. Вышестоящая инстанция в декабре решение поддержала. Схожие споры идут в США. 11 июня 2025 г. крупные студии предъявили иск к разработчику сервиса генерации изображений, указав, что модель обучалась на охраняемых материалах и по запросам выдает узнаваемых героев, права на которых принадлежат истцам [22]. Существенно, что претензии адресованы к обучению модели и одновременно к результату генерации. Российская литература описывает ту же проблему. С. В. Тренина обращает внимание на неурегулированность использования охраняемых материалов для обучения моделей и на разнонаправленность формирующейся практики [23].

Отечественный законодатель летом 2026 года сделал шаг навстречу разработчикам. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ ввел исключение из авторских и смежных прав для анализа данных и краткосрочной записи произведений в память ЭВМ при обучении моделей, обставив его условиями. Исключение работает лишь для суверенной или национальной большой фундаментальной модели и лишь тогда, когда экземпляр получен правомерно либо произведение доступно для анализа без технических ограничений, а статья 10 вступает в силу с 1 марта 2027 г. [24]. Норма решает вопрос об использовании произведений на входе и молчит о выходе, поэтому генерация изображения, воспроизводящего охраняемого героя, исключением не охватывается.

Практическую ценность всей конструкции определяет то, с кого правообладатель сможет взыскать. Претензии к пользователю, сгенерировавшему одну картинку, экономически бессмысленны, интерес представляет владелец сервиса. Российское право располагает для этого статьей 1253.1 ГК РФ об информационном посреднике, и подход к ней недавно скорректирован. Конституционный Суд РФ в постановлении от 16 июня 2026 г. № 39-П признал оспариваемые положения соответствующими Конституции, но ужесточил условия освобождения от ответственности, владелец площадки обязан принимать достаточные меры и отвечать на обращения правообладателей, а при повторном использовании тем же контрагентом тех же объектов лишается возможности ссылаться на неосведомленность [25].

Сопоставление с китайскими решениями обнаруживает содержательное совпадение. Обязанность разумной заботливости, сформулированная судами Гуанчжоу и Ханчжоу применительно к генеративным сервисам, и стандарт достаточных мер, выведенный Конституционным Судом РФ для маркетплейсов, опираются на одну идею — освобождения заслуживает тот, кто реагирует на

конкретный сигнал, а не тот, кто ограничился формальной процедурой. Различие состоит в адресате, и перенос логики на владельца генеративного сервиса потребует расширительного толкования, ведь такой сервис чужой материал не размещает, а производит новый объект. С. Я. Давудова и К. Т. Рагимханова отмечают, что скорость нормативного реагирования у разных стран неодинакова [26], а А. Г. Шейкин показывает, что Китай сочетает оперативное подзаконное регулирование отдельных технологий с длительной подготовкой рамочного закона [27, с. 40]. Российский путь оказался ближе к китайскому.

Проведенное сопоставление позволяет сформулировать четыре предложения. Первое касается структуры охраны: целесообразно различать произведение, персонажа как его часть и отдельную индивидуализирующую деталь образа. Трехуровневая модель отражает то, как объекты используются в обороте, где на товар наносят то целую фигуру, то узнаваемый атрибут. Действующая двухуровневая схема этих различий не улавливает, чем и объясняется разнобой в делах, подобных спору о «Крошке Еноте» [5].

Второе предложение вводит критерий для нижнего уровня. Деталь образа подлежит самостоятельной охране, если вызывает у обычного представителя аудитории однозначную отсылку к конкретному герою при использовании вне контекста произведения. Формулировку уместно поместить в разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, дополнив пункт 82 постановления № 10. Опора у критерия двойная: американское решение, признавшее охраноспособной деталь костюма героя [11], и конструкция объективной узнаваемости, разработанная А. Ю. Копыловым через потребительское восприятие [4, с. 10]. Достоинство критерия в проверяемости, поскольку ассоциация устанавливается опросом или анализом рыночного поведения, тогда как оригинальность детали оценке поддается плохо.

Третье предложение служит противовесом второму. Признание детали самостоятельным объектом обостряет вопрос о расчете компенсации, что важно ввиду новой редакции статьи 1301 ГК РФ [6], ведь дробление образа способно превратить одну футболку в источник многомиллионного требования. Во избежание этого стоит закрепить правило, по которому использование нескольких деталей образа одного героя образует одно нарушение, если детали применены совместно и отсылают к одной фигуре.

Четвертое предложение относится к ответственности владельцев генеративных сервисов. Возлагать на них предварительную проверку каждого запроса нельзя, поскольку она технически невыполнима и приведет к избыточной блокировке правомерного творчества. Работоспособной представляется иная конструкция, воспроизводящая китайский опыт. Владелец сервиса освобождается от ответственности, пока не получил от правообладателя мотивированное обращение относительно конкретного героя, после обращения обязан ввести адресную фильтрацию по этому объекту, а при повторной генерации того же образа лишается ссылки на неосведомленность. Механизм согласуется со стандартом достаточных мер из постановления № 39-П [25] и переносит издержки на сторону, способную их нести. Дополнительно стоит прямо разграничить обучение модели и выдачу результата, чтобы исключение статьи 10 Федерального закона № 243-ФЗ не толковалось расширительно [24].

Различия в требованиях к персонажу как охраняемому объекту оказались заметно меньше, чем принято думать, и дискуссия по этому поводу в значительной мере исчерпана. Действительные расхождения обнаруживаются на двух участках: судьба отдельной детали образа, где американский правопорядок продвинулся дальше остальных, и распределение ответственности при генерации, где наиболее содержательный опыт накоплен китайскими интернет-судами. Появление нейросетей не создало для персонажа нового объекта охраны, зато изменило структуру риска, воспроизведение узнаваемого героя перестало требовать художественных навыков, и практический вопрос переместился с того, что защищается, на то, кто отвечает. Предложенные меры образуют связанный набор и не потребуют пересмотра концепции части четвертой Гражданского кодекса, укладываясь в логику уже принятых изменений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 7.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2015 № 309-ЭС14–7875. — Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70999086/ (дата обращения: 08.08.2026).
4. Копылов, А. Ю. Персонаж произведения как объект авторских прав: специальность 12.00.03: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Копылов А. Ю.. — Томск, 2021. — 198 с.
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.09.2022 № С01–1748/2022 по делу № А40–108627/2021. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 08.08.2026).
6. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 28. — Ст. 3854.

7. Nichols v. Universal Pictures Corp., 45 F.2d 119 (2d Cir. 1930). — Text: electronic // Justia US Law. — URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/45/119/1489834/ (дата обращения: 08.08.2026).
8. Warner Bros. Pictures, Inc. v. Columbia Broadcasting System, Inc., 216 F.2d 945 (9th Cir. 1954). — Text: electronic // Justia US Law. — URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/45/119/1489834/ (дата обращения: 08.08.2026).
9. DC Comics v. Towle, 802 F.3d 1012 (9th Cir. 2015). — Text: electronic // Justia US Law. — URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/13–55484/13–55484–2015–09–23.html (дата обращения: 09.08.2026).
10. Daniels v. Walt Disney Co., 958 F.3d 767 (9th Cir. 2020). — Text: electronic // Justia US Law. — URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/18–55635/18–55635–2020–03–16.html (дата обращения: 09.08.2026).
11. New Line Cinema Corp. v. Russ Berrie & Co., 161 F. Supp. 2d 293 (S. D. N.Y. 2001). — Text: electronic // Justia US Law. — URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/161/293/2388504/ (дата обращения: 09.08.2026).
12. Закон Китайской Народной Республики об авторском праве 1990 г. (в редакции от 09.11.2020). — Текст: электронный // WIPO Lex. — URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21065 (дата обращения: 09.08.2026).
13. Городов, О. А. Правовой режим объектов авторского и смежных прав по законодательству Китайской Народной Республики / О. А. Городов // Вестник Центра права имени В. А. Мусина. — 2024. — № 4. — С. 71–80.
14. Yang, Yu. Analysis of Copyright Protection Issues for Characters in Works / Yu Yang // Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. — 2023. — Vol. 20, no. 1. — P. 1–8.
15. Pan, Z. Study on the Legal Characterization of Copyright and Infringement of Characters in Fanfictions / Z. Pan // Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. — 2025. — Vol. 83, no. 1. — P. 108–115.
16. Степаненко, В. В. Сравнительно-правовая характеристика персонажа как объекта авторских прав в России, США и Китае / В. В. Степаненко // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 3. — С. 161–167.
17. Швецова, А. Суд не признал объектом авторского права изображения, созданные с помощью искусственного интеллекта / А. Швецова. — Текст: электронный // ComNews. — 2026. — 4 августа. — URL: https://www.comnews.ru/content/246716/ (дата обращения: 11.08.2026).
18. Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability / U. S. Copyright Office. — Washington, 2025. — Text: electronic. — URL: https://www.copyright.gov/ai/ (дата обращения: 11.08.2026).
19. Thaler v. Perlmutter, No. 23–5233 (D. C. Cir. 2025) — Text: electronic // Justia US Law. — URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cadc/23–5233/23–5233–2025–03–18.html (дата обращения: 11.08.2026).
20. Li v. Liu, (2023) Jing 0491 Min Chu No. 11279 (Beijing Internet Court, 27.11.2023).
21. (2024) Yue 0192 Min Chu No. 113 (Guangzhou Internet Court, 08.02.2024).
22. Disney Enterprises, Inc. v. Midjourney, Inc., No. 2:25-cv-05275 (C. D. Cal., подан 11.06.2025).
23. Тренина, С. В. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности в условиях современных реалий / С. В. Тренина // Вестник СНО ДонГУ. — 2026. — Выпуск 18, том 4. — С. 515–523.
24. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003 (дата обращения: 11.08.2026).
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2026 № 39-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби». // Собрание законодательства РФ. — 22.06.2026. — № 25. — Ст. 3436.
26. Давудова, С. Я. Правовое регулирование искусственного интеллекта в праве зарубежных стран / С. Я. Давудова, К. Т. Рагимханова // Государственная служба и кадры. — 2025. — № 2. — С. 219–224.
27. Шейкин, А. Г. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике: состояние, перспективы, сравнительный анализ законопроектных предложений (часть 1) / А. Г. Шейкин // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 1. — С. 38–54.

Природа и правовой механизм реализации полномочий органов публичной власти в сфере землепользования

Колтинова Ирина Васильевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Правовая природа полномочий органов публичной власти в сфере землепользования определяется, с одной стороны, общими признаками компетенции органов публичной власти как категории конституционного и административного права, особенностями земли как уникального объекта правового регулирования — с другой.

В условиях реформы организации публичной власти, закрепленной Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и Федеральным законом от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», уточнение содержания и правовой природы земельных полномочий приобретает особую актуальность.

Как указывает Е. А. Галиновская, институт государственного управления использованием и охраной земель нуждается в системной модернизации, содержание и способы осуществления управленческих функций в земельной сфере должны соотноситься с современными направлениями развития публичного управления, обеспечивающими рациональное использование земель как основы социально-экономического развития общества [1].

Специфику рассматриваемых полномочий предопределяет сам объект управления, а именно, земля. Правовая природа земельных полномочий публичных органов власти производна от многофункциональной сущности земли, она выступает одновременно природным объектом, составляющим часть окружающей среды, природным ресурсом, пространственным базисом для размещения объектов недвижимости, а также земельным участком как объектом права собственности и иных прав. Этим обусловлен публично-правовой характер полномочий органов публичной власти в сфере землепользования, даже в случаях, когда они оформляются через имущественные конструкции, реализация таких полномочий подчинена целям обеспечения публичного интереса, то есть рационального использования и охраны земель как основы жизни и деятельности населения, что прямо следует из содержания статьи 9 Конституции Российской Федерации [2].

Законодательное закрепление полномочий по уровням публичной власти осуществлено статьями 9–11 Земельного кодекса Российской Федерации. К полномочиям Российской Федерации отнесены установление основ федеральной политики в области регулирования земельных отношений, ограничений прав на земельные участки и их оборотоспособности, государственное управление в области мониторинга земель, федерального государственного земельного контроля (надзора) и землеустройства, а также управление и распоряжение землями федеральной собственности [3]. При этом полномочия федеральных органов исполнительной власти в области земельных отношений могут передаваться исполнительным органам субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Федеральным законом № 414-ФЗ [4].

Субъекты Российской Федерации аналогичным образом осуществляют управление и распоряжение участками региональной собственности, статьи 10.1 и 11 Земельного кодекса РФ закрепляют возможность перераспределения земельных полномочий между органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Таким образом, полномочия в сфере землепользования имеют разноуровневую структуру и закрепляются федеральным земельным законодательством, региональным законодательством и муниципальными правовыми актами, что придает регулированию комплексный, межотраслевой характер.

В соответствии со статьей 32 ФЗ № 33-ФЗ к полномочиям органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения отнесены, в частности, разработка и утверждение генеральных планов и правил землепользования и застройки, выдача разрешений на строительство и ввод объектов в эксплуатацию, принятие решений об изменении вида разрешенного использования земельного участка и о переводе участков из одной категории в другую. Принципиально, что часть таких полномочий в силу самого закона является перераспределенной для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации, если она не сохранена за муниципальным уровнем региональным законом, органы местного самоуправления в сфере землепользования и градостроительства действуют в единой системе публичной власти, что существенно корректирует традиционное представление об их автономии [5].

Особой правовой природой продолжают обладать полномочия по распоряжению земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена.

Как показывает Н. Н. Аверьянова, неразграниченные земли фактически представляют собой самостоятельную форму публичной собственности с особым правовым режимом, а полномочия по их управлению являются отдельными государственными полномочиями, переданными на исполнение органам местного самоуправления федеральным законом, минуя классическую схему наделения отдельными государственными полномочиями законом субъекта РФ [6]. Автор обращает внимание на внутренние коллизии законодательства, так, статья 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», закрепляющая указанные полномочия за муниципальными образованиями определенных видов, не вполне согласуется с законодательством о местном самоуправлении, что осложняет и их перераспределение между муниципальными образованиями, данная конструкция подтверждает вывод о том, что правовая природа земельных полномочий не сводится к классическому разделению на государственные и муниципальные, в сфере землепользования формируется особый публично-правовой режим, в рамках которого органы местного самоуправления действуют от имени публично-правового образования в целом. Эта проблема сохраняет значение и в период реформы МСУ, поскольку вопросы представления интересов «государственного» собственника и распределения ответственности за участки неразграниченных земель остаются дискуссионными в правоприменительной практике [7].

Качественно новым фактором, влияющим на содержание земельных полномочий публичных органов власти,

стала реформа целевого использования земель. Федеральным законом от 31 июля 2025 года № 295-ФЗ в Земельный кодекс Российской Федерации введена новая глава, посвященная видам разрешенного использования земельных участков, они устанавливаются в отношении земель всех категорий в соответствии с классификатором и регламентами использования земель, конкретизирован порядок определения видов разрешенного использования при предоставлении участков из публичной собственности, в том числе органами.

Тем самым в компетенции органов публичной власти появился самостоятельный публично-властный компонент, установление и изменение правового режима использования земельных участков, который не сводится ни к нормативному регулированию, ни к распоряжению публичной собственностью [8].

Таким образом, полномочия органов публичной власти в сфере землепользования представляют собой закрепленную нормативными правовыми актами соответствующего уровня совокупность прав и обязанностей по осуществлению задач и функций публичного управления в области распоряжения, рационального использования и охраны земель. Двойственность объекта управления, а именно, земля как природный объект и как объект недвижимости, придает данным полномочиям комплексный характер, объединяющий публично-правовые и частноправовые начала, что и определяет специфику правовой природы полномочий органов публичной власти в сфере землепользования.

Литература:

1. Галиновская Е. А. Правовые проблемы модернизации института государственного управления в сфере использования и охраны земель // Экологическое право. 2023. № 4. С. 2–9.
2. Нарутто С. В., Ряшин М. П. Роль муниципального контроля в развитии комфортной городской среды: монография / отв. ред. С. В. Нарутто. М.: Норма, ИНФРА-М, 2024
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026)
4. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм.)
5. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (ред. от 09.04.2026).
6. Аверьянова Н. Н. Публичная собственность на землю: проблемы определения правовой природы и управления // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3. С. 42–51.
7. Болтанова Е. С. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный). 6-е изд. М.: РИОР, ИНФРА-М, 2025.
8. Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ…» (вступил в силу с 01.03.2026).

Правовая охрана произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта: критерии авторства и творческого вклада человека

Котиев Илез Даудович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются проблемы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием технологий искусственного интеллекта, в российском авторском праве. Анализируются положения части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации о личности автора и творческом характере результата интеллектуальной деятельности. Обосновывается необходимость разграничивать полностью автономную генерацию контента и создание произведения при существенном творческом участии человека. Предлагаются критерии оценки такого участия и направления совершенствования правоприменительного подхода.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, авторское право, произведение, авторство, творческий вклад, генеративные модели, интеллектуальная собственность, правовая охрана.*

Введение

Развитие генеративного искусственного интеллекта существенно изменило способы создания текстов, изображений, музыки и иных результатов, которые внешне могут восприниматься как произведения науки, литературы или искусства. Современные системы способны формировать контент по текстовому запросу пользователя, перераба-

тывать исходные материалы, предлагать варианты композиции и стиля. Это создаёт новые возможности для творчества, но одновременно ставит перед авторским правом вопрос о том, какой правовой режим должен применяться к результатам, созданным с участием алгоритмов.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что действующее российское законодательство об авторском праве исходит из человеческого авторства. В соответствии со статьёй 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации автором произведения признаётся гражданин, творческим трудом которого оно создано [1]. При этом отсутствует специальный комплекс правил, прямо определяющий условия охраны результата, полученного с помощью генеративной модели, а также критерии разграничения творческого вклада пользователя и автоматической генерации.

Цель настоящей статьи — определить подходы к правовой охране произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, и сформулировать критерии оценки творческого вклада человека. Для достижения цели рассматриваются нормы российского законодательства, анализируются основные доктринальные позиции и предлагаются практические ориентиры для квалификации подобных результатов.

1. Человеческое авторство как основа российского авторского права

Основополагающее значение для решения рассматриваемого вопроса имеет статья 1228 ГК РФ, согласно которой автором результата интеллектуальной деятельности признаётся гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Закон отдельно указывает, что не признаются авторами лица, оказавшие только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие, а также лица, осуществлявшие контроль за выполнением работ [1]. Следовательно, само по себе предоставление ресурсов, постановка организационной задачи или техническое обеспечение процесса не создаёт авторства.

Данное правило применяется во взаимосвязи со статьями 1257 и 1259 ГК РФ. Авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности и выраженные в объективной форме. Закон охраняет форму выражения произведения, а не идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия и факты как таковые [1]. Поэтому наличие у результата практической ценности, оригинального внешнего вида или коммерческого спроса само по себе не решает вопрос о наличии авторских прав.

Использование программного обеспечения при создании произведения не исключает авторско-правовую охрану. Художник может работать с графическим редактором, композитор — с цифровой звуковой станцией, а автор текста — с программами проверки и редактирования. Во всех этих случаях технология служит инструментом, а правовая оценка зависит от характера творческой деятельности человека. Генеративный искусственный интеллект усложняет эту оценку, поскольку способен самостоятельно формировать значительную часть окончательного результата, а не только выполнять заранее определённую техническую операцию.

Таким образом, принципиальное значение имеет не факт использования нейросети как таковой, а распределение творческих решений между человеком и системой. Если пользователь самостоятельно определяет замысел, отбирает и перестраивает сгенерированные фрагменты, редактирует композицию и формирует оригинальную итоговую форму, результат может содержать охраняемый человеческий творческий вклад. Если же пользователь вводит общий запрос и без существенной переработки принимает автоматически сформированный материал, основания признавать его автором всего результата требуют более тщательного анализа.

2. Разграничение генерации и творческого участия человека

На практике целесообразно различать несколько типовых ситуаций. Первая — полностью автоматизированная генерация, при которой пользователь задаёт общий запрос, а система самостоятельно формирует итоговый текст, изображение или музыкальный фрагмент. Вторая — создание результата посредством многократного уточнения запросов и выбора между вариантами. Третья — использование сгенерированного материала как заготовки, которую человек существенно перерабатывает, дополняет и включает в собственное произведение. Эти ситуации не должны автоматически получать одинаковую правовую оценку.

В первом случае авторство пользователя не может выводиться исключительно из того, что именно он запустил генерацию или оплатил доступ к сервису. Такое действие может рассматриваться как техническое или организационное содействие, которое само по себе не образует творческого вклада в смысле статьи 1228 ГК РФ [1]. При этом отсутствие авторских прав на автономно сгенерированный материал не означает, что его использование всегда запрещено: вопрос о допустимости использования может зависеть от иных правовых оснований, условий сервиса, прав третьих лиц и характера самого материала.

Во втором случае необходимо оценивать содержание действий пользователя. Количество запросов, их длина и сложность не являются самодостаточными показателями авторства. Пользователь может многократно менять формулировки, но фактически оставлять системе свободу самостоятельно определять художественные и композиционные решения. И наоборот, сравнительно короткий запрос может включать подробные творческие указания, определяющие композицию, характер персонажей, после-

довательность событий или взаимное расположение визуальных элементов. Поэтому значение имеет не число взаимодействий с системой, а реальная степень контроля человека над выразительной формой результата.

В третьем случае основания для охраны могут быть более убедительными. Если человек переработал исходный материал, написал оригинальные фрагменты, изменил структуру, отобрал и творчески расположил элементы, правовая охрана может распространяться на созданную им оригинальную форму в пределах доказуемого вклада. При этом нельзя автоматически считать, что творческая переработка одного элемента предоставляет исключительное право на все остальные элементы, созданные системой. Объём охраны должен определяться с учётом того, какие именно части результата созданы творческим трудом человека.

Представляется, что ключевым критерием должна выступать возможность установить конкретные творческие решения человека, нашедшие выражение в окончательном произведении. К таким решениям могут относиться оригинальный отбор и расположение материала, существенная редактура, самостоятельная разработка композиции, создание связующего текста, преобразование персонажей или структуры повествования. Обычная техническая корректировка, выбор формата файла, исправление случайных ошибок или простое нажатие команды генерации сами по себе не должны считаться достаточными.

3. Проблемы доказывания авторства и определения объёма прав

Даже при наличии творческого вклада пользователя возникает вопрос о его доказывании. В традиционной ситуации автор может представить черновики, исходные файлы, наброски и промежуточные версии произведения. При работе с генеративными системами значимыми доказательствами могут стать история запросов, последовательность вариантов, журналы изменений, версии документа до и после переработки, сведения об использованном программном обеспечении и объяснение конкретных творческих решений автора.

Ни один из перечисленных материалов не должен признаваться безусловным доказательством авторства. История запросов подтверждает взаимодействие пользователя с системой, но не обязательно показывает, что итоговая форма создана его творческим трудом. Аналогично наличие файла с датой создания подтверждает существование определённой версии к соответствующему моменту, но само по себе не устанавливает автора. Доказательства необходимо оценивать в совокупности, с учётом характера произведения и конкретных обстоятельств его создания.

Важным является и вопрос об объёме исключительного права. Если итоговый объект включает человеческие фрагменты и автоматически сгенерированные элементы, нельзя без дополнительного анализа распространять режим охраны на весь объект в целом. Например, авторский текст, написанный человеком и дополненный сгенерированными иллюстрациями, может охраняться как самостоятельное литературное произведение; наличие иллюстраций не означает автоматически возникновения у автора текста исключительного права на изображения. И наоборот, творческая компоновка элементов может иметь самостоятельное значение, если она является результатом человеческого творческого труда.

Научная литература обращает внимание на отсутствие единого подхода к правовой охране результатов генеративного искусственного интеллекта. Исследователи анализируют возможность охраны контента при условии его оригинальности, а также необходимость учитывать роль человека в процессе создания [3]. В публикациях о правовом регулировании произведений, созданных нейросетями, подчёркивается, что проблема заключается не только в технической природе генерации, но и в установлении юридически значимого творческого вклада [4]. Это подтверждает необходимость гибкого, но предсказуемого подхода, основанного на анализе конкретного результата.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что применение генеративного искусственного интеллекта само по себе не исключает авторско-правовую охрану результата, но и не означает автоматического возникновения авторских прав у пользователя.

Для определения наличия охраняемого человеческого вклада необходимо разграничивать запуск генерации, техническое сопровождение, выбор готового варианта и самостоятельную творческую переработку результата. Наиболее убедительные основания для признания авторства возникают в тех случаях, когда человек может показать, какие оригинальные элементы, структура или выразительные решения созданы им лично. При смешанном результате объём охраны должен определяться применительно к человеческому вкладу, а не распространяться без анализа на весь сгенерированный материал.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Свиридова Е. А. Проблема определения субъекта авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Государство и право. 2021. № 2. С. 95–103.

3. Сунь Юйпэн, Чернусь Н. Ю. Защита авторских прав, созданных с использованием генеративного искусственного интеллекта (GenAI): практика России и Китая // Юрист. 2025. № 4. С. 9–13.
4. Драгунова С. А. Проблемы правового регулирования авторских прав на произведения, созданные нейросетью // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1. С. 104–110.
5. Ганева Е. О. Правовая охрана произведений, созданных технологией искусственного интеллекта // Государство и право. 2024. Т. 6. № 2. С. 70–75.

Разночтения законодательства Российской Федерации о пользовании общим имуществом многоквартирного дома: проблемы размещения информационных конструкций на фасадах

Курьянов Александр Викторович, студент магистратуры
Сургутский государственный университет

Статья посвящена анализу противоречий в правовом регулировании и правоприменении норм о пользовании общим имуществом многоквартирного дома (МКД) применительно к размещению на фасадах информационных конструкций. Рассматривается соотношение положений жилищного законодательства (ст. 36, 44 Жилищного кодекса РФ), законодательства о рекламе и законодательства о защите прав потребителей (ст. 9 Закона РФ «О защите прав потребителей»). На основе анализа судебной практики арбитражных судов, правовых позиций Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ показана неустойчивость критериев разграничения обязательной информационной вывески и рекламной конструкции. Отдельное внимание уделено практике злоупотребления нормами о защите прав потребителей, когда фактически рекламные конструкции маскируются под обязательную к размещению информацию с целью обойти необходимость получения согласия общего собрания собственников помещений МКД. Приведены примеры муниципального регулирования (правила благоустройства), разъяснений антимонопольного органа и практики прокурорского реагирования. По результатам анализа сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на защиту прав собственников помещений в МКД.

***Ключевые слова**: многоквартирный дом; общее имущество; информационная конструкция; вывеска; реклама; фасад; общее собрание собственников; защита прав потребителей; злоупотребление правом; судебная практика.*

Введение

Многоквартирный дом (далее — МКД) как объект правового регулирования представляет собой сложный имущественный комплекс, в котором наряду с помещениями, находящимися в индивидуальной собственности, существует общее имущество, принадлежащее собственникам помещений на праве общей долевой собственности. Фасад дома, являясь ограждающей несущей либо несущей конструкцией, по общему правилу отнесён к составу общего имущества (ч. 1 ст. 36 Жилищного кодекса РФ, далее — ЖК РФ) [1]. Использование фасада для размещения информационных конструкций (вывесок, табличек, указателей, рекламных конструкций) собственниками нежилых помещений, арендаторами и третьими лицами порождает устойчивый и практически значимый конфликт интересов: между лицом, разместившим конструкцию, заинтересованным в информировании потребителей и продвижении своей деятельности, и остальными собственниками помещений МКД, чьё согласие на использование общего имущества требуется по закону.

Актуальность темы обусловлена массовым характером соответствующих споров, разнонаправленностью судебной практики различных судебных округов и инстанций, а также распространённой практикой недобросовестного использования норм законодательства о защите прав потребителей в целях обхода процедуры согласования с общим собранием собственников (далее — ОСС). Целью настоящей статьи является выявление системных причин разночтений в применении законодательства о пользовании общим имуществом МКД в части размещения информационных конструкций и формулирование предложений по их устранению.

Правовой режим общего имущества МКД и порядок его использования. В соответствии с ч. 1 ст. 36 ЖК РФ [1] собственникам помещений в МКД принадлежат на праве общей долевой собственности помещения, не являющиеся частями квартир, а также иное имущество, обслуживающее более одного помещения в доме, включая ограждающие несущие и ненесущие конструкции дома, к которым относится и фасад. Пункт 3 части 2 статьи 44 ЖК РФ [1] прямо относит к компетенции ОСС принятие решений о пользовании общим имуществом иными лицами, в том числе о заключении договоров об установке и эксплуатации рекламных конструкций, если для их установки и эксплуатации предполагается использовать общее имущество.

Ключевая методологическая проблема состоит в том, что буквальное содержание п. 3 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ [1] упоминает лишь рекламные конструкции, оставляя открытым вопрос о правовом режиме иных информационных конструкций — вывесок, содержащих обязательную в силу закона информацию (наименование организации, режим работы, вид деятельности). Именно этот пробел стал источником длительной судебной дискуссии о том, требуется ли согласие собственников на размещение вывески, если она не является рекламной.

Понятийная неопределённость: вывеска, обязательная информация и реклама. Разграничение вывески и рекламной конструкции проводится по признаку цели и содержания размещаемой информации. Согласно правовым позициям судов, конструкция признаётся рекламой, если она направлена на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и продвижение на рынке (ст. 3 Федерального закона «О рекламе») [3]. Если же конструкция лишь доводит до сведения потребителей информацию, обязательную к размещению в силу ст. 9 Закона РФ «О защите прав потребителей» [2] (фирменное наименование, место нахождения, режим работы), она рекламой не является и признаётся частью так называемой обязательной информации.

Однако практика показывает, что чёткого нормативного критерия для отграничения обязательной вывески от иных информационных конструкций (в частности, содержащих указание на вид деятельности, товарный знак, коммерческое обозначение без фирменного наименования) не существует. Статья 9 Закона о защите прав потребителей [2] не обязывает размещать на вывеске род деятельности организации, поэтому конструкции, ограничивающиеся лишь указанием профиля деятельности или бренда, формально не подпадают под понятие обязательной информации, но и не всегда признаются рекламой, поскольку не преследуют цели продвижения конкретного товара. Такая «серая зона» создаёт почву как для судебных ошибок, так и для сознательного использования участниками оборота формулировок, имитирующих признаки обязательной информации.

Хронология и противоречивость судебной практики о размещении информационных конструкций на фасадах МКД. Судебная практика по спорам о вывесках и иных информационных конструкциях на фасадах МКД формировалась более десяти лет и не демонстрирует линейной эволюции: акты, принятые в близкие периоды, исходят из противоположных посылок, а исход спора определяется квалификацией конструкции и обстоятельствами дела. Для наглядности основные акты рассмотрены в хронологическом порядке.

2014 г.: информация по ст. 9 Закона о защите прав потребителей размещается без согласия и без платы. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.11.2014 № 303-ЭС14–395 [6] управляющая организация требовала плату за две вывески магазина (площадью 2 и 7,56 кв. м). Суды признали обе вывески рекламными. Верховный Суд РФ разграничил их: вывеска площадью 2 кв. м, по содержанию, размеру и месту соответствующая ст. 9 Закона о защите прав потребителей [2] и Правилам благоустройства г. Хабаровска, размещается во исполнение публичной обязанности, плата за неё ни этим законом, ни ЖК РФ [1] не предусмотрена, а решение ОСС о пользовании общим имуществом по ст. 44 ЖК РФ [1] допускается лишь для рекламных конструкций; вывеска площадью 7,56 кв. м с товарным знаком, не содержащая всех обязательных сведений, признана рекламной, и плата за неё взыскана. Месяцем позже Арбитражный суд Северо-Западного округа (постановление от 22.12.2014 по делу № А56–77154/2013 [7]), отказывая в иске прокурора об оспаривании договора управляющей организации с владельцем вывесок «АПТЕКА», «ОПТИКА» и «24 часа», указал, что согласие собственников необходимо только для рекламной информации; исполнение требований закона о доведении сведений до потребителей не может зависеть от воли собственника, а доказательств нарушения прав собственников не представлено. Суд отметил также, что прокурор неверно определил лицо, чьи права нарушены: это собственники помещений, а не субъект РФ.

2016 г.: полнота сведений и содержание как критерий рекламного характера. Уже в 2016 г. прослеживается иной подход. В определении судьи Верховного Суда РФ от 12.04.2016 № 302-ЭС16–2298 [8] вывеска индивидуального предпринимателя признана рекламной, поскольку была направлена на привлечение внимания к реализуемому товару и не содержала всех сведений, предусмотренных Законом о защите прав потребителей [2]; к её размещению применены п. 3 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ [1] и решение совета дома о тарифах, а демонтаж управляющей организацией признан правомерным, убытки предпринимателя — отсутствующими. Между тем в иных актах того же периода неполнота обязательных сведений сама по себе рекламой не считалась. Так, Арбитражный суд Поволжского округа (постановление от 10.08.2016 по делу № А57–28227/2015 [9]) признал бегущую строку с перечнем товаров и услуг, размещённую в месте нахождения магазина без указания телефона, сайта и торговой марки, информативной, не требующей согласования с жильцами, и поддержал отмену предписания администрации г. Саратова о её демонтаже. Определением от 22.08.2016 № 307-ЭС16–10288 [10] Верховный Суд РФ отказал в передаче жалобы товарищества собственников недвижимости, требовавшего плату за вывеску «Магнит»: суды, установив отсутствие рекламных сведений, признали неосновательное обогащение недоказанным, а кроме того исходили из того, что стена встроенно-пристроенного помещения не относится к общему имуществу.

2017 г.: решение общего собрания не защищает от иска арендатора. В постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.02.2017 по делу № А56–4625/2016 [11] управляющая организация демонтировала конструкции оптики (объёмные буквы, логотип, короб с названием) на основании решения ОСС о наделении

её полномочиями по устранению нарушений и письма районного жилищного агентства. Суды признали конструкции вывеской с наименованием и видом деятельности, а не рекламой, и взыскали с управляющей организации ущерб в размере 137 924 руб. 56 коп. Таким образом, при одном и том же формальном основании — решении ОСС — результат зависел исключительно от квалификации конструкции.

2018–2024 гг.: возмездность и решение собственников как общее правило. Позднее акценты в практике Верховного Суда РФ сместились. Как следует из определения от 26.07.2024 № 308-ЭС23–25249 [12], Судебная коллегия по экономическим спорам ранее указывала, что использование общего имущества допускается по решению ОСС и, если им не установлено иное, с предоставлением соразмерной компенсации. Пункт 26 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2021) [5] закрепил запрет единоличного пользования общим имуществом без согласия других сособственников.

2024 г.: Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ с разными акцентами. В определении от 12.03.2024 № 554-О [4] Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы товарищества собственников недвижимости на п. 3 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ [1]. Поводом стал спор о вывеске с наименованием и графиком работы, которую субарендатор разместил на фасаде без решения общего собрания и без платы; суды апелляционной и кассационной инстанций в иске о демонтаже и взыскании платы отказали, опираясь в том числе на определение Верховного Суда РФ от 18.11.2014 № 303-ЭС14–395 [6]. Конституционный Суд РФ указал, что информация на вывеске, размещение которой обусловлено ст. 9 Закона о защите прав потребителей [2], рекламой не является, и порядок её размещения принципиально отличается от порядка размещения рекламы: общее собрание не вправе препятствовать размещению такой вывески лицом, эксплуатирующим помещение, независимо от права, на котором оно им владеет, а для её размещения и безвозмездной эксплуатации решение собрания не требуется. Одновременно Конституционный Суд РФ подчеркнул, что вывеска не должна нарушать права и законные интересы других лиц, создавать препятствия пользованию общим имуществом и его надлежащему содержанию, а поскольку федеральные требования к форме и содержанию вывески отсутствуют, эти вопросы могут быть разрешены общим собранием самостоятельно с учётом законодательства субъектов РФ, актов местного самоуправления и особенностей дома.

Спустя менее полугода Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 26.07.2024 № 308-ЭС23–25249 [12] по спору управляющей организации с арендатором торговой сети, ссылаясь и на определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2024 № 554-О [4], сделала иной акцент. Суды трёх инстанций отказали в демонтаже конструкций площадью более 40 кв. м, признав их не рекламой, а вывесками с коммерческим обозначением, согласованными уполномоченным органом. Верховный Суд РФ отменил эти акты, указав, что возмездность использования общего имущества и необходимость согласия собственников не зависят от того, является ли конструкция рекламой: без решения ОСС и безвозмездно размещается лишь информационная вывеска, обязательная по Закону о защите прав потребителей [2], причём её вид и размер определяются муниципальными правилами (в Краснодаре — не более 0,2 кв. м для информационной таблички). Соответствие конструкций этим требованиям суды не проверяли; договор аренды с собственником помещения не заменяет решения ОСС. Тем самым подход 2014 г., по которому решение ОСС о пользовании фасадом связывалось только с рекламными конструкциями [6], в части нерекламных конструкций, не отвечающих требованиям Закона о защите прав потребителей [2], фактически пересмотрен той же Судебной коллегией и расходится с актами [7], [9], [10], [11].

Тенденция получила продолжение в 2026 г. По сообщению правовой прессы [15], 17.02.2026 Верховный Суд РФ отменил акты трёх инстанций по делу № 18-КГ25–471-К4 об обязании владельца нежилых помещений в Анапе демонтировать вывеску с информацией о спортзале, спа и салоне красоты: нижестоящие суды отказали в иске, сославшись на разрешение администрации, признавшей конструкцию информационной, а Верховный Суд РФ указал, что передача общего имущества в пользование иным лицам возможна по решению ОСС независимо от целей конструкции, и отметил, что суды не назначили экспертизу по доводам о скоплении под вывеской влаги и мусора.

Таким образом, при формально единых нормах ЖК РФ [1] судебная практика колеблется между двумя моделями. Согласно первой, согласие ОСС требуется для любого использования фасада заинтересованным лицом, за исключением размещения обязательной по Закону о защите прав потребителей [2] вывески, параметры которой подлежат проверке [8], [12], [17]. Согласно второй, согласие необходимо только для рекламы, а любая нерекламная вывеска, включая содержащую вид деятельности или коммерческое обозначение, размещается без согласия и без платы [7], [9], [10], [11]. Позиции Конституционного Суда РФ [4] и Верховного Суда РФ [6] устанавливают изъятие для обязательной информационной вывески, но не снимают спора о режиме остальных нерекламных конструкций.

Злоупотребление положениями законодательства о защите прав потребителей. На практике распространена модель поведения, при которой хозяйствующие субъекты (в первую очередь арендаторы нежилых помещений в МКД) размещают на фасаде конструкции с элементами коммерческой рекламы (изображение товарного знака, слоганы, цветовые решения, привлекающие внимание), формально ссылаясь на обязательность такой информации в силу ст. 9 Закона о защите прав потребителей [2]. Подобная квалификация выгодна размещающему лицу постольку, поскольку освобождает его от необходимости заключать договор об использовании общего имущества и получать решение ОСС, то есть от несения расходов на плату за

пользование общим имуществом и от риска отказа собственников в согласовании.

Такая практика представляет собой злоупотребление правом в широком смысле: формальное основание (защита прав потребителей на информацию) используется для достижения цели, прямо несовместимой с назначением нормы, — обхода императивного требования жилищного законодательства о необходимости решения ОСС. Показательно, что часть письменных согласований, выдаваемых муниципальными органами, констатирующих «информационный» характер вывески, впоследствии признаются судами недостаточными доказательствами, поскольку такие органы не наделены полномочиями по разрешению гражданско-правовых споров о правовом режиме общего имущества и оценивают конструкцию преимущественно с точки зрения соответствия правилам благоустройства, а не жилищного законодательства.

Дополнительным фактором, стимулирующим злоупотребления, выступает Приказ ФАС России от 21.06.2024 № 412/24 [13], в котором говорится, что указание на здании в месте нахождения организации ее наименования, в том числе выполненного с использованием товарного знака или его части, адреса и режима работы организации относится к обязательным требованиям, предъявляемым к вывеске Законом о защите прав потребителей, следовательно, такая информация не может рассматриваться в качестве рекламы независимо от манеры ее исполнения. Указанное разъяснение, обоснованное с точки зрения соотношения вывески и рекламы в публично-правовом (административном) смысле, зачастую ошибочно экстраполируется правоприменителями и хозяйствующими субъектами на гражданско-правовой вопрос о необходимости согласия ОСС, хотя эти два правовых режима — публичный (разрешительный порядок размещения рекламных конструкций) и частноправовой (согласие сособственников на использование общего имущества) — являются самостоятельными и не тождественными.

Реагирование органов местного самоуправления: правила благоустройства. Отдельным уровнем регулирования выступают муниципальные правила благоустройства и специальные акты о размещении информационных конструкций, принимаемые в развитие полномочий органов местного самоуправления в сфере благоустройства территорий. Наиболее детализированным является опыт г. Москвы, где постановлением Правительства Москвы от 25 декабря 2013 г. № 902-ПП «О размещении информационных конструкций в городе Москве» [14] утверждены правила размещения и содержания информационных конструкций (вывесок), устанавливающие требования к типам, размерам, месту размещения (в частности, запрет размещения вывесок в границах жилых помещений и на глухих торцах фасада, требование размещения вывесок нескольких организаций на одном фасаде на единой горизонтальной линии).

Подобные акты преследуют цели сохранения архитектурного облика зданий и упорядочения размещения конструкций, однако их предмет регулирования — публично-правовые (административные) требования к внешнему виду и месту размещения конструкции — не совпадает и не может подменять предмет регулирования жилищного законодательства — гражданско-правовой порядок использования общего имущества МКД, требующий согласия ОСС. Согласование конструкции с уполномоченным органом благоустройства подтверждает лишь её соответствие требованиям градостроительного и рекламного законодательства, но не заменяет собой согласие собственников помещений на использование их общего имущества и не освобождает размещающее лицо от обязанности получить такое согласие. Смешение этих двух самостоятельных правовых режимов на практике служит одной из причин ошибочной убеждённости хозяйствующих субъектов (а порой и судов) в том, что муниципальное согласование само по себе легализует использование общего имущества МКД.

Практика прокурорского реагирования. Органы прокуратуры также вовлечены в разрешение подобных конфликтов, преимущественно по обращениям товариществ собственников жилья, управляющих организаций и советов МКД. Практика показывает, что при выявлении фактов размещения информационных и рекламных конструкций на общем имуществе МКД без решения ОСС прокуратура вправе применять меры общего надзора — вносить представления об устранении нарушений в адрес хозяйствующих субъектов и органов местного самоуправления, выдавших согласование на размещение конструкции без надлежащей правовой оценки статуса фасада как общего имущества, а также обращаться в суд в защиту прав неопределённого круга собственников помещений МКД, если управляющая организация или совет дома самостоятельно не реализуют соответствующие полномочия.

Вместе с тем эффективность прокурорского реагирования по данной категории дел ограничена гражданско-правовой природой спора: демонтаж незаконно установленной конструкции и взыскание неосновательного обогащения относятся к компетенции суда по иску заинтересованного лица (управляющей организации, ТСЖ, отдельного собственника), а не прокурора, действующего в порядке общего надзора.

Анализ проблематики. Обобщение изложенного позволяет выделить несколько системных причин разночтений в правоприменении:

1) коллизия целей регулирования. Нормы ст. 9 Закона о защите прав потребителей [2] преследуют цель информирования потребителя и не учитывают вещно-правовой статус фасада как общего имущества МКД; нормы п. 3 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ [1], напротив, защищают имущественные права собственников общего имущества, но не содержат чётких критериев для отграничения «обязательной» информации от иной информации коммерческого характера;

2) отсутствие единого нормативного определения информационной конструкции. Действующее законо-

дательство не содержит легальной дефиниции «информационной конструкции» как родового понятия, охватывающего и вывеску, и рекламную конструкцию, и иные указатели, что вынуждает суды в каждом деле заново устанавливать правовую природу спорного объекта, зачастую на основе экспертизы или субъективной оценки содержания надписи [8], [11];

3) смешение публично-правового и частноправового регулирования. Согласование конструкции органом местного самоуправления в рамках правил благоустройства (публичный порядок) ошибочно воспринимается участниками оборота и отдельными правоприменителями как достаточное основание для размещения конструкции на общем имуществе, минуя частноправовой порядок получения согласия ОСС [12];

4) неравенство переговорных возможностей сторон. Отдельные собственники нежилых помещений и арендаторы, как правило, обладают большими организационными и юридическими ресурсами по сравнению с разрозненным сообществом собственников жилых помещений МКД, что стимулирует недобросовестное использование правовой неопределённости и снижает вероятность своевременного оспаривания незаконно установленных конструкций.

Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. По результатам проведённого анализа представляется целесообразным сформулировать следующие предложения, направленные на защиту прав собственников помещений в МКД:

1. Дополнить Жилищный кодекс РФ легальным определением понятия «информационная конструкция» и закрепить в п. 3 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ [1] единый правовой режим согласования любых конструкций, размещаемых на общем имуществе МКД заинтересованными лицами в предпринимательских целях, независимо от их квалификации в качестве рекламы либо обязательной информации, — за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (минимальная вывеска по адресу фактического нахождения организации в границах занимаемого ею помещения, не затрагивающая конструктивные элементы фасада и не создающая препятствий иным собственникам).

2. Установить в законодательстве о защите прав потребителей и (или) в разъяснениях уполномоченных органов исчерпывающий перечень сведений и минимальные технические параметры вывески, размещение которой не требует согласия ОСС, исключив возможность включения в состав «обязательной информации» элементов, выполняющих рекламную функцию (товарные знаки, слоганы, стилизованные изображения, цветографические решения, превышающие технически необходимые для целей информирования).

3. Прямо указать на уровне разъяснений Верховного Суда РФ (в том числе путём принятия отдельного пункта постановления Пленума либо обзора судебной практики, посвящённого исключительно спорам об использовании общего имущества МКД под информационные конструкции), что согласование конструкции органом местного самоуправления в рамках правил благоустройства не является доказательством, освобождающим от необходимости получения согласия ОСС, и не имеет преюдициального значения для разрешения гражданско-правового спора о правовом режиме общего имущества.

4. Синхронизировать муниципальные правила благоустройства и порядок размещения информационных конструкций с требованиями жилищного законодательства, включив в соответствующие акты прямое указание на необходимость приложения к заявлению о согласовании вывески на фасаде МКД решения ОСС либо договора, заключённого на его основании, как обязательного условия выдачи согласования.

5. Расширить полномочия управляющих организаций и советов МКД по оперативному пресечению нарушений — в частности, закрепить упрощённый (внесудебный либо приказной) порядок демонтажа информационных конструкций, размещённых на общем имуществе в отсутствие решения ОСС, по аналогии с механизмом освобождения самовольно занятых мест общего пользования, с последующим судебным оспариванием демонтажа лицом, разместившим конструкцию, если оно полагает свои права нарушенными.

6. Ориентировать органы прокуратуры на системное проведение проверок соблюдения жилищного законодательства при согласовании информационных конструкций органами местного самоуправления, с обязательной оценкой того, учитывался ли статус фасада как общего имущества МКД при выдаче такого согласования, и с последующим предъявлением исков в защиту прав неопределённого круга собственников в случаях выявленных системных нарушений.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что действующее правовое регулирование пользования общим имуществом МКД в части размещения информационных конструкций характеризуется системной неопределённостью, обусловленной параллельным действием жилищного законодательства, законодательства о рекламе, законодательства о защите прав потребителей и муниципальных правил благоустройства, не согласованных между собой по предмету и целям регулирования. Хронология судебных актов с 2014 по 2024 г. демонстрирует чередование позиций — от признания допустимости размещения нерекламных вывесок без согласия ОСС и без платы до вывода о необходимости решения собственников для любых конструкций, кроме обязательной информационной вывески установленных параметров, — что свидетельствует об отсутствии устойчивого баланса интересов участников гражданского оборота. Распространённая практика использования норм о защите прав потребителей для обхода процедуры согласования с ОСС требует целенаправленной реакции законодателя и правоприменителя.

Предложенные меры — уточнение легальных дефиниций, синхронизация публично-правового и частноправового регулирования, повышение роли разъяснений высшей судебной инстанции и усиление контрольных полномочий управляющих организаций — направлены на восстановление баланса интересов и на обеспечение реальной, а не декларативной защиты прав собственников помещений в многоквартирном доме.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в редакции от 4 августа 2026 г.) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей» (в редакции от 28 декабря 2025 г., с изменениями от 17 февраля 2026 г.) (с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 1 октября 2026 г.) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (последняя редакция) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2024 г. № 554-О // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021 г. — П. 26 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.11.2014 № 303-ЭС14–395 (дело № А73–9636/2012) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.12.2014 по делу № А56–77154/2013) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2016 № 302-ЭС16–2298 (дело № А33–21380/2014) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.08.2016 № Ф06–11946/2016 по делу № А57–28227/2015 // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2016 № 307-ЭС16–10288 (дело № А56–47633/2015) 2015 // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.02.2017 по делу № А56–4625/2016 // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.07.2024 № 308-ЭС23–25249 (дело № А32–32373/2022) // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
13. Приказ ФАС России от 21 июня 2024 г. № 412/24 «Об утверждении руководств по соблюдению обязательных требований в сфере рекламы» (вместе с «Руководством по соблюдению обязательных требований к рекламе отдельных видов товаров (реклама финансовых услуг и финансовой деятельности)», «Руководством по соблюдению обязательных требований при разграничении понятий «Вывеска» и «Реклама»») // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Правительства Москвы от 25.12.2013 № 902-ПП «О размещении информационных конструкций в городе Москве» (в действ. ред.).
15. Гормалева, Н. Вывеска на фасаде дома: как правильно её разместить и не нарушить права жильцов / Н. Гормалева. — Текст: электронный // Право.ру: [сайт]. — 2026. — 2 марта. — URL: https://pravo.ru/story/262628/ (дата обращения: 25.09.2026).

Административная ответственность как вид юридической ответственности: современные научные подходы и цифровое обеспечение

Лебедев Максим Владимирович, студент
Научный руководитель: Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье административная ответственность рассматривается как самостоятельный вид юридической ответственности, и сопоставляются научные подходы к её природе: карательный, превентивный и правозащитный. Показано, как цифровые технологии (автоматическая фиксация нарушений, электронные платежи, межведомственный

обмен данными) изменяют порядок привлечения к ответственности, повышая скорость и охват, но ослабляя индивидуальный подход и возможность заранее заметить ошибку. Выделены основные проблемы практики, среди которых презумпция невиновности в автоматическом режиме, защита данных и доступность обжалования, и предложены меры, способные сохранить гарантии лица при цифровом производстве.

Ключевые слова: *административная ответственность, юридическая ответственность, КоАП РФ, автоматическая фиксация правонарушений, цифровая трансформация, презумпция невиновности, персональные данные.*

Административная ответственность — наиболее массовый вид юридической ответственности: с ней граждане сталкиваются чаще, чем с уголовной, а органов, которые вправе её применять, больше, чем в любой другой отрасли. Именно поэтому цифровизация затронула её раньше и глубже остальных. Нарушение правил дорожного движения фиксирует камера, штраф приходит уведомлением на портал, оплата проходит онлайн. С одной стороны, это снижает издержки и число личных контактов с должностным лицом. С другой — рождает вопрос, остаются ли при таком производстве те гарантии, ради которых ответственность вообще облекается в процессуальную форму. Общие вопросы развития права в условиях цифровой реальности подробно рассматриваются в литературе [7]. В статье предпринята попытка выяснить, какие научные подходы к природе административной ответственности существуют, как цифровая среда меняет механизм её применения и какие меры нужны, чтобы технологии не подменяли право.

Начать следует с определения. Юридическая ответственность — это применение мер государственного принуждения к лицу, совершившему правонарушение, закреплённое законом и осуждаемое государством. Административная ответственность отличается от прочих видов рядом признаков. Основания и меры закреплены в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ), который устанавливает задачи законодательства (ст. 1.2), понятие административного правонарушения (ст. 2.1) и виды наказаний (ст. 3.2). Ответственность наступает за деяния меньшей общественной опасности, чем преступления, а наказания, как правило, мягче и не связаны с судимостью. Применяют их не только суды: полномочиями рассматривать дела наделены и органы исполнительной власти, и коллегиальные органы, и должностные лица. Эта особенность делает административную ответственность не просто мерой наказания, а формой управленческого воздействия, и в этом её отличие от ответственности уголовной.

В науке сложилось несколько подходов к её природе, и между ними идёт спор. Классический, карательный, делает акцент на принуждении: ответственность — это неблагоприятное последствие, которое государство возлагает на нарушителя. Превентивный подход видит главную цель в предупреждении: наказание нужно не само по себе, а чтобы не допустить повторения и показать неотвратимость реакции. Правозащитный подход, получивший развитие в последние годы, исходит из того, что любая ответственность есть вмешательство в права лица и должна проходить проверку на соразмерность и процессуальные гарантии. Эти подходы не исключают друг друга, но расставляют разные приоритеты. Цифровая среда делает спор практическим: для первого подхода автоматическая фиксация — способ повысить неотвратимость, для третьего — зона риска, где гарантии легко сжать до формальности. Общая логика эволюции прав человека в цифровую эпоху такова: классические гарантии не отменяются, но требуют адаптации к новым способам вмешательства [6].

Конституция Российской Федерации задаёт рамку, внутри которой действует любая ответственность. Права и свободы человека являются высшей ценностью (ст. 2) и определяют смысл и применение законов (ст. 18), а их ограничение допускается федеральным законом лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обороны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Судебная защита гарантируется каждому (ст. 46), а решения и действия органов власти можно обжаловать. КоАП РФ воспроизводит эти требования в виде принципов: законность (ст. 1.6), равенство перед законом (ст. 1.4), презумпция невиновности (ст. 1.5), согласно которой лицо считается невиновным, пока его вина не доказана в установленном порядке. Отсюда и следует критерий для оценки цифровых новаций: каждая из них должна проверяться на то, сохраняет ли она эти гарантии. Как подчёркивает В. Д. Зорькин, задача государства — признавать и защищать права граждан и в цифровой среде [5].

Производство по делу об административном правонарушении устроено как последовательность стадий: возбуждение дела, рассмотрение, вынесение постановления, обжалование, исполнение. Цифровые технологии вмешались в каждую из них. На первой стадии это автоматическая фиксация нарушений: если правонарушение зафиксировано специальным техническим средством, работающим в автоматическом режиме, постановление выносится без составления протокола (ст. 28.6 КоАП РФ). Для транспортных средств предусмотрена ответственность их собственника (ст. 2.6.1), поскольку именно он идентифицируется по регистрационному номеру. На стадии исполнения информация о начислении и уплате штрафа проходит через государственные информационные системы, в частности через государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (ст. 21.3 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ). Срок для добровольной уплаты установлен в ст. 32.2

КоАП РФ, и в зависимости от условий закон предусматривает скидку при ранней оплате. Всё это работает быстро, но сама скорость создаёт иллюзию завершённости: гражданин платит, не оспаривая, потому что оспаривание дороже и сложнее.

Научная литература описывает цифровизацию как смену самой модели государственного управления, а не как появление нового инструмента [4]. Применительно к административной ответственности это означает, что меняется роль должностного лица: он перестаёт быть тем, кто устанавливает обстоятельства дела, и превращается в оператора, проверяющего результат работы системы. Вместе с этим меняется и распределение ответственности. Если раньше за решением стояло конкретное лицо, к которому можно прийти на приём и задать вопрос, то теперь решение формируется на основании данных, собранных техническим средством и переданных через несколько информационных систем. Сам по себе такой механизм не нарушает закон, он закреплён в КоАП РФ. Но он требует, чтобы за каждым этапом сохранялась возможность проверки: можно было узнать, на каком основании вынесено постановление, и оспорить его.

Преимущества цифрового обеспечения очевидны. Во-первых, снижается число злоупотреблений: автоматическая фиксация не знает ни родства, ни знакомства, ни просьбы «договориться на месте». Во-вторых, ускоряется производство, и наказание следует за нарушением в короткий срок, что усиливает превентивный эффект. В-третьих, электронные документы и журналирование действий создают проверяемую доказательную базу. В-четвёртых, электронный формат снижает издержки самого гражданина: не нужно приходить в орган, ждать приёма и оплачивать штраф в кассе. Об инструментах цифровой трансформации публичного управления подробно пишут исследователи [3]. Но у каждой выгоды есть оборотная сторона. Скорость уменьшает время на размышление и сбор доказательств. Охват превращает единичную ошибку системы в тысячи одинаковых ошибок. Отсутствие протокола означает, что гражданин не видит самого момента, когда его правовое положение меняется: он узнаёт о нём из уведомления.

Отдельного внимания требуют риски для прав лица. Первый связан с презумпцией невиновности: при автоматической фиксации доказательство получено до того, как лицо смогло что-либо пояснить, и бремя опровержения фактически ложится на него. Второй — качество данных: ошибка при распознавании номера, сбой в базе, неверная привязка собственника приводят к постановлениям, которые приходится отменять. Третий — защита персональных данных. Фотоматериалы, сведения о маршрутах и собственниках транспортных средств хранятся в государственных системах, и их утечка или использование за пределами заявленной цели — самостоятельное нарушение прав. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ст. 16) запрещает принимать юридически значимые решения исключительно на основании автоматизированной обработки персональных данных, за исключениями, прямо названными в законе, что необходимо учитывать и при проектировании цифровых механизмов привлечения к ответственности. Четвёртый — цифровое неравенство: человек, не получающий уведомления на портале, пропускает сроки обжалования и лишается возможности защиты, хотя юридически равен остальным (ст. 19 Конституции). Конституционные аспекты цифровых прав и их практическая реализация обсуждаются в современной литературе [1].

Особую роль играет определённость органов и должностных лиц, использующих цифровые инструменты. Если процедура включает несколько звеньев: орган, фиксирующий нарушение, оператор системы, должностное лицо, выносящее постановление, — то гражданин должен понимать, кто из них отвечает за результат. Вопрос административно-правового статуса субъектов управления, осуществляющих мониторинг и обмен данными, рассматривается в научной литературе [2]. Без этого ответственность размывается: орган ссылается на систему, оператор на орган, а гражданин не знает, к кому обращаться.

Какие меры выглядят разумными? Во-первых, закрепить за гражданином право потребовать, чтобы автоматизированное решение было пересмотрено человеком, и назвать должностное лицо, отвечающее за достоверность данных, на основании которых вынесено постановление. Во-вторых, обеспечить, чтобы уведомление о вынесенном постановлении доходило до лица надёжным способом, а не только через портал, которым он, возможно, не пользуется. В-третьих, предусмотреть доступный механизм обжалования, не зависящий от цифровой грамотности заявителя, и сохранить офлайн-каналы. В-четвёртых, определить сроки хранения данных, ограничив их тем, что необходимо для производства, и разграничить доступ к ним. В-пятых, проводить оценку влияния новых цифровых механизмов на права граждан до их запуска. В-шестых, упорядочить законодательство об административной ответственности в цифровой сфере: сегодня оно развивается фрагментарно, и новые составы и процедуры появляются быстрее, чем формируется целостная концепция. Наконец, развивать цифровую грамотность как граждан, так и должностных лиц.

Административная ответственность в цифровую эпоху остаётся тем, чем была: мерой государственного принуждения за правонарушение, ограниченной законом и правами человека. Цифровые технологии не изменяют её природы, но меняют условия, в которых действуют гарантии. Они повышают скорость и неотвратимость, и это ценно, если сохраняются презумпция невиновности, проверяемость решения и доступность защиты. Если же цифровой путь становится единственным, а решение системы не поддаётся проверке, эффективность оборачивается формализмом. Удастся ли сохранить баланс, зависит не только от законодателя, но и от повседневной практики каждого органа, применяющего административные наказания.

Литература:

1. Алексеева, М. В. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ / М. В. Алексеева, Ю. И. Исакова // Конституционное и муниципальное право. — 2025. — № 3. — С. 27–30.
2. Алексеева, М. В. Особенности административно-правового статуса субъектов государственного управления, осуществляющих международно-правовой мониторинг в условиях ЕАЭС / М. В. Алексеева // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 5. — С. 168–171.
3. Алексеева, М. В. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий / М. В. Алексеева, Е. А. Филимонова // Правовой порядок и правовые ценности. — 2024. — Т. 2, № 2. — С. 14–21.
4. Алексеева, М. В. Современные инструменты трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики / М. В. Алексеева, И. А. Подройкина // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 4. — С. 9–15.
5. Зорькин, В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан: размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2018. — 29 мая.
6. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14, № 3. — С. 122–146.
7. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.

Квалификация экономических преступлений в цифровой среде: разграничение статьи 187 УК РФ и пособничества в мошенничестве

Лисицкая Лана Владимировна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются проблемы разграничения неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) и пособничества в мошенничестве в условиях цифровизации платёжной системы. Критерии отграничения указанных составов деяний основаны на анализе доктринальных позиций учёных-правоведов, судебной практике и статистических данных.

Ключевые слова: *неправомерный оборот средств платежей, мошенничество, дропперство, цифровизация, электронные средства платежа.*

Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ дополнил ст. 187 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) частями 3–6, установив ответственность за передачу из корыстной заинтересованности клиентом оператора по переводу денежных средств электронного средства платежа и доступа к нему другому лицу для осуществления неправомерных операций, криминализировав «дропперство». Однако на практике остаётся нерешенным вопрос о разграничении вышеуказанной статьи с пособничеством в мошенничестве. Судебная практика характеризуется противоречиями: в одних судебных решениях меняется квалификация деяния с ч. 4 ст. 159 на ч. 3 ст. 187 [1], в других сохраняется квалификация по ст. 159 со ссылкой на ч. 5 ст. 33 [2]. Такая разница в определении квалификации позволяет сделать вывод о неопределённости в вопросе разграничения указанных противоправных действий.

Как отмечает М. Г. Жилкин, «сам факт передачи банковской карты, доступа к счёту, снятия или перевода денежных средств ещё не позволяет автоматически констатировать наличие преступления» [3]. Из этого следует вывод, что для правильной квалификации необходимо установить направленность умысла. Ввиду этого возникает вопрос: какие объективные критерии позволяют разграничить ч. 3 ст. 187 УК РФ и пособничество в мошенничестве?

До криминализации деяний, связанных с передачей электронных средств платежа, в 2025 году ст. 187 УК РФ применялась преимущественно к изготовлению, приобретению, хранению, перевозке и сбыту поддельных платёжных карт и документов. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году по ч. 1 ст. 187 УК РФ было осуждено 2 054 человека, по ч. 2–40 человек [4]. После внесенных изменений с июля 2025 года по февраль 2026 года по ст. 187 УК РФ возбуждено 832 уголовных дела, к ответственности привлечено 174 «дроппера» и 69 организаторов [5].

Масштабы вовлечения граждан в схемы неправомерного оборота средств платежа ежегодно возрастают. Криминологическая характеристика лиц, совершающих

деяния, предусмотренные ст. 187 УК РФ, включает следующие признаки: преимущественно совершеннолетние лица от 20 до 23 лет, а также не исключены случаи привлечения несовершеннолетних. Отмечается, что несовершеннолетних используют в основном в простых операциях — открыть счета и передать данные дроповоду [6]. К иным характеристикам относятся проживание в небольших городах, отсутствие постоянного источника дохода, а также принадлежность к категории мигрантов.

В доктрине предложены критерии разграничения указанных деяний, и они представляют собой обоснованную М. Г. Левандовской: объём осведомленности лица, характер его вознаграждения и цель последующих операций [7].

Под объёмом осведомлённости понимается характер знания о преступном происхождении средств, что позволяет выстроить шкалу от бытового распоряжения картой до профессионального участия в платежном транзите. Анализ судебной практики 2025–2026 гг. позволяет внести уточнения в данный критерий: при оценке осведомлённости следует брать во внимание не только её объём, но и момент формирования умысла — знало ли лицо о преступной цели использования счёта до передачи карты или лишь допускало абстрактную возможность неправомерных операций. Данная формулировка отвечает на вопрос отвечает на вопрос о том, когда лицо узнало об этом, а не о том, что оно знало.

Немаловажно отметить, что для разграничения деяний существенное значение имеет также функционально-правовой статус электронного средства платежа. Как отмечает Р. В. Сериков, в обновлённой редакции ст. 187 УК РФ электронное средство платежа приобретает двойной уголовно-правовой статус: оно может выступать как предметом преступления (при передаче — ч. 3), так и орудием его совершения (при использовании — ч. 4) [8]. Данный тезис позволяет сделать вывод о том, что проблема разграничения ст. 187 УК РФ с пособничеством в мошенничестве возникает прежде всего применительно к ч. 3 ст. 187 УК РФ, поскольку передача средства платежа по характеру действий наиболее близка к предоставлению средств совершения преступления (ч. 5 ст. 33 УК РФ). Использование средства платежа самим клиентом (ч. 4 ст. 187 УК РФ) выходит за пределы пособничества, поскольку лицо совершает операции самостоятельно.

Так, суд первой инстанции признал группу лиц виновной в пособничестве в мошенничестве. Сторона защиты просила переквалифицировать действия лица на ч. 3 ст. 187 УК РФ, ссылаясь на новую редакцию закона. Судебная коллегия отказала в этом, указав, что составы ст. 159 УК РФ и ст. 187 УК РФ отличаются не только объектом посягательства, но направлением умысла. Суд указал, что упрощение действий осуждённых, выражающееся в признании их подпадающими под неправомерный оборот средств платежа, направлено на смягчение ответственности за содеянное [2]. Этот пример демонстрирует, что при доказанности корыстного участия в мошеннической схеме квалификация по ст. 159 сохраняется. Решающим фактором является направленность умысла: если доказано корыстное участие лица в мошеннической схеме, содеянное квалифицируется как пособничество, а не как деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 187 УК РФ.

В другом случае лицо, являясь клиентом банка, за обещанное вознаграждение в размере 20 000 рублей передало другому лицу банковскую карту, доступ к приложению «Сбербанк Онлайн» и услуге «Мобильный Банк», осознавая, что банковские операции будут носить неправомерный характер. Суд квалифицировал действия по ч. 3 ст. 187 УК РФ и назначил наказание в виде 240 часов обязательных работ [1]. Данный пример доказывает, что при отсутствии доказательств участия в мошеннических операциях квалифицируются по специальному составу — ч.3. ст. 187 УК РФ. Осознание неправомерности операций не тождественно осведомлённости о конкретном хищении — именно это различие лежит в основе разграничения составов.

Разграничение ст. 187 УК РФ и пособничества в мошенничестве имеет важное уголовно-исполнительное значение. Ч. 3 ст. 187 УК РФ относится к деяниям небольшой тяжести, а пособничество в мошенничестве является тяжким преступлением, поэтому важно точно разграничивать деяния, чтобы наказание соответствовало характеру и степени общественной опасности деяния.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы о том, что ни один из приведённых критериев разграничения деяний — содержание умысла, момент его формирования, характер вознаграждения — не является самостоятельным. Чтобы отделить ст. 187 УК РФ от пособничества в мошенничестве, необходимо рассматривать деяния через совокупность признаков, но приоритет следует отдавать содержанию умысла, поскольку именно оно определяет, на что было направлено деяние.

Судебная практика 2025–2026 имеет расхождения в подходах при определении квалификации преступления, несмотря на схожие обстоятельства дела, суды приходят к противоположным выводам. Это свидетельствует о недостаточной определённости ст. 187 УК РФ, не содержащей конкретных признаков для отграничения от пособничества в мошенничестве.

Ввиду этого целесообразно сформировать единообразные разъяснения судебной практики об определении критериев разграничения ст. 187 УК РФ и пособничества в мошенничестве.

Литература:

1. Приговор Азовского городского суда Ростовской области от 25 января 2026 г. по делу № 1–480/2025 (1–88/2026).
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2026 по делу № 10–1705/2026.

3. Разграничение дропперства и мошенничества в судебной практике // URL: https://rutube.ru/video/9ed1b1a7c73303f132d1a4789602af0e/ (дата обращения: 20.09.2026).
4. Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 20.09.2026).
5. В России возбудили 832 уголовных дела о дропперстве менее чем за год // URL: https://frankmedia.ru/262992?ysclid=mueq1zczbg324296048 (дата обращения: 20.09.2026).
6. Интервью первого заместителя директора Росфинмониторинга Олега Крылова для «Российской газеты» // URL: https://www.fedsfm.ru/special/releases/8735 (дата обращения: 20.09.2026).
7. Левандовская М. Г. Дропперы в схемах финансового мошенничества: анализ судебной практики и направления совершенствования законодательства // Право и управление. 2026. № 5. С. 262–264.
8. Сериков Р. В. Функционально-правовая трансформация признаков электронного средства платежа в обновлённой редакции статьи 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // Закон и право. 2026. № 3. С. 248–253.

Проблема неравнозначности жилых помещений в рамках реализации программы реновации в городе Москве

Лисицкая Анастасия Дмитриевна, студент
Научный руководитель: Пешкова Ольга Андреевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается правовая проблема, которая возникает при реализации программы реновации жилищного фонда в Москве, а именно неравнозначность предоставляемого жилья. Анализируется законодательство, а также судебная практика. На основе анализа судебных актов и доктринальных источников автор предлагает направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: *программа реновации, неравнозначность, жилищные права граждан.*

Согласно статье 40 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на жилище, никто не может быть произвольно лишен жилища, органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. Со временем многоквартирные дома приходят в неподходящее для комфортного проживания состояние и государством проводятся определенные мероприятия в рамках социальной и жилищной политики с целью предоставления гражданам нового жилья.

Реновация — это процесс, призванный что-либо улучшить, с целью чего производят реконструкцию, ремонт или реставрацию без разрушения целостности структуры. В переводе с латинского «реновация» (лат. renovatio) означает «обновление», «возобновление». В жилищной сфере под реновацией понимают восстановление либо замещение устаревших объектов более новыми. Цель таких действий состоит в создании наиболее качественной среды для проживания населения [1].

Осуществляемая по региональной программе реновация — процесс, при котором производится снос старых домов с последующим переселением их жильцов в новое жилье. В Москве реновация началась в 2017 году. Правовое регулирование реновации предусмотрено рядом нормативных правовых актов такими как: Федеральный закон от 01.07.2017 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации о статусе столицы Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» [2], Закон г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве» (далее Закон № 14) [3], Постановление Правительства г. Москвы от 08.08.2017 г. № 517-ПП «Об учреждении Московского фонда реновации жилой застройки» [4], Постановление Правительства Москвы от 01.08.2017 № 497-ПП «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» [5].

Главная идея программы реновации, получившая свое закрепление в Законе г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14 — собственникам жилых помещений в многоквартирных домах, включенных в программу реновации, и гражданам, занимающим жилые помещения в таких домах по договорам социального найма, освобождающим жилые помещения, в целях обеспечения их жилищных прав взамен таких жилых помещений бесплатно предоставляются равнозначные жилые помещения.

В ходе осуществления данной программы, изначально созданной для улучшения качества жизни населения, возникают определенные проблемы. Они связаны как с не-

достаточностью правового регулирования, так и с практической реализацией норм права. Так, одной из проблем с которой сталкиваются граждане является неравнозначность жилых помещений, полученных гражданами по программе реновации их прежним местам жительства.

Критерии равнозначности жилых помещений также закреплены в Законе г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14. Согласно п. 2 ст. 4 указанного закона, под равнозначным жилым помещением понимается помещение, одновременно соответствующее следующим требованиям:

1) жилая площадь и количество комнат в данном помещении должна быть не меньше жилой площади и количества комнат в освобождаемом жилом помещении, а общая площадь такого жилого помещения превышает общую площадь освобождаемого жилого помещения;

2) такое жилое помещение соответствует стандартам благоустройства, установленным Законом города Москвы, а также имеет улучшенную отделку в соответствии с требованиями, установленными правовым актом города Москвы;

3) такое жилое помещение расположено в том же районе города Москвы, в котором расположен соответствующий многоквартирный дом, подлежащий реновации, исключением являются случаи, если такой многоквартирный дом расположен в Зеленоградском, Троицком или Новомосковском административных округах города Москвы. В данной ситуации равнозначное жилое помещение предоставляется в границах административного округа города Москвы, в котором расположен соответствующий дом, подлежащий реновации.

Если смотреть с практической точки зрения, опираясь на опыт людей, переселенных по данной программе, чаще всего действительно соблюдается только первый критерий — предоставляется квартира необходимой площади с необходимым количеством комнат.

При этом, что касается второго критерия, то граждане часто жалуются на то, что предоставленные жилищные условия совершенно не соответствуют стандартам благоустройства.

Например, за два года жизни в новом доме по адресу ул. Дмитрия Ульянова, 47 в районе Котловка, люди столкнулись с множеством трудностей. Спустя месяц перестали работать умные доводчики, самостоятельно открывающие двери в подъезд при срабатывании ключа от домофона, после чего их заменили на обычные не дорогостоящие аналоги, после этого вновь сломался доводчик на пожарной лестнице, дверь оказалась открыла нараспашку, при этом на улице было −20 °C. Результатом стал разрыв трех батарей, подъезд стали отапливать по аварийной временной схеме. Также не работают оба шлагбаума на въезде во двор, каждую осень и весну затапливает подземную парковку, противопожарная система в доме срабатывает несколько раз за день, иногда и ночью. Одна из главных проблем — очень нестабильная работа лифтов, они ломаются минимум раз в неделю [6].

С подобными сложностями встречаются не только жители этого дома, схожие отзывы можно увидеть достаточно часто в различных источниках. Иногда граждане доходят до суда. Ответчиком по подобным делам является Департамент городского имущества города Москвы и почти всегда решения суда выносятся в его пользу.

Граждане, принимая решение за внесение их дома в программу реновации на общем собрании собственников жилых помещений многоквартирного дома, голосовали, считают, что им предоставят квартиры в новых домах со всеми удобствами. Тем не менее, согласно Постановлению Правительства г. Москвы № 708-ПП от 26 сентября 2017 года, спроектированные, строящиеся или уже построенные до принятия программы реновации многоквартирные дома могут использоваться в качестве стартовых под переселение. Предназначенный для переезда дом должен иметь определенные параметры. В статье 11 упомянутого Закона

г. Москвы указаны требования к конструктивным особенностям дома. Тем не менее, жильцов трех домов (ул. Введенского, 7 и 5, корп. 2 и 3) переселили в дом на улице Профсоюзной, 96, корп. 1, который является панельным домом, в котором не предусмотрены вариативность планировок, вторые выходы и другие обязательные требования закона. Схожие проблемы возникли в нескольких районах Москвы, например, в Коньково, Бескудниково и в Зюзино.

Как показывает судебная практика, суды отказывают в принятии исковых заявлений или отказывают в удовлетворении требований о признании неравнозначности жилого помещения, предоставляемого по программе реновации, по различным основаниям. Так, Черемушкинский районный суд отказал истцам и в принятии гражданского иска о признании корп. 1 дома 96 по улице Профсоюзной не соответствующим нормативным требованиям, позже эту позицию подтвердил Мосгорсуд [7]. Когда речь заходит о критерии равнозначности, связанного с улучшенной отделкой, суды основываются на том, что юридическое значение имеет дата включения многоквартирного дома в адресную инвестиционную программу города Москвы, а также соблюдение Московским фондом реновации жилой застройки процедуры определения особенностей применения требований к улучшенной отделке.

Департамент обратился в суд с иском о переселении ответчиков в рамках программы реновации в равнозначную двухкомнатную квартиру, отвечающую требованиям к улучшенной отделке. Возражая против удовлетворения иска и предъявляя встречный иск о возложении обязанности по предоставлению иного жилого помещения, ответчики указывали, что предлагаемая для переселения квартира не указанным требованиям, а именно, в квартире установлены ванная и розетки, не соответствующие требованиям, отсутствуют обязательные к установке внутренние перила балкона/лоджии.

Суд установил, что предлагаемый для переселения многоквартирный дом включен в адресную инвестиционную программу, уполномоченной комиссией выдано разрешение на ввод многоквартирного дома в эксплуа-

тацию, применение требований к улучшенной отделке жилых помещений в части, не противоречащей конструктивным особенностям многоквартирного дома и расположенных в нем помещений, одобрено Московским фондом реновации жилой застройки и его Попечительским советом. Иск ДГИ г. Москвы был удовлетворен [8]. С выводами суда первой инстанции согласились вышестоящие судебные инстанции [9, 10].

К аналогичному выводу по схожему делу пришел и Тверской районный суд города Москвы по гражданскому делу № 020578/2021.

Также суды акцентируют внимание на том, что объем требований к равнозначности предоставляемых в рамках программы реновации жилых помещений строго определен законом и расширительному толкованию не подлежит, а также в законе не предусмотрена возможность выбора гражданами жилого помещения из многих вариантов, возможность учета пожеланий переселяющихся лиц, касающихся этажности, планировки жилого помещения, расположения многоквартирного жилого дома в границах района и прочих предпочтений личного характера.

ДГИ г. Москвы обратился в Никулинский районный суд города Москвы с иском о прекращении прав собственности Э. А. К. на квартиру, переселении его и членов семьи в предоставленную равнозначную квартиру.

Возражая против удовлетворения исковых требований, сторона ответчика среди прочих доводов заявляла о несогласии с этажом предложенной для переселения квартиры.

Суд пришел к выводу о соответствии предлагаемой для переселения квартиры требованиям равнозначности ввиду соблюдения истцом характеристик относительно площади и количества комнат в квартире. При этом суд отметил, что выбор гражданами жилого помещения на самостоятельно выбранном ими этаже не предусмотрен, в связи с чем доводы ответчиков при рассмотрении гражданского спора были судом отклонены, а исковые требования Департамента о переселении семьи Э. А. К. в предоставляемое жилое помещение были признаны правомерными и подлежащими удовлетворению [11].

Критерий расположения жилого помещения в границах района также формально соблюдается, но при этом, в Москве есть достаточно большие по территории районы, и для лиц, проживающих в многоквартирном доме, очень важно его расположение в границах района. Имеет значение удаленность от центра города, а также от метро, но, как было приведено ранее, пожелания граждан в этом вопросе также не должны учитываться. Что касается расположения в границах перечисленных в законе административных округов, то это вообще могут быть очень большие расстояния между прошлым и новым домом.

Проведенный анализ показывает, что проблема неравнозначности жилых помещений при реализации программы реновации в Москве носит системный характер. Для устранения выявленных проблем необходимо внести изменения в региональное законодательство г. Москвы. В связи с чем полагаем, что необходимо расширить понятие равнозначного жилого помещения в ст. 4 Закона города Москвы № 14 дополнительными критериями равнозначности, требованием о фактической пригодности жилья для проживания, на основании чего судам необходимо будет оценивать не только метраж, количество комнат и документы о вводе дома в эксплуатацию, но и состояние отделки, инженерных систем и общего имущества.

Кроме того, необходимо закрепить в законе, что несоблюдение конструктивных требований статьи 11 Закона № 14 является основанием для признания предложенного варианта переселения ненадлежащим.

Возможно, предусмотреть право гражданина заявить о предпочтениях по этажу, планировке или расположению дома границах района при наличии объективных оснований, например, по состоянию здоровья.

Таким образом, усовершенствованное законодательство сможет в полной мере соответствовать политике социального государства и являться гарантией реализации конституционного права граждан на жилище.

Литература:

1. Интернет-ресурс https://photogrammetria.ru/302-renovaciya.html
2. Федеральный закон от 01.07.2017 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» // Собрание законодательства РФ, 03.07.2017, № 27, ст. 3938.
3. Закон г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве».
4. Постановление Правительства г. Москвы от 08.08.2017 г. № 517-ПП «Об учреждении Московского фонда реновации жилой застройки» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, № 45, 15.08.2017.
5. Постановление Правительства Москвы от 01.08.2017 № 497-ПП «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» //
6. Интернет-ресурс https://msk1.ru/text/realty/2026/03/04/76269132/
7. Интернет-ресурс https://spb.cian.ru/stati-storonniki-renovatsii-poshli-v-sud-za-spravedlivostju-299159/

8. Решение Никулинского районного суда по делу № 02–0804/2020
9. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 08.12.2020 по гражданскому делу № 33–39382/2020
10. Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–10248/2021 от 11.05.2021
11. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по делу № 33–42459/2019.
12. Жук Э. С. Проблемы реновации в г. Москве // Право и управление. 2024. № 12. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-renovatsii-v-g-moskve (дата обращения: 25.10.2026).

Правовая автономия несовершеннолетнего пациента: проблемы соотношения права на самостоятельное согласие на медицинское вмешательство и полномочий законных представителей

Ляскovская Ульяна Игоревна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается соотношение самостоятельного согласия несовершеннолетнего на медицинское вмешательство с полномочиями представителей и доступом к сведениям о здоровье. Показано, что самостоятельность подростка в принятии решения о вмешательстве не означает возможности единолично определять круг лиц, получающих информацию о его здоровье. Выявлены несогласованность возрастных формулировок и ограничения судебной защиты при отказе представителя от вмешательства. Предложены меры по согласованию этих правил и учёту мнения ребёнка.

Ключевые слова: *несовершеннолетний пациент, информированное добровольное согласие, отказ от медицинского вмешательства, законный представитель, врачебная тайна, информация о состоянии здоровья, интересы ребёнка, медицинская помощь.*

Legal autonomy of minor patients: the relationship between independent consent to medical intervention and the authority of legal representatives

The article examines the relationship between a minor's independent consent to medical intervention, the powers of legal representatives, and access to health information. It shows that the ability to decide on treatment does not give a minor sole control over who receives information about their health. The analysis identifies inconsistencies in age thresholds and limits on judicial protection when a representative refuses intervention. Measures are proposed to harmonise these rules and ensure that the child's views are heard.

Keywords: *minor patient, informed voluntary consent, refusal of medical intervention, legal representative, medical confidentiality, health information, interests of the child, medical care.*

По мере взросления ребёнок приобретает право самостоятельно согласиться на медицинское вмешательство или отказаться от него, но родители продолжают заботиться о его здоровье, возникает вопрос: чья воля определяет решение о лечении, кто получает сведения о состоянии пациента и как разрешаются разногласия? Научный результат состоит в увязке самостоятельного решения о лечении, доступа к сведениям и процедуры разрешения разногласий; отдельные элементы этой модели уже обсуждались в литературе.

Статья 12 Конвенции о правах ребёнка требует учитывать его взгляды в соответствии с возрастом и зрелостью [1]. По статье 57 Семейного кодекса РФ учёт мнения, достигшего десяти лет обязателен, кроме случаев противоречия его интересам [2], право быть услышанным при этом не равнозначно праву самостоятельно решить вопрос о лечении.

По части 1 статьи 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ согласие даётся после получения доступной информации о целях, методах, рисках, вариантах и последствиях помощи [3]. Подпись на бланке сама по себе не показывает, понял ли подросток разъяснение и свободно ли принял решение, оценка понимания помогает врачу объяснить вмешательство, но не даёт права произвольно лишить пациента права на согласие. В части 2 статьи 54 Закона № 323-ФЗ право на согласие или отказ предоставляется несовершеннолетним «в возрасте старше пятнадцати лет», а больным наркоманией «в возрасте старше шестнадцати лет» с учётом исключений. Часть 2 статьи 20, напротив, использует выражение «не достиг-

шего возраста», а статья 4 Закона РФ о психиатрической помощи формулы «до пятнадцати лет» и «до шестнадцати лет» [3; 4]. Их буквальное различие создаёт неопределённость на возрастной границе, для её устранения следует согласовать нормы и прямо установить возникновение общего права по достижении пятнадцати лет, отдельно определив исключения.

Возраст сам по себе не разрешает вопрос о согласии на специальную помощь, при наркологической помощи несовершеннолетнему больному наркоманией или его освидетельствовании для установления наркотического либо иного токсического опьянения согласие даёт один из родителей или иной представитель, кроме случая приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до восемнадцати лет. Соответствующее правило о наркологической помощи содержится также в статье 54 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» [3; 5]. Часть 5 статьи 47 Закона № 323-ФЗ, в свою очередь, требует согласия представителя несовершеннолетнего реципиента на трансплантацию; прямой оговорки о полной дееспособности до совершеннолетия она не содержит, соотношение этих положений нуждается в законодательном уточнении.

Право на медицинское решение следует отличать от участия в договорных отношениях. В. И. Бояринова отмечает: «При подписании информированного согласия на медицинское вмешательство пациент выражает свою волю не на заключение договора возмездного оказания медицинских услуг, а на воздействие на его нематериальные блага со стороны медицинской организации» [9, с. 120]. Поэтому оплата лечения родителями сама по себе не позволяет им заменить волю подростка, если закон предоставляет ему самостоятельное согласие, это право, в свою очередь, не означает приобретения полной гражданской дееспособности. Когда согласие даёт представитель, ребёнок должен участвовать в обсуждении в меру своих возможностей, предлагается закрепить обязанность по возможности разъяснять вмешательство, выяснять позицию ребёнка и фиксировать существенные возражения. При серьёзном расхождении и наличии времени необходимы повторное разъяснение и рассмотрение случая врачебной комиссией, учёт мнения не означает безусловного вето малолетнего и не должен задерживать экстренную помощь.

Если представитель отказывается от вмешательства, необходимого для спасения жизни пациента, указанного в части 2 статьи 20 Закона № 323-ФЗ, медицинская организация вправе обратиться в суд, это основание не охватывает любой отказ от полезного лечения или самостоятельное решение подростка [3]. Между тем тяжёлый необратимый вред возможен и без установленной необходимости спасения жизни. Для таких случаев предлагается отдельный ограниченный судебный порядок: с медицинским заключением, участием ребёнка и представителя и проверкой обоснованности вмешательства судом. Механизм следует согласовать с частью 9 статьи 20: её пункт 1 регулирует экстренное вмешательство при угрозе жизни и невозможности выразить волю либо отсутствии представителя лица, указанного в части 2; пункт 1.1 отдельно касается скорой помощи вне медицинской организации при отсутствии заранее выраженного отказа, данные нормы не разрешают лечить вопреки любому действительному отказу.

В деле № 2–2486/2025 врач отказала в плановом приёме ребёнка, которого сопровождала бабушка без подтверждённых полномочий, суд, рассматривавший дисциплинарное взыскание, учёл отсутствие согласия представителя и обязанность оказать экстренную помощь. Апелляция сохранила вывод об отсутствии доказанного дисциплинарного проступка, изменив решение в части стимулирующей выплаты [6; 7]. Возраст ребёнка не установлен, поэтому дело не разрешает вопрос о согласии подростка, но показывает необходимость различать полномочия сопровождающего и право пациента. В деле № 2–444/2026 Коломенский городской суд рассмотрел вакцинацию дошкольника препаратом АДС-М, хотя согласие представителя относилось к другой прививке, суд частично удовлетворил требование о компенсации морального вреда: отсутствие доказанного вреда здоровью само по себе не исключило компенсацию [13]. Дело показывает необходимость определить предмет согласия представителя; сведения о дальнейшем движении дела не установлены.

Самостоятельное решение подростка о лечении не гарантирует закрытости сведений о здоровье для родителей. Статья 13 Закона № 323-ФЗ относит к врачебной тайне факт обращения за помощью, сведения о здоровье и диагнозе, Пункт 4 части 4 статьи допускает информирование одного из родителей или иного представителя при оказании помощи в случаях, указанных в пункте 2 части 2 статьи 20, а также несовершеннолетнему, не достигшему возраста, установленного частью 2 статьи 54 [3] данный пункт не охватывает по своему тексту каждый случай самостоятельного согласия подростка. Вместе с тем часть 2 статьи 22 Закона № 323-ФЗ после изменений 2020 года предусматривает предоставление информации о здоровье подростку, достигшему установленного законом возраста, и его законным представителям до совершеннолетия, если он не приобрёл полную дееспособность [3; 8]. Следовательно, право принять решение о лечении и возможность ограничить доступ родителей к информации различаются. Статья 13 охраняет, в частности, факт обращения за помощью, статья 22 посвящена сведениям о здоровье, их соотношение требует уточнения; право на информацию предоставлено законным представителям, а не любому родственнику.

Ю. П. Присяжнюк предлагает усилить родительский контроль: «если решение ребенка противоречит принципам охраны его здоровья и жизни, последнее слово должно оставаться за его родителями (законными представителями)» [10, с. 155], такая позиция учитывает родительскую обязанность заботиться о здоровье ребёнка, но оставляет открытым порядок установления противоречия и возможность его оспаривания подростком. Ин-

формация, необходимая для помощи ребёнку, и право принять решение вместо него различаются; необходимость первого ещё не доказывает необходимость второго.

Г. Л. Микиртичан и соавторы отмечают: «законодатель не закрепил прямую обязанность медицинской организации по своей инициативе предоставлять сведения о состоянии здоровья несовершеннолетнего пациента его законным представителям» [11, с. 81], авторы обсуждают и родительскую информированность, и конфиденциальность, различая обращение за информацией и инициативное уведомление. О. В. Бессчетнова и С. Н. Майорова-Щеглова подчёркивают: «Автономия/зависимость ребенка-пациента не константа, она подвержена изменениям, в том числе в результате смены вектора социальной политики и общественного мнения» [12, с. 16]. Речь идёт об участии ребёнка в обсуждении вопросов здоровья, а не о безусловной самостоятельности во всех медицинских решениях, сопоставление позиций ставит вопрос о сочетании поддержки семьи с растущей способностью ребёнка участвовать в решении. Помощь родителей может потребоваться для приобретения лекарств и выполнения рекомендаций, но если причиной обращения стал семейный конфликт, передача чувствительных сведений представителю способна причинить вред пациенту. Предлагается изменить часть 2 статьи 22 и согласовать её со статьёй 13 Закона № 323-ФЗ: когда несовершеннолетний вправе самостоятельно согласиться на соответствующее вмешательство, предоставлять представителю сведения о здоровье по общему правилу с согласия пациента. Исключения следует прямо определить в федеральном законе, в частности для предотвращения непосредственной угрозы жизни или тяжкого вреда здоровью, если иные средства недостаточны. Объём раскрытия необходимо ограничить, основания зафиксировать в документации, а пациента по возможности уведомить. В данном предложение об изменении действующего права требует согласования с другими законными основаниями раскрытия тайны.

Медицинский работник должен заранее объяснить подростку действующие пределы конфиденциальности и, когда позволяет характер помощи, обсудить участие представителя наедине. Совместное обсуждение учитывает позицию пациента и возможности семьи, обязательное двойное согласие на обычное вмешательство позволяет каждому заблокировать решение другого и может лишить право подростка практического содержания. Обязательное участие представителя сохраняется в случаях, установленных законом. Право на самостоятельное согласие, доступ представителей к информации и судебная защита при отказе от помощи регулируются разными нормами. Для их согласования предлагается уточнить возрастной порог, закрепить выяснение позиции ребёнка при решении представителя, предусмотреть ограниченный судебный механизм при угрозе тяжкого необратимого вреда и пересмотреть пределы передачи сведений о здоровье, данные меры требуют изменения федерального законодательства и согласования с правилами экстренной помощи.

Литература:

1. Конвенция о правах ребёнка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 г. Ст. 12.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Ст. 57, 64.
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 4 августа 2026 г.). Ст. 13, 20, 22, 47, 54. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 28.10.2026).
4. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185–1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Ст. 4. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения: 28.10.2026).
5. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Ст. 54. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 28.10.2026).
6. Решение Октябрьского районного суда г. Тамбова от 13 ноября 2025 г. по делу № 2–2486/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/aziMLcOPUGWW/ (дата обращения: 28.10.2026).
7. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 23 марта 2026 г. по делу № 33–554/2026. URL: https://oblsud—tmb.sudrf.ru/modules.php?case_id=20550230&case_uid=c7b8e061-b0cd-46c4-ba2f-f2508b2bc2bf&delo_id=5&name=sud_delo&name_op=case&new=5&srv_num=1 (дата обращения: 28.10.2026).
8. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 271-ФЗ «О внесении изменения в статью 22 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"».
9. Бояринова В. И. Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 4. С. 115–124. DOI: 10.24147/1990–5173.2019.16(4).115–124.
10. Присяжнюк Ю. П. Права несовершеннолетних на врачебную тайну (к вопросу о реализации родителями обязанности по охране здоровья их детей) // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38). С. 151–155.
11. Микиртичан Г. Л., Каурова Т. В., Шманцарь А. А., Тимофеева Н. Н. Некоторые этико-правовые аспекты врачебной тайны в педиатрии // Медицина и организация здравоохранения. 2023. Т. 8, № 2. С. 73–85. DOI: 10.56871/МНСО.2023.14.39.008.

12. Бессчетнова О. В., Майорова-Щеглова С. Н. Участие несовершеннолетних пациентов в обсуждении и решении вопросов их здоровья и пребывания в медицинских учреждениях: социальный аспект // Социальные науки и детство. 2023. Т. 4, № 2. С. 7–22. DOI: 10.17759/ssc.2023040201.
13. Решение Коломенского городского суда Московской области от 31 марта 2026 г. по делу № 2–444/2026, УИД 50RS0020–01–2025–006119–43. Текст судебного акта из предоставленной подборки.

Административная ответственность за налоговые правонарушения

Матюшкин Константин Витальевич, студент магистратуры
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор исследует современное состояние, тенденции и проблемы административной ответственности за налоговые правонарушения.

Ключевые слова: *налоги, налогообложение, налоговое право, штраф, административная ответственность.*

Налоговые платежи имеют особое значение для наполнения бюджетной системы, без них невозможно существование современного государства. Поэтому обеспечить эффективное и справедливое функционирование налоговой системы — важнейшая задача Российского государства и общества, о чем свидетельствует накал страстей, вызванными масштабными нарушениями налогового законодательства, их латентностью, массовостью, трудностью в выявлении и доказывании. В этом контексте важнейшее значение играет институт административной ответственности в сфере налогов и сборов.

Административная ответственность в области налогов и сборов, согласно общепризнанному мнению научного сообщества, является внутриотраслевой разновидностью (институтом) административной ответственности вообще (в целом). Её возможно определить как особый вид административной ответственности, фактическим основанием которой выступают составы административных правонарушений, законодательной изложенные в статьях 15.3, 15.5, 15.6, 15.7, 15.8, 15.9 КоАП РФ.

Важной особенностью рассматриваемых составов, по отзывам многих правоведов, является их бланкетный характер. То есть для адекватного и правильного правоприменения этих составов потребуется обращаться к соответствующим норма налогового законодательства. Это касается, к примеру, темпоральных аспектов (сроки направления налоговому органу налоговых деклараций, сроков постановки на налоговый учёт, понятия налогового контроля, искажения документации, видов открываемых налогоплательщику банковских счетов, инкассовых поручений и мн. др.).

Проанализировав доктринальные источники, предлагаем оригинальную дефиницию: Административная ответственность (не в позитивном, но строго в негативном контексте) в сфере налогов и сборов — охранительное правовое отношение между нарушителем (налогоплательщиком, налоговым агентом, банком и т. д.) и государством в лице компетентного субъекта административной юрисдикции, в рамках которого последний вправе применить к нарушителю административное(-е) наказание(-ия) в качестве ответной реакции на административное правонарушение, официальное изложенное в ст. 15.3, 15.5, 15.6, 15.7, 15.8, 15.9 КоАП РФ, а нарушитель- обязан претерпеть негативные последствия наложенного на него наказания.

Рассматриваемый вид ответственности обладает как общими чертами, присущими административной ответственности в целом, так и собственной внутриотраслевой спецификой [1; с. 20–22]. Представляется возможным констатировать наличие принципиальных различий между налоговой и административной ответственностью, которые не позволяют их отождествить. В частности, у них различны нормативные базы, а также существует масса отличий процессуального характера, которые касаются сроков давности, смягчающих и отягчающих обстоятельств, процедур принятия и исполнения решений по существу квалификации неправомерных деяний, круга деликтоспособных субъектов, стадии возбуждения дела, налагаемых санкций, и ряда др. В частности, Что касается круга субъектов административной ответственности в сфере налогов и сборов, то в качестве таковы́х выступают должностные лица налогоплательщиков-организаций и банков (прежде всего– их руководители, главные бухгалтера, бухгалтера).

Анализ доктринальных источников и практики правоприменения административно-деликтного законодательства по рассматриваемым составам позволяют обозначить некоторые «узкие места» и проблемные аспекты. Первая проблема касается состава, изложенного в ч. 1 ст. 153.6 КоАП РФ и обусловлена правовой неурегулированностью вопроса об обязанности налогообязанных лиц (налогоплательщик, налоговый агент) предоставлять налоговым органам информационные контенты (сведения), что нельзя отнести к периодам налогового контроля. Поэтому вполне резонно встаёт вопрос о применимости административной ответственности в случаях, когда такие сведения налогообязанным лицом не представлены. Суды здесь повсеместно встают на сторону частных лиц, противостоящих (в налоговом правоотношении) налоговым органам [2; с. 316].

Они фактически единодушно признают неправомерность требований налоговиков предоставить им сведения, не относимые к периодам налоговых проверок.

Другая дискуссионная тема применительно к квалификации содеянного по ч. 1 ст. 153.6 КоАП РФ звучит следующим образом: допустимо ли будет налоговому органу требовать предоставления ему сведений, которые нельзя отнести к предмету проводимого в отношении налогоплательщика налогового контроля? В Законе прямой (эксплицитный) ответ на этот вопрос так и не прозвучал, что продуцирует неопределённость и разногласия в интерпретациях на практике. Суды по этому аспекту сформировали весьма устойчивую правовую позицию, что налоговики правомочны требовать предоставить им исключительно те сведения, что напрямую могут быть отнесены к предмету проводимых в отношении проверяемого налогоплательщика контрольных мероприятий [3; с. 68]. За непредставление иных сведений, которые нельзя отнести к предмету налоговой проверки, налагать административно наказания по ч. 1 ст. 153.6 КоАП РФ будет незаконно и необоснованно.

Следующая проблема спровоцирована поиском ответа на вопрос: правомерно ли налоговому органу требовать предоставить ему сведения, что напрямую не предусмотрены (не предписаны) нормами законодательства о налогах и\или о бухучёте. Ведь перечень (каталог) таких документов нормативно не закреплён, т. е. имеет открытую структуру. Судебная практика по данной проблеме весьма непоследовательная и противоречива, что наущает конституционный принцип равенства и равного обращения в судопроизводстве [1; с. 104]. Для купирования данной проблемы мы предлагаем дополнить НК РФ прямым указанием на то, что налоговые органы правомочны истребовать любые документы и сведения для проведения контрольных мероприятий, если они относятся к предмету проверки, и вне зависимости от прямого указания на конкретные документы (сведения) в актах налогового законодательства. Этот тезис мы считаем обоснованным из-за многообразия предпринимательской деятельности, а также максимально широкого диапазона экономических, социальных и иных взаимодействий, связанных с объектами налогообложения. Поэтому не представляется возможным (по объективным причинам) в самом Законе прямо и закрыто обозначить исчерпывающий каталог такого рода документации.

Ещё один проблемный вопрос, правомерно ли привлекать налогоплательщика по ч. 1 ст. 153.6 НК РФ в случаях непредставления сведений, которые предусмотрены актами законодательство о бухучёте, а не нормами налогового законодательства. В научных кругах мнения по этой проблеме среди учёных разделились [2; с. 316–317]. Мы здесь поддерживаем тех специалистов, что придерживаются широкого подхода в данном вопросе, т. е. убеждены в правомерности привлечения по ч. 1 ст. 153.6 тех налогообязанных лиц, что не представили документы в том числе и в рамках бухгалтерского законодательства.

Подводя итоги констатируем, что дальнейшая эволюция административной ответственности за налоговые правонарушения связана с глобальными трендами на гуманизацию, риск-ориентированные подходы и цифровизацию правового регулирования. Наблюдается последовательный переход от карательно-штрафной модели воздействия к стимулирующей и предупредительной модели выстраивания доверительных взаимодействий между государством и частными лицами, вовлекаемыми в орбиту налогообложения. В конце концов главная задача законодателя в рассматриваемой сфере — это оптимизация баланса между фискальными интересами государства и правами налогоплательщиков остаётся главным вектором совершенствования законодательства об административной ответственности в налоговой сфере.

Литература:

1. Адмиралова, И. А. Актуальные проблемы принуждения и ответственности в административном праве: монография / И. А. Адмиралова, М. В. Костенников, А. В. Куракин. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 174 с.
2. Сочивкина, Е. А. Актуальные вопросы привлечения к ответственности за неуплату налогов и сборов / Е. А. Сочивкина // Молодой ученый. — 2026. — № 9 (612). — С. 315–317.
3. Налоговое право: курс лекций: учеб. пособие / под ред. А. А. Ялбулганова. — Москва: Изд-во Высшей школы экономики, 2024. — 288 с.

Правовые проблемы лицензирования предпринимательской деятельности по добыче песчано-гравийной смеси

Медведева Инна Тиграновна, студент магистратуры
Государственный университет по землеустройству (г. Москва)

В настоящее время большое значение имеет правовое регулирование предпринимательской деятельности, обусловлено это целым рядом факторов. На сегодняшний день все большую роль играет эффективное применение

норм права, реализация на практике различных способов охраны и защиты нарушенных прав предпринимателей. На государственном уровне необходима реализация и иных принципиально важных целей правоохранительной направленности. Следует отметить, что посредством применения норм о регулировании предпринимательской деятельности возможно осуществлять профилактические, предупредительные и пресекательные мероприятия.

В таком свете особую важность приобретает защита различных прав, в числе которых право на осуществление предпринимательской деятельности, его защита и охрана. Такое положение не является случайным и вытекает из сущности ст. 8 Конституции РФ [1], в рамках которой закреплены гарантии свободы предпринимательской деятельности. Все это в совокупности определяет сущность работы различных органов, отнесенных к публичной власти, их деятельность в рамках возложенных административно-юрисдикционных полномочий.

Правовое регулирование предпринимательской деятельности является весьма обширным институтом и включает в себя комплекс различных правовых средств и методов. Так, сюда можно отнести конкретные административные процедуры (государственную регистрацию, аккредитацию, лицензирование и др.). Кроме того, в институт регулирования предпринимательской деятельности входят контрольные и надзорные меры, привлечение к ответственности в связи с совершением правонарушения в области предпринимательской деятельности.

При этом важно не только закрепление на законодательном уровне охранительных мер и мер административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности, но и реализация таких положений на практике. В то же время, в указанной сфере имеет место наличие проблем, которые необходимо устранять, в том числе, посредством совершенствования правовой базы. Такое положение диктует необходимость проведения исследований в данной сфере.

Достаточно важным направлением для изучения выступают особенности правового регулирования предпринимательской деятельности по добыче песочно-гравийной смеси (далее — ПГС). Здесь следует учитывать особенности лицензирования, предопределяющего возможность осуществлять предпринимательскую деятельность по добыче ПГС.

В связи с широким распространением предпринимательской по добыче ПГС, достаточно важным для науки и практики является надлежащая правовая регламентация ее охраны и защиты. Важно учитывать, что надлежащий уровень правового регулирования указанных прав играет исключительную важность в вопросах практической реализации мер эффективной защиты субъектов возникающих правоотношений в исследуемой сфере. Как правило, закрепление эффективных мер в законе становится основой для привлечения виновных лиц к ответственности. Материальные нормы права, регламентирующие вопросы осуществления предпринимательской деятельности, становятся основой для закрепления административно-правовых и уголовно-правовых способов защиты нарушенных прав.

К сожалению, увеличение количества субъектов предпринимательской деятельности становится причиной совершения противоправных деяний, нарушающих субъективные права. Одним из негативных проявлений становится увеличение количества недобросовестной конкуренции, правонарушений в области предпринимательской деятельности, что диктует необходимость исследования актуальных вопросов в данном направлении.

Споры, связанные с правонарушениями в области осуществления предпринимательской деятельности по добыче ПГС нередко становятся предметом рассмотрения в судебных инстанциях различного уровня. Очевидно, что принципиальной значимостью обладает эффективное разрешение возникающих споров, с соблюдением баланса прав и обязанностей сторон, а также восстановление нарушенного положения.

Между тем, наличие различных правовых пробелов, определенных проблем в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности по добыче песочно-гравийной смеси наглядно демонстрирует потребность в выявлении важных потребностей и путей дальнейшего совершенствования. Все это обусловило выбор темы работы и ее актуальность.

Несмотря на то, что правовое регулирование предпринимательской деятельности по добыче песочно-гравийной смеси не является новым и в той или иной степени изучалось в рамках различных исследований (как более узких, так и в качестве самостоятельного направления), требуется его дальнейшее изучение, с учетом последних изменений в законодательстве и потребностей правоприменительной практики.

Понятие и правовое регулирование предпринимательской деятельности. Субъекты предпринимательской деятельности

Предпринимательская деятельность регламентируется разными отраслями права. В том числе, становится и объектом гражданско-правового, административно-правового регулирования. Представляется, что целесообразно начать рассмотрение темы с определения предпринимательской деятельности, ее характеристик и тех субъектов, которые принимают участие в предпринимательской деятельности.

На законодательном уровне понятие предпринимательской деятельности отражено в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятель-

ность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК РФ [2].

Таким образом, предпринимательскую деятельность характеризуют следующие признаки:

— самостоятельность;

— деятельность, связанная с риском;

— направленность на систематическое получение прибыли;

— необходимость регистрации субъектов предпринимательской деятельности.

В различных нормативных правовых актах перечисляются отдельные аспекты предпринимательской деятельности, ее субъекты и пр. Применяются нормативные правовые акты, относящиеся к различным правовым отраслям.

Несмотря на то, что основы предпринимательской деятельности базируются на положениях гражданского законодательства, административно-правовое регулирование позволяет осуществлять профилактические и предупредительные меры, а также бороться с правонарушениями в связи с совершением административных правонарушений в области предпринимательства.

Следует согласиться с А. Н. Климовой: «правовая категории «предпринимательская деятельность» является сложной, включающей конституционно-правовой, гражданско-правовой, административно-правовой и иные аспекты. И только учет всех названных составляющих представляется гарантией четкого правового регулирования отношений, возникающих в связи с осуществлением предпринимательской деятельности» [3, с. 2].

Осуществление предпринимательской деятельности предполагает установление пределов ее допустимости. Соответственно, в случае нарушения установленных норм и правил, происходит привлечение к различным видам ответственности. Создание императивных норм в части правовой регламентации предпринимательский деятельности преследует определенные цели. Базовые экономические принципы, определяющие правовой режим предпринимательства базируются на положениях Конституции РФ (ст.ст. 8, 74 и др.).

Достаточно важно не только декларативно закреплять систему прав и обязанностей различных хозяйствующих субъектов, но и соблюдение таких предписаний на практике. В текущих социально-экономических и политических условиях, обеспечение надлежащего регулирования предпринимательский деятельности — приоритетное направление для государства.

Государство вмешивается в предпринимательскую деятельность в исключительных случаях. В случае несоблюдения установленных норм осуществляется привлечение виновных субъектов к ответственности в сфере предпринимательской деятельности. Представляется, что цель вмешательства государства связана с необходимостью поддержания в сфере предпринимательства.

В закреплении административно-правового механизма регулирования предпринимательский деятельности реализуется возможность соблюдения баланса прав заинтересованных сторон. Вводится правовая определенность в сфере действия норм о предпринимательстве. Участие государства в процессах предпринимательский деятельности, таким образом, во многом связано и с соблюдением баланса частных и публичных интересов.

Осуществление деятельности по вмешательству со стороны государства в процессы, связанные с предпринимательской деятельностью, предполагает соблюдение баланса интересов сторон. Кроме того, подобная деятельность должна иметь признаки целесообразности. Недопустимо произвольное нарушение прав различных субъектов.

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывал позиции относительно особенностей вмешательства государства в области предпринимательской деятельности и его пределы. Следует отметить некоторые из них (например, в делах о банкротстве):

— публично-правовое вмешательство в частные отношения становится гарантией обеспечения всем кредиторам равнозначных правовых возможностей при реализации экономических интересов в условиях несостоятельности [4];

— специальные положения Закона о банкротстве предполагают меры контроля со стороны государства, направленные на обеспечение баланса интересов субъектов [5] и др.

Предпринимательская деятельность, напротив, основывается на принципах автономии воли, свободы предпринимательской деятельности и гарантии права частной собственности» [6, с.144].

Действительно, с одной стороны, базовые принципы предпринимательского права тесно связаны с применением диспозитивного метода. Однако, административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности базируется на императивном методе. Фактически, установлены определенные требования к предпринимательской деятельности, которые должны неукоснительно соблюдаться. В качестве примера можно привести государственную регистрацию, лицензирование, аккредитацию, обязанность соблюдать установленные требования к предпринимательской деятельности. В случае не соблюдения последних, субъекты привлекаются к мерам ответственности.

Характерными чертами воздействия на хозяйствующих субъектов посредством применения мер административно-правового регулирования являются следующие:

— введение обязательных для выполнения предписаний, ограничений и запретов;

— профилактическая и предупредительная направленность указанных мер;

— привлечением к административной ответственности субъектов предпринимательской деятельности в случае нарушения установленных правил, либо иных установленных мер реагирования (например, лишения лицензии).

Н. Н. Надежин отмечает, что сущность административно-правового регулирования предпринимательской деятельности сводится к нескольким наиболее важным направлениям, среди них:

— связь с созданием предприятия (регистрация, лицензирование, аттестация, аккредитация);

— организация доступа на рынок продукции предприятий (подтверждение соответствия, декларирование и сертификация);

— контроль за оборотом продукции на рынке [7, с. 37].

Целесообразно отметить также ряд федеральных законов, которые связаны с административно-правовым регулированием предпринимательской деятельности:

— ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [8];

— ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [9];

— ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [10];

— ФЗ «О техническом регулировании» [11]

— ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» [12];

— ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [13];

— ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [14];

— — ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [15].

Данный перечень не является закрытым, на сегодняшний день, нормы об административно-правовом регулировании предпринимательской деятельности содержатся в целом ряде законов и подзаконных актов. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в настоящее время базируется на значительном количестве нормативных правовых актов различного уровня и представляет достаточно обширную систему.

В предпринимательской деятельности принимают участие как граждане (физические лица), так и юридические лица. К наиболее распространенным видам юридических лиц относятся коммерческие юридические лица, которые позволяют осуществлять эффективное участие в гражданском обороте (в том числе посредством осуществления предпринимательской деятельности).

В настоящее время, субъектам предпринимательской деятельности предоставлена достаточная свобода в реализации правового статуса, при этом со стороны государства имеет место и установление отдельных императивных норм, затрагивающих, в частности, институт государственной регистрации субъектов предпринимательства.

Кроме того, установлены для определенных субъектов требования к лицензированию и аккредитации (исходя из сферы осуществляемой деятельности). Следует говорить о наличии определенных механизмов регулирования предпринимательской деятельности. Существуют и отдельные элементы ограничения свободы предпринимательской деятельности (недопущение нарушение норм антимонопольного регулирования и пр.).

Как ранее было отмечено, субъекты предпринимательской деятельности могут быть разделены на физических и юридических лиц. В правоотношениях по поводу предпринимательской деятельности могут участвовать и публично-правовые образования (в той мере, в которой такое взаимодействие допустимо законом; либо при реализации государственных контрактов и пр.).

Говоря о физическом лице, необходимо отметить положение п. 1 ст. 23 ГК РФ о гражданской правосубъектности в части предпринимательской деятельности. В ст. 17 ГК РФ установлено, что способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. В качестве индивидуального предпринимателя по действующему законодательству выступает исключительного гражданин.

Специфика осуществляемой предпринимательской деятельности обуславливает тот факт, что индивидуальный предприниматель наравне с юридическим лицом приобретает право, и дееспособность, возникающие с момента его государственной регистрации [16].

Индивидуальными предпринимателями, наравне с гражданами РФ могут выступать иностранные граждане и лица без гражданства. Для приобретения статуса индивидуального предпринимателя необходимо наличие у физического лица правосубъектности и дееспособности (ст. 21 ГК РФ). Важно учитывать, что права на свободу предпринимательской деятельности является по сути конституционно закрепленным и продолжается в целом ряде норм, в т. ч. ст. 18 ГК РФ.

По мнению Ю. П. Кашириной: «Гражданско-правовой статус индивидуальных предпринимателей — это правовое положение указанной категории лиц в сфере гражданско-правовых (предпринимательских) отношений, характеризующее их гражданскую правосубъектность, субъективные гражданские права и обязанности, гражданско-правовые принципы, гарантии, меры гражданско-правовой ответственности и защиты, определяющее отраслевое (гражданско-правовое), специальное и конкретно-индивидуальное положение индивидуальных предпринимателей в системе гражданско-правовых отношений» [17, с. 6].

Необходимо отметить позицию М. Д. Шапсуговой, которая выделяет следующие характерные черты — в правосубъектность индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательского права входят: частно-правовые элементы (возможность совершения действий, связанных с предпринимательской деятельностью и пр.);

— публичные элементы, предопределяющие взаимодействие индивидуального предпринимателя с органами государственной власти [18, с. 9].

Таким образом, на сегодняшний день, индивидуальным предпринимателем выступает зарегистрированное в установленном порядке физическое лицо (гражданин РФ, иностранный гражданин, лицо без гражданства).

Субъектами предпринимательской деятельности выступают и юридические лица различной организационно-правовой формы. На законодательном уровне, понятие юридического лица содержится в п. 1 ст. 48 ГК РФ. Наиболее частым основанием классификации юридических лиц является их деление на некоммерческие и коммерческие. В вопросах осуществления предпринимательской деятельности, в большей мере идет речь о коммерческих юридических лицах.

Основы правового регулирования унитарного предприятия заложены в ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [19].

Таким образом, перечисленные законы непосредственно регламентируют деятельность коммерческих организаций-юридических лиц, предопределяют особенности их функционирования и особенности. Указанные принципиально важные положения непосредственно связаны с вопросами осуществления предпринимательской деятельности.

Хотелось бы отметить, что субъекты предпринимательской деятельности могут классифицироваться и иными способами, кроме как выделения индивидуальных предпринимателей и коммерческих юридических лиц. Так, Г. Б. Морозов предлагает применять следующую классификацию, основанную на определенных критериях:

— по субъектам данной деятельности (граждане — ИП, юридические лица — коммерческие организации);

— по правомочиям учредителей коммерческой организации в образовании ее имущества;

— по степени гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательства (ограниченная, субсидиарная и др.) [20, с.18–19].

Участие в предпринимательских отношениях различных субъектов можно определить и посредством представленной классификации. Не вызывает сомнения, что особенности правового статуса субъекта предпринимательской деятельности непосредственно связаны с теми основами, степенью правосубъектности, возможностями реализовать определенные полномочия, которые закреплены в законодательстве.

Подводя итоги, следует отметить, что предпринимательская деятельность является комплексным, межотраслевым институтом, имеет сложный характер и выступает в качестве особого объекта административно-правового регулирования. Как правило, осуществляют предпринимательскую деятельность физические или юридические лица.

Понятие и содержание лицензионно-разрешительной деятельности по добыче песочно-гравийной смеси. Система органов исполнительной власти, осуществляющих лицензионно-разрешительную деятельность

Повышенным значением обладает определение тех органов государственной власти, которые осуществляют управление в сфере предпринимательской деятельности по добыче ПГС.

Различается также общий и специальный правовой статус в административных отношениях, складывающихся по поводу предпринимательской деятельности. Если речь идет об общем статусе, то в него входит преимущественное количество субъектов. В то время, как если идет речь о специальном административном статусе, то здесь подразумевается меньшее количество субъектов, связанных с осуществлением специализированных функций в сфере предпринимательской деятельности по добыче ПГС.

Как правило, под специальными субъектами понимаются государственные служащие в рамках деятельности от лица соответствующих государственных органов. Можно сделать вывод о том, что на современном этапе развития Российской Федерации, присутствуют разнообразные методы обеспечения необходимого уровня законности в предпринимательской деятельности, в т. ч. регулируемых административно-правовыми нормами.

Основываясь на приведенном подходе, следует заметить, что административная юрисдикция в системе государственного управления по поводу предпринимательской деятельности занимает весомое место. Позицию административной юрисдикции в системе государственного управления достаточно хорошо характеризует мнение Р. М. Омарова: «административную юрисдикцию можно охарактеризовать как правоохранительную, правоприменительную, административно-процессуальную деятельность соответствующих органов государственной власти или их должностных лиц, которая осуществляется как во внесудебном, так и в судебном порядке и строго урегулирована законом» [21, с. 150].

Функция регулирования осуществления административно-юрисдикционной деятельности имеет непосредственную связь с иными функциями современного государства. Административно-правовой механизм регулирования, по своей сути, представляет собой систему реализации законов и подзаконных актов, предопределяющих основу правового регулирования различных вопросов и государственного управления в сфере предпринимательской деятельности. Как критерий эффективности всей законодательной деятельности можно выделить следующее:

— качественное формирование правовой базы;

— наличие гарантий и механизма защиты, реализации таких норм.

Обеспечение реализации административно-правового механизма в сфере предпринимательской деятельности по добыче ПГС сводится к проведению комплекса различных мер, взаимосвязанных между собой (носящих материально-технический, организационно-управленческий и специально-юридический характер).

Со стороны государства должна быть обеспечена возможность создать такие условия, при которых граждане, их объединения и организации могут действовать

в рамках правового поля и реализовывать конституционно закрепленное право на осуществление предпринимательской деятельности (ст. 34 Конституции РФ).

Как правило, в связи с намерением определенного субъекта получить лицензию, возникает лицензионно-разрешительное производство, которому характерна собственная специфика. Так, субъекты возникшего правоотношения не являются изначально равноправными. Так, лицензионный орган является контролирующим органом, наблюдающим за соблюдением установленных лицензионных требований и условий.

Лицензионно-разрешительные правоотношения представляют одну из важных предпосылок и необходимое условие осуществления установленного перечня видов хозяйственной деятельности, подлежащих лицензированию на основании норм действующего законодательства. По отношению к недрам, ч. 2 ст. 12 Закона о лицензировании делает отсылку к специальному законодательству, т. е. Закону о недрах.

Субъект предпринимательской деятельности, т. е. хозяйствующий субъект, который желает заниматься определенным лицензируемым видом деятельности, обязан вступить в соответствующее лицензионно-разрешительное правоотношение, чтобы приобрести специальную правоспособность.

По этому поводу В. С. Шмидт отмечает: «Лицензирование — это разрешительная процедура, которая имеет свои обязательные и факультативные стадии. Как и всякая правовая процедура, лицензирование четко регламентировано нормами лицензионного законодательства, поскольку только детальная регламентация обеспечивает законность в ходе осуществления управленческой деятельности» [22].

Лицензионно-разрешительное производство заключается в деятельности наделенных соответствующей компетенции административных органов. Данная деятельность напрямую связана с выдачей субъектам лицензий на осуществление отдельных видов предпринимательской или же иной деятельности, сюда же относится выдача разрешений на совершение однократных юридических действий.

Важно отметить, что возможно приостановление уже действующей лицензии. Лицензирующий орган осуществляет это в том случае, когда происходит привлечение лицензиата за нарушение лицензионных требований и условий к административной ответственности в том порядке, который установлен КоАП РФ.

Следует отметить, что основные принципы лицензирования включают в себя:

— обеспечение единства экономического пространства на территории РФ;

— установление лицензируемых видов деятельности федеральным законом;

— установление федеральными законами единого порядка лицензирования отдельных видов деятельности на территории РФ;

— установление исчерпывающих перечней лицензионных требований в отношении лицензируемых видов деятельности положениями о лицензировании конкретных видов деятельности;

— открытость и доступность информации о лицензировании, за исключением информации, распространение которой запрещено или ограничено в соответствии с законодательством РФ;

— недопустимость взимания с соискателей лицензий и лицензиатов платы за осуществление лицензирования, за исключением уплаты государственной пошлины в размерах и в порядке, которые установлены законодательством РФ о налогах и сборах;

— соблюдение законности при осуществлении лицензирования.

Итак, принципы лицензирования в области недропользования и добычи ПГС вытекают непосредственно из норм федерального законодательства и распространяются равным образом на всех граждан РФ. Что важно, единые требования установлены к порядку лицензирования в области недропользования, требованиям к субъектам и пр. Важно отметить, что лицензирование, помимо своей направленности на обеспечение порядка и безопасности, тесно связано с предпринимательской деятельности, единым экономическим пространством.

Целесообразно отметить принципиально значимые положения Закона о недрах, определяющих правовой режим недропользования и получения лицензий по добыче ПГС:

— определены критерии видов деятельности, которая подлежит лицензированию;

— закреплены цели и задачи лицензирования;

— установлен порядок организации и осуществления лицензионного контроля и проверок на различных этапах лицензирования;

— установлен порядок приостановления, возобновления, прекращения действия лицензии и ее аннулирования;

— действует регламент порядка и сроков прекращения действия лицензии в связи с прекращением вида деятельности лицензиата;

— установлен порядок подачи заявления соискателем лицензии на право получения лицензии и порядок принятия лицензирующим органом решения о предоставлении или об отказе в предоставлении лицензии, а также сроки осуществления таких действий;

— закреплена возможность субъекта предпринимательской деятельности обжаловать отказ в предоставлении лицензии;

— конкретизирован порядок предоставления лицензии при реорганизации юридического лица.

По результатам проведенного исследования необходимо сделать ряд выводов. Прежде всего, необходимо отметить, что лицензирование — сравнительно новый институт административного права. Он направлен на обеспечение безопасности и правопорядка. Пользование недрами имеет принципиально важное значение, в связи

с чем к данной деятельности предъявляются высокие требования. Такой подход обусловлен в т. ч. и нормой ч.1 ст. 9 Конституции РФ, устанавливающей, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в РФ как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Получение лицензии свидетельствует о готовности субъекта предпринимательской деятельности к надлежащему осуществлению деятельности по недропользованию и добыче ПГС. На сегодняшний день компетентные органы, наделенные контролирующими функциями, отслеживают соблюдение законодательства в области лицензирования.

Как было выявлено в процессе работы, принципы лицензирования тесно связаны с обеспечением безопасности, путем предъявления высоких требований к субъектам лицензирования по добыче ПГС и пользования недрами. Также лицензирование тесно связано с осуществлением предпринимательской деятельности, регулированием конкуренции и антимонопольным законодательством. Очевидно, что соблюдение принципов лицензирования представляет собой важное и перспективное направление общественного и государственного развития.

Нормативная правовая база подзаконного уровня, регламентирующая административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности во взаимосвязи с лицензированием недропользования является весьма обширной, что отчасти затрудняет правоприменение. Перспективным путем развития выступает систематизация норм в сфере лицензирования предпринимательской деятельности (в том числе посредством кодификации).

Лицензирование в области добычи общераспространенных полезных ископаемых. Процедуры и этапы получения лицензии на добычу песочно-гравийной смеси

Лицензирование в области добычи общераспространенных полезных ископаемых содержит в себе все основные признаки лицензии получения на пользование недрами. Однако имеют место и определенные особенности.

Действий лицензионной системы доступа к недрам в Российской Федерации позволяет единовременно осуществлять предпринимательскую деятельность в части недропользования при условии сохранения государственного контроля в данной сфере и права государственной собственности на стратегически важные ресурсы.

Следует отметить, что подать заявление могут уполномоченные на осуществление предпринимательской деятельности субъекты, имеющие технические, технологические, организационные условия для осуществления деятельности по добыче ПГС. В частности, обобщая положения действующего законодательства, можно выделить ряд оснований, которые могут быть положены в основу отказа в предоставлении лицензии на добычу ПГС:

— нарушение в процессе получения лицензии со стороны заявителя требований антимонопольного законодательства [23];

— предоставление заявителем не соответствующих действительности сведений о себе;

— нарушение требований о порядке подачи заявки на получение лицензии на добычу ПГС;

— отсутствие предоставления сведений о наличии у заявителя квалифицированных специалистов, необходимых средств (финансовых, технических, организационных) для проведения работ по добыче ПГС.

Процедура выдачи соответствующей лицензии на добычу ПГС включает несколько последовательных стадий:

— Возбуждение дела по выдаче лицензий на основании заявления определенного субъекта;

— Предварительное рассмотрение предоставленных материалов, устанавливается соответствие соискателя установленным лицензионным требованиям. Компетентный орган изучает представленные документы, проверяет достоверность сведений и пр.;

— Принятие решения по существу рассмотрения. Данное решение должно быть оформлено в виде установленного акта лицензирующего органа.

— Оспаривание решения (при несогласии субъекта).

— Исполнение решения.

Предоставление государственной услуги по выдаче лицензии на добычу ПГС происходит на основании ст. 16 Закона о недрах. В частности, организационное обеспечение лицензирования пользования недрами возлагается на Федеральное агентство по недропользованию и его территориальные органы. Указанные органы отвечают за вопросы недропользования, за исключением вопросов местного значения.

Следует выделить три уровня деятельности по управлению недрами:

— федеральный;

— региональный;

— местный.

Федеральное агентство по недропользованию и его территориальные органы отвечают за предоставление в Правительство РФ необходимых сведений, предложений о включении конкретных участков недр, подлежащих разработке в предоставлении с аукционом или без него [24]. Осуществляют подготовку перечней участков недр (за исключением участков недр федерального значения и участков недр местного значения) для геологического изучения недр, для разведки и добычи полезных ископаемых, согласовывают перечни участков недр местного значения, осуществляют лицензионно-разрешительную деятельность и подготовку условий пользования участками недр по видам пользования (ст. 6 Закона о недрах).

В свою очередь, на уровне субъектов РФ, уполномоченные органы:

— выдают лицензии на пользование недрами в отношении участков недр местного значения;

— осуществляют подготовку условий пользования участками недр местного значения (ст. 6 Закона о недрах);

— вправе выдвигать предложения и пожелания;

— осуществляют подготовку и утверждение перечней участков недр местного значения по согласованию с Федеральным агентством по недропользованию (его территориальными органами).

Важно отметить, что специфика предпринимательской деятельности по добыче ПГС обусловлена и особым регулированием в части возможности осуществлять добычу. В частности, преимущественно проводятся аукционы по предоставлению участков недр для добычи полезных ископаемых. Так, в ст. 13.1 Закона о недрах, определены правила проведения аукциона на право пользования участками недр. При этом лицензионно-разрешительная деятельность в части предпринимательской деятельности по добыче ПГС тесно связана с проведением таких аукционов.

На основании данных, полученных в исследовании ранее, следует подчеркнуть, что соблюдение принципов лицензирования в области недропользования и осуществления добычи ПГС — важное и перспективное направление для общества и государства. Добыча ПГС обеспечивает многие производственные нужды, влияя на социально-экономические процессы, что требует объективных мер регулирования. При этом в настоящее время многие авторы указывают, что необходима внутренняя систематизация норм института лицензирования [25, с. 26]. С данным мнением нельзя не согласиться.

Действительно, в настоящее время существуют перспективные направления развития института лицензирования. Внимание следует уделить обобщению существующих подходов, укрупнению системы законодательства в области лицензирования предпринимательской деятельности по добыче ПГС и недропользованию в целом.

Ответственность за нарушение правил осуществления предпринимательской деятельности по добыче песочно-гравийной смеси. Разрешение споров, вытекающих из лицензионно-разрешительных правоотношений

Надлежащий порядок осуществления предпринимательской деятельности по добыче ПГС обеспечивается различными правовыми средствами, основанными на положениях Конституции РФ и продолжающих ее нормы федерального законодательства. При этом к основным направлениям относится применение следующих мер охраны и защиты: гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые. Соответственно, исходя из степени общественной опасности правонарушения, применяются те или иные правовые средства.

Следует отметить, что разрешение возникшего спора в части осуществления предпринимательской деятельности по добыче ПГС может производиться во внесудебном (административном) и судебном порядке.

Представляется, что с учетом особенностей правового регулирования предпринимательской деятельности по добыче ПГС, не целесообразно рассматривать подробно меры гражданско-правовой ответственности, ограничившись указанием на обязательственные положения, следующие из положений обязательственного права (гл. 21 ч. 1 ГК РФ).

Административная ответственность выражается в административном правоотношении, где участвуют:

— орган (должностное лицо), компетентное привлекать к административной ответственности;

— субъект, привлекаемый к ответственности, подразумевается субъект предпринимательской деятельности по добыче ПГС.

Очевидно, что выделить административные правонарушения в области предпринимательской деятельности в самостоятельную группу административных правонарушений позволяет наличие особого объекта, охраняемого нормами административного права. В настоящее время, в структуре КоАП РФ выделяется самостоятельная глава 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций», в которой находят отражение составы административных правонарушений в области предпринимательства.

Отсутствие лицензии при ее необходимости влечет привлечение субъекта предпринимательской деятельности к административной ответственности по ст. 14.1 КоАП РФ. В Обзоре судебной практики Верховного Суда от 2017 г. указано, что если лицо занимается запрещенной для него лицензируемой деятельностью с нарушением правил ее ведения, то оно несет ответственность как за отсутствие лицензии, так и за нарушение правил осуществления указанной деятельности [26].

Следует отметить, ст. 19 Закона о недрах устанавливает запрет на отчуждение или передачу общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод, имеющихся в границах земельного участка, от одного лица к другому. Во всех остальных случаях пользование недрами должно осуществляться на основании лицензии на пользование недрами. Соответственно, за нарушение по поводу пользования недрами без лицензии предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность.

Применению подлежит ст. 7.3 КоАП РФ «Пользование недрами без лицензии на пользование недрами либо нарушение условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами, и (или) требований утвержденных в установленном порядке технических проектов». В одном из дел, суд указал, что привлечение директора ООО Н. по ч. 2 ст. 7.3 КоАП РФ было правомерным, так как в процессе рассмотрения административного дела директором ООО Н. не представлены доказательства наличия объективных причин, не зависящих от его воли, препятствующих соблюдению условий лицензии, а также доказательств того, что им предпринимались действия по соблюдению условий лицензии. Директор ООО Н. имел реальную возможность по недопущению нарушений условий лицензии [27].

Помимо указанных составов, к субъектам, самовольно осуществляющим добычу ПГС применяются санкции:

— ст. 7.1 КоАП РФ «Самовольное занятие земельного участка»;

— ст. 8.8 КоАП РФ «Использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению» и ряд других составов.

Исходя из степени нанесенного ущерба и общественной опасности противоправного деяния, может осуществляться и привлечение к уголовной ответственности по следующим составам:

— Ст. 158 УК РФ «Кража».

— Ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство» [28].

Следует отметить, что учеными высказывались различные мнения относительно успешности конструирования правовых норм, затрагивающих вопросы ответственности субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющих добычу ПГС.

Важно также отметить, что при несоблюдении требований выданной лицензии на добычу ПГС, допускается прекращение или приостановления ее действия, как и произошло в одном из дел. Судом было установлено и далее признано правомерным, что 22.06.2012 Департаментом охраны окружающей среды и природопользования Ярославской области ООО «Суворовское» была выдана лицензия на пользование недрами. Согласно Условий пользования недрами (приложение № 1 к лицензии), недропользователю предоставлено право на геологическое изучение, разведку и добычу на месторождении песка Суворовское.

После добычи песка было установлено требование к рекультивации. Приказом департамента № 152 от 14.09.2020 предоставленное ООО «Суворовское» по лицензии право пользования недрами приостановлено сроком на шесть месяцев, со ссылкой на с нарушение существенных условий лицензии в части несоблюдения п. 2 ст. 7 ЗК РФ (п. 7.1 Условий пользования недрами к лицензии ЯРО 00074 ТЭ).

На период приостановления права пользования недрами Обществу запрещено осуществление горных и связанных с ними вспомогательных работ, за исключением работ по консервации горных выработок, скважин и объектов инфраструктуры» [29].

Соответственно, существует и такая мера воздействия как приостановление и отзыв лицензии (в случае грубых нарушений требований по добыче ПГС).

Подводя итоги, следует отметить, что ответственность за нарушение правил осуществления предпринимательской деятельности по добыче песочно-гравийной смеси включает в себя ряд видов:

— гражданско-правовая;

— административная;

— судебная.

Разрешение споров, вытекающих из лицензионно-разрешительных правоотношений производится во внесудебном (административном) порядке или в рамках применения судебных мер защиты.

По результатам проведенного исследования, необходимо подвести итоги. Комплексное изучение перечисленных вопросов, позволило сделать ряд обоснованных выводов и предложений:

1. Предпринимательская деятельность является комплексным, межотраслевым институтом, который выступает, в том числе, объектом административно-правового регулирования. При наличии обширных возможностей для осуществления предпринимательской деятельности, установлены единовременно определенные пределы для ее осуществления. В рамках административно-правового регулирования по отношению к предпринимательской деятельности реализуются профилактические, предупредительные и пресекательные меры.

2. Правовой режим недропользования следует охарактеризовать как специфичный, с наличием разнообразных требований, затрагивающих не только предпринимательство, но и охрану окружающей среды, соблюдение установленных. Лицензия на пользование недрам является специальным административным средством в пользовании недрами, обеспечивающим баланс частных и публичных интересов.

Процедура лицензирования в области предпринимательской деятельности по пользованию недрами в целом и добыче ПГС следует охарактеризовать с помощью следующих сущностных характеристик:

— обладает государственно-властным характером;

— непосредственно связана с нормами административного регулирования;

— обладает определенными целями и задачами;

— имеет направленность на достижение конкретного юридического результата в виде решения вопроса относительно правового статуса субъекта лицензионной деятельности.

3. Административно-правовое регулирование лицензирования предпринимательской деятельности в области недропользования и добыче ПГС выступает сравнительно новым институтом административного права. Он направлен на то, чтобы установленный перечень деятельности (в ст. 11 Закона о недрах и др.) сделать максимально безопасным для отдельной личности, общества и государства. Получение лицензии свидетельствует о готовности субъекта предпринимательской деятельности к надлежащему осуществлению деятельности, подлежащей лицензированию.

Нормативная правовая база подзаконного уровня, регламентирующая административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в области недропользования является весьма обширной, что отчасти затрудняет правоприменение. Перспективным путем развития выступает систематизация норм в сфере лицензирования предпринимательской деятельности (в том числе посредством кодификации).

4. Лицензирование в области добычи общераспространенных полезных ископаемых предполагает проведение ряда этапов и соответствие кандидата (субъ-

екта предпринимательской деятельности), заявителя лицензии, установленным требованиям на добычу ПГС. Установлено, что существенной проблемой в части выдачи лицензии а добычу ПГС является наличие многочисленных нормативных правовых актов федерального и регионального уровней.

5. Надлежащий порядок осуществления предпринимательской деятельности, охраняется различными средствами. Могут применяться меры гражданско-правовой, административной, уголовной ответственности. Особенности производства по делам о правонарушениях в области предпринимательской деятельности по добыче ПГС находятся в зависимости от конкретного состава правонарушения и субъекта, привлекаемого к ответственности. Как правило, возникающие споры могут разрешаться во внесудебном (административном) порядке или в рамках судебного разрешения возникшего спорного правоотношения.

6. В качестве перспективы развития в области привлечения к ответственности субъектов предпринимательской деятельности по добыче ПГС, необходимо отметить усиление информационного взаимодействия уполномоченных субъектов (в том числе задействованных в сфере земельного, природоохранного, экологического законодательства). Так, в настоящее время, отсутствует достаточное закрепление данного положения на уровне правовой базы. Необходимо создание норм для того, чтобы уполномоченные субъекты в сфере охраны надлежащего порядка осуществления предпринимательской деятельности по добыче ПГС, могли получить необходимую информацию от иных уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и других субъектов административной юрисдикции. При этом речь идет о доступности такой информации, из единой информационной базы, без направления официальных запросов, которые зачастую отнимают значительное количество времени.

7. Целесообразно заменить в ч. 5 ст. 32.2 КоАП РФ термин «документ, свидетельствующий об уплате административного штрафа» на данные соответствующей информационной системы. Представляется, что указанные проблемы и возможные пути их решения, перспективные пути совершенствования действующего законодательства, могут оказать положительное влияние на вопросы привлечения к административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности по добыче ПГС.

8. Определенные проблемные аспекты имеют место в сфере правовой регламентации контроля и надзора в сфере предпринимательской деятельности, защиты прав субъектов предпринимательской деятельности по добыче ПГС. Так, необходимо устранение различных барьеров, в том числе более четкое разделение контрольной и надзорной деятельности (полномочий), устранение карательной направленности в деятельности государственных органов, борьбы с недостоверными результатами проверок и привлечения к ответственности виновных в этом должностных лиц.

Указанные меры, по мнению автора исследования, смогут повысить качество правового регулирования. Представляется, что правовое регулирование предпринимательской деятельности по добыче песочно-гравийной смеси — перспективная тема для дальнейших исследований, в связи с ее высокой значимостью для науки и практики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Климова А. Н. К вопросу о понятии и признаках предпринимательской деятельности // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 6. С. 184.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2001 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. 19.03.2001. № 12. Ст. 1138.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2001 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 16.07.2001. № 29. Ст. 3058.
6. Семиженко А. В., Шульга А. К. Формы и методы административно-правового регулирования предпринимательской деятельности // Наука через призму времени. 2018. № 5 (14). С. 144.
7. Надежин Н. Н. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 1. С. 37

8. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
9. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.07.2007. № 31. Ст. 4006.
10. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 09.05.2011. № 19. Ст. 2716.
11. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О техническом регулировании» // Собрание законодательства РФ. 30.12.2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.
12. Федеральный закон от 28.12.2013 № 412-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» // Собрание законодательства РФ. 30.12.2013. № 52 (ч. I). Ст. 6977.
13. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 15.07.2022) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2010. № 1. Ст. 2.
14. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.07.2005. № 30 (ч. 2). Ст. 3127.
15. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета. № 171. 05.08.2020.
16. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.
17. Каширина Ю. П. Гражданско-правовой статус индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации: дис.... кандидата юридических наук. Воронеж, 2012. С. 6.
18. Шапсугова М. Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации: дис.... кандидата юридических наук. Москва, 2012. С. 9.
19. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // Собрание законодательства РФ. 02.12.2002. № 48. Ст. 4746.
20. Морозов Г. Б. Правовое регулирование предпринимательской деятельности: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2021. С. 18–19.
21. Омаров Р. М. Понятие и основные черты административной юрисдикции // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2016. С. 150.
22. Шмидт В. С. Сущность лицензирования как вида административного производства // Молодой ученый. 2017. № 5. URL https://moluch.ru/archive/139/39031/ (дата обращения: 10.10.2022).
23. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О защите конкуренции» // Российская газета. № 162. 27.07.2006 и др.
24. Распоряжение Правительства РФ от 15.06.2009 № 787-р (ред. от 01.09.2022) <Об утверждении перечня участков недр федерального значения, которые предоставляются в пользование без проведения аукционов> // Собрание законодательства РФ. 22.06.2009. № 25. Ст. 3100.
25. Ольшевская А. В., Попович О. М. Актуальные проблемы института лицензирования в административном праве России // Вестник экономической безопасности. № 4. 2016. С. 136.
26. Обзор судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.12.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284357/ (дата обращения: 10.10.2022).
27. Решение Советского районного суда г. Астрахани от 11.05.2017 г. по делу № 12–147/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QdC01PvxpZlV/ (дата обращения: 10.10.2022).
28. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
29. Решение Арбитражного суда Ярославской области от 16.03.2021 г. по делу № 82–18489/2020. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Tdg5d8Zdu1HY/ (дата обращения: 10.10.2022).

Мошенничество: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации

Минасян Лариса Арамовна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматриваются признаки мошенничества как формы хищения, предусмотренной статьёй 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются объективная и субъективная стороны состава, значение обмана и злоупотребления доверием, момент окончания преступления, а также типичные сложности разграничения мошенничества с гражданско-правовым спором, кражей и причинением имущественного ущерба путём обмана. Отдельное внимание уделяется мошенничеству в сфере предпринимательской деятельности и актуальным конституционно-правовым ориентирам квалификации.

Ключевые слова: *мошенничество, хищение, обман, злоупотребление доверием, умысел, квалификация, статья 159 УК РФ, предпринимательская деятельность.*

Введение

Мошенничество относится к числу распространённых преступлений против собственности, а его способы постоянно адаптируются к экономическим и технологическим условиям. Наряду с традиционными схемами, основанными на ложных обещаниях и фиктивных сделках, значительную роль играют дистанционные коммуникации, поддельные документы и цифровые сервисы. Для правоприменителя центральной задачей остаётся не только установление факта имущественного ущерба, но и доказывание всех признаков состава преступления.

Нормативную основу исследования составляют статья 159 УК РФ, общие положения уголовного закона о хищении и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. При анализе предпринимательских отношений необходимо учитывать и постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2026 г. № 43-П, затронувшее подход к квалификации преднамеренного неисполнения договорных обязательств, если потерпевшей является коммерческая организация с публичным участием [1–3].

1. Понятие и элементы состава мошенничества

Объект и предмет преступления

Родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану собственности. Предметом мошенничества является чужое имущество либо право на чужое имущество. Специфика состава заключается в способе завладения: потерпевший или иное уполномоченное лицо передаёт имущество либо оформляет право под воздействием обмана или вследствие злоупотребления доверием.

Объективная сторона

Согласно части 1 статьи 159 УК РФ мошенничество представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана либо злоупотребления доверием [1]. Обман может выражаться в сообщении заведомо ложных сведений, искажении фактов или умолчании о значимых обстоятельствах. Ложные сведения могут касаться личности, полномочий, качества товара, стоимости, юридических фактов или намерений виновного.

Злоупотребление доверием предполагает корыстное использование доверительных отношений с собственником либо лицом, принимающим решение о передаче имущества. Само по себе доверие не образует преступления: необходимо установить, что оно использовано как способ безвозмездного завладения чужим имуществом или приобретения права на него. Пленум Верховного Суда РФ подчёркивает, что при оценке договорных отношений существенное значение имеет наличие умысла на хищение до получения имущества [2].

Субъективная сторона и субъект

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Лицо осознаёт обманный

Рис. 1. **Обстановка документирования и анализа обстоятельств предполагаемого мошенничества**

характер поведения, предвидит имущественный ущерб и желает завладеть чужим имуществом либо правом. Для квалификации недостаточно установить лишь то, что договор впоследствии не был исполнен: необходимо доказать, что преступный умысел существовал до передачи имущества или права. Субъект общего состава — вменяемое физическое лицо, достигшее установленного уголовным законом возраста.

Момент окончания зависит от предмета и механизма завладения. При хищении имущества требуется установить, что оно поступило в незаконное владение виновного или других лиц и появилась реальная возможность им распорядиться; при приобретении права — что возникла юридически закреплённая возможность владеть или распоряжаться чужим имуществом как своим. Конкретный вывод определяется фактическими обстоятельствами дела и применимыми разъяснениями Верховного Суда [2].

2. Проблемы квалификации и отграничение от смежных деяний

Разграничение с гражданско-правовым спором

Одна из наиболее сложных практических задач — отделить мошенничество от обычного нарушения договорных обязательств. Невыполнение договора, просрочка оплаты или возникновение убытков сами по себе не свидетельствуют о преступлении. Уголовно-правовая оценка требует совокупности доказательств, указывающих на первоначальный умысел на хищение: например, заведомо ложные сведения при заключении сделки, фиктивные документы, отсутствие реальной возможности исполнить обязательство, сокрытие существенных обстоятельств и распоряжение полученными средствами вопреки заявленной цели [2].

При этом ни один из названных фактов не должен оцениваться изолированно. Отсутствие ресурсов у контрагента может быть следствием неблагоприятной конъюнктуры, а использование полученных средств не по плану — нарушением договора, но не обязательно мошенничеством. Значение имеет оценка всей совокупности обстоятельств, включая поведение до заключения сделки, содержание переговоров, документы, финансовые операции и действия после получения имущества.

Разграничение с кражей и статьёй 165 УК РФ

При мошенничестве обман или злоупотребление доверием выступают способом завладения имуществом либо приобретения права на него. Если обман использовался только для облегчения доступа к имуществу, а непосредственное изъятие совершено тайно, содеянное при наличии соответствующих признаков может образовывать кражу. Разъяснения по этому вопросу содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 [2].

Необходимо также отграничивать мошенничество от причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием (статья 165 УК РФ). Для мошенничества обязательны признаки хищения либо приобретения права на чужое имущество. Если лицо получает имущественную выгоду обманным путём, но признаки хищения отсутствуют, квалификация по статье 159 УК РФ не может основываться лишь на наличии ущерба. Следует определить характер имущественного результата, механизм его возникновения и направленность умысла.

При квалификации важно избегать как необоснованного расширения уголовной ответственности, так и недооценки доказательств обмана. Решение должно опираться на установленный способ завладения, причинную связь между обманом и передачей имущества, размер ущерба и наличие предусмотренных законом квалифицирующих признаков.

3. Квалифицирующие признаки и предпринимательская сфера

Квалифицирующие обстоятельства

Статья 159 УК РФ предусматривает дифференциацию ответственности в зависимости от обстоятельств совершения деяния, в том числе группового характера, значительного ущерба гражданину, использования служебного положения и размера хищения. Выбор соответствующей части статьи требует точного установления фактических признаков и проверки действующей редакции закона. Размер ущерба определяется с учётом правил уголовного закона и разъяснений судебной практики; недопустимо подменять доказательство размера предположениями.

Мошенничество при исполнении договора

Особое значение имеет специальный состав, предусмотренный частями 5–7 статьи 159 УК РФ: мошенничество, сопряжённое с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Его применение связано с установленными законом субъектными условиями договора и признаками преднамеренности. Само наличие коммерческого договора не создаёт презумпции преступления; необходимо доказать признаки хищения и первоначальный умысел.

В постановлении от 29 июня 2026 г. № 43-П Конституционный Суд РФ указал, что квалификация такого деяния по частям 5–7 статьи 159 УК РФ не должна исключаться лишь потому, что потерпевшая коммерческая организация учреждена публично-правовым образованием или в ней участвует государство либо муниципалитет [3]. Это решение имеет значение для единообразного применения уголовного закона и равной охраны различных форм собственности.

Практический алгоритм квалификации

Для повышения обоснованности решений целесообразно последовательно установить: 1) какое имущество или право стало предметом посягательства; 2) в чём кон-

кретно состояли обман или злоупотребление доверием; 3) повлиял ли этот способ на передачу имущества; 4) когда возник умысел и чем он подтверждается; 5) наступил ли предусмотренный законом имущественный результат; 6) имеются ли квалифицирующие признаки или основания для применения специального состава; 7) не относится ли спор к сфере гражданско-правовой ответственности.

Такой алгоритм не заменяет правовую оценку доказательств, но позволяет уменьшить риск ошибочной квалификации. Особое внимание следует уделять электронным перепискам, сведениям о движении денежных средств, подлинности документов, фактическим возможностям исполнить обязательство и последовательности действий участников сделки.

Рис. 2. **Документы и цифровые устройства как возможные источники доказательственной информации**

Заключение

Мошенничество представляет собой сложный состав преступления, при квалификации которого решающее значение имеет установление способа завладения имуществом и прямого корыстного умысла. Обман или злоупотребление доверием должны находиться в причинной связи с передачей имущества либо приобретением права на него. Наличие имущественного ущерба или неисполненного договора само по себе не позволяет сделать вывод о совершении преступления.

Основные сложности правоприменения связаны с доказыванием момента возникновения умысла, разграничением уголовно наказуемого хищения и гражданско-правового нарушения, определением характера имущественного результата и выбором между общей и специальной нормами статьи 159 УК РФ. Разъяснения Верховного Суда РФ № 48 и правовые позиции Конституционного Суда РФ, включая постановление № 43-П от 29 июня 2026 г., ориентируют правоприменителя на системное исследование обстоятельств и недопустимость расширительного толкования уголовного закона [2; 3].

Представляется, что качество квалификации может быть повышено посредством комплексного анализа поведения сторон до заключения договора и после передачи имущества, проверки объективных возможностей исполнения обязательства и мотивированного отражения в процессуальных решениях каждого признака состава. Такой подход обеспечивает баланс между эффективной защитой собственности и недопущением необоснованного уголовного преследования участников гражданского оборота.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ст. 159; в действующей редакции на дату подготовки статьи).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (с последующими изменениями).
1. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2026 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Шеврюкова Сергея Николаевича».
2. Кучин О. С. Оценка признаков хищения правоприменителем при квалификации мошенничества // IUS PUBLICUM ET PRIVATUM. 2024. № 4 (28).

Размер компенсации морального вреда

Минх Евгения Витальевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье исследуются проблемы определения размера компенсации морального вреда в Российской Федерации. Автором анализируются положения гражданского законодательства, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, современная судебная практика и научные подходы к определению размера компенсации. Особое внимание уделяется критериям разумности и справедливости, вопросам мотивированности судебных решений и индивидуализации размера компенсации с учётом обстоятельств конкретного дела. Рассматриваются расчётные методики и подходы, предложенные в юридической науке, а также их возможное использование в качестве рекомендательных ориентиров. На основе проведённого анализа обосновывается необходимость разработки дополнительных критериев определения размера компенсации, способствующих последовательности судебной практики при сохранении индивидуального подхода к каждому делу.

Ключевые слова: *институт компенсации морального вреда, размер компенсации морального вреда, критерии определения размера компенсации морального вреда, проблемы определения размера компенсации морального вреда.*

Amount of Compensation for Non-Pecuniary Damage

Minkh Yevgeniya Vitalyevna, master's student
Chelyabinsk State University

This article examines the issues related to determining the amount of compensation for non-pecuniary damage in the Russian Federation. The author analyzes the provisions of civil legislation, clarifications issued by the Supreme Court of the Russian Federation, current judicial practice, and scholarly approaches to determining the amount of compensation. Particular attention is paid to the criteria of reasonableness and fairness, the reasoning of judicial decisions, and the individualization of compensation in light of the specific circumstances of each case. The article also considers calculation methods and approaches proposed in legal scholarship, as well as their possible use as advisory guidelines. Based on the analysis, the article substantiates the need to develop additional criteria for determining the amount of compensation that would contribute to greater consistency in judicial practice while preserving an individualized approach to each case.

Keywords: *compensation for non-pecuniary damage, amount of compensation for non-pecuniary damage, criteria for determining the amount of compensation for non-pecuniary damage, issues related to determining the amount of compensation for non-pecuniary damage.*

Введение

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33 от 15 ноября 2022 года «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее — Постановление) раскрывает понятие морального вреда, под которым понимаются нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права, либо нарушающими имущественные права гражданина.

К личным неимущественным правам можно отнести жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и иное [1].

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) вопросам компенсации морального вреда посвящены статьи 1099–1101, устанавливающие общие положения, основания для компенсации, а также способ и её размер [2].

В пункте 12 Постановления определены условия, при наличии которых наступает ответственность. Для взыскания денежных средств суду необходимо установить факт претерпевания пострадавшим лицом физической или душевной боли, а также зафиксировать противоправность поведения причинителя ущерба. Кроме того, обязательному доказыванию подлежит детерминирующая (причинно-следственная) связь между указанным неправомерным деянием и возникшими негативными последствиями. И последним обязательным условием является вина самого деликвента [1].

Вместе с тем вопросы определения размера такой компенсации по-прежнему остаются дискуссионными и требуют дальнейшего изучения и совершенствования правоприменительного механизма.

Материалы и методы исследования

В данной статье использованы нормы гражданского законодательства Российской Федерации, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), материалы судебной практики, а также научные труды и концепции, посвящённые определению размера компенсации морального вреда.

В исследовании применялись формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ и обобщение судебной практики. Их использование позволило сопоставить законодательные критерии определения размера компенсации, существующие судебные подходы и предлагаемые в научной литературе расчётные методики.

Результаты исследования и их обсуждение

Одной из наиболее актуальных проблем института компенсации морального вреда является определение её размера. В соответствии со статьёй 1101 ГК РФ размер компенсации определяется судом в зависимости от характера причинённых потерпевшему физических и нравственных страданий с учётом требований разумности и справедливости.

Несмотря на принятие Постановления, направленного на обеспечение единства судебной практики, вопрос обоснованности взыскиваемых сумм остаётся открытым. Данный акт приводит перечень факторов, которые судам нужно оценивать для расчёта выплат. Тем не менее точное финансовое выражение перенесённых страданий всё равно зависит от деталей каждого конкретного спора. В связи с этим суду надлежит детально пояснить, какие именно аргументы легли в основу решения при установлении соответствующей суммы. При этом суд должен привести мотивы, которыми руководствовался при определении соответствующей суммы.

На необходимость более детального обоснования размера компенсации указывает практика ВС РФ.

В 2026 году Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ рассмотрела кассационную жалобу по спору, возникшему в связи с гибелью работника в результате несчастного случая на производстве. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций взыскали в пользу супруги и каждого из совершеннолетних детей погибшего по 200 000 рублей, а в пользу несовершеннолетних детей — по 500 000 рублей. Однако ВС РФ обратил внимание на то, что нижестоящие инстанции ограничились поверхностным перечислением нормативных критериев расчёта выплат. При этом суды не мотивировали разделение взысканных сумм с точки зрения возраста заявителей, а также индивидуальной глубины физической боли и душевных травм, перенесённых каждым из них. Судебные акты были отменены, дело — направлено на новое рассмотрение [3].

Приведённый пример свидетельствует о том, что наличие общих критериев само по себе не исключает необходимости их конкретизации применительно к обстоятельствам каждого дела. Существенное значение имеет не только указание судом на требования разумности и справедливости, но и раскрытие того, каким образом характер и степень страданий потерпевшего повлияли на определённый размер компенсации.

Специфика доказывания сопутствующих факторов при взыскании неимущественного ущерба находит своё подтверждение в актуальных материалах судебной практики. В частности, в декабре 2025 года ВС РФ изучил спор о защите чести, достоинства и деловой репутации. Исковые требования включали в себя выплаты за перенесённые страдания, вызванные направлением заявления с порочащими сведениями в адрес руководителя муниципального образования. Нижестоящие инстанции назначили выплату в 200 000 рублей, которую апелляция впоследствии уменьшила до 150 000 рублей. Однако ВС РФ отменил состоявшиеся акты и отправил спор на пересмотр. Высшая инстанция подчеркнула обязанность судов оценивать подобное письмо с позиции реализации законного права на обращение, а также устанавливать сам юридический факт распространения спорной информации [4].

Данный пример демонстрирует, что до исчисления объёма выплат необходимо зафиксировать сам факт возникновения легальных условий для привлечения к ответственности, а также дать верную правовую оценку поведению потенциального деликвента. Таким образом, сложности практического применения данного института обусловлены не только анализом глубины и специфики перенесённой боли, но и выявлением юридических факторов, предопределяющих само зарождение права на возмещение ущерба.

Существует методика определения размера компенсации морального вреда, автором которой является А. М. Эрделевский. **Исследователь рекомендует брать за основу сопоставление предельных мер наказания, закреплённых в уголовном праве за противоправные деяния против личных нематериальных благ граждан. Именно на данном фундаменте рассчитывается отправная величина предполагаемого морального вреда, подлежащая последующей корректировке с оглядкой на специфические факторы каждого конкретного спора.**

В основу калькуляции заложена система поправочных коэффициентов. Они позволяют комплексно оценить форму виновности деликвента, персональные свойства личности пострадавшего, реальные условия совершения правонарушения, а также имущественный статус нарушителя и возможную неосторожность самой пострадавшей стороны. А. М. Эрделевский предлагает следующую формулу: $D = d \times fv \times i \times c(-fs) \times p$, где D — размер компенсации действительного морального вреда; d — размер компенсации презюмируемого морального вреда; fv — степень вины причинителя вреда; i — коэффициент индивидуальных особенностей потерпевшего; c — коэффициент учёта фактических обстоятельств причинения вреда; fs — степень вины потерпевшего; p — коэффициент учёта имущественного положения причинителя вреда [5].

По мнению А. М. Эрделевского, применение данной модели может способствовать обеспечению единообразия судебной практики, повышению предсказуемости судебных решений и более аргументированному осуществлению судебного усмотрения при определении размера компенсации морального вреда. При этом предложенная методика не носит обязательного характера и может рас-

сматриваться судами в качестве ориентира при определении размера компенсации с учётом обстоятельств конкретного дела.

В настоящее время данная модель в практике не нашла своего применения и продолжает использоваться в научных исследованиях.

Органы правосудия устанавливают величину возмещения неимущественного ущерба в твёрдой валюте, не соотнося итоговые суммы с минимальным размером оплаты труда.

Иной подход к определению размера компенсации морального вреда предложен Е. А. Михно. Автор рассматривает компенсацию морального вреда через разграничение компенсационной и штрафной составляющих и настаивает на необходимости признания карательной функции гражданского права в данной сфере, предлагая использовать понятие «штрафные убытки» [6].

Компенсационная составляющая предназначена для возмещения потерпевшему нравственных и физических страданий, тогда как штрафная направлена на воздействие на причинителя вреда и предупреждение совершения аналогичных правонарушений в будущем. Данная концепция основана на сочетании восстановительной и превентивной функций гражданско-правовой ответственности.

Вместе с тем российское законодательство не восприняло концепцию штрафной компенсации морального вреда, поскольку **современное гражданское право опирается на восстановительную природу этого метода защиты нарушенных нематериальных благ**.

Как отмечает М. Н. Малеина, величина таких выплат не может определяться посредством заранее установленных тарифов или расчётных формул. Суд должен исходить из индивидуальной оценки обстоятельств каждого конкретного дела. При этом автор предлагает учитывать общественную оценку противоправного события, характер распространения порочащих сведений, вид и степень тяжести повреждения здоровья, длительность физических и нравственных страданий, индивидуальные особенности потерпевшего, форму вины причинителя вреда, а также требования разумности и справедливости. Такой подход, по мнению автора, обеспечивает наиболее полную реализацию принципа индивидуализации гражданско-правовой ответственности [7].

Таким образом, анализ законодательства, судебной практики и научных концепций позволяет выделить два ключевых вектора при исчислении объёма выплат за неимущественный ущерб. Первый предполагает возможность формализации расчёта посредством системы критериев и коэффициентов, второй основывается на индивидуальной оценке обстоятельств каждого конкретного дела. Представляется, что применение расчётных методик не должно носить обязательный характер, однако отдельные элементы таких методик могут использоваться в качестве ориентиров, способствующих более последовательному и обоснованному исчислению объёма выплат на основе начал разумности и справедливости.

Заключение

С учётом вышеуказанного найти баланс при расчёте компенсаций за моральный вред можно посредством разработки рекомендательных критериев и ориентиров, обеспечивающих большую последовательность судебной практики при сохранении индивидуального подхода к обстоятельствам каждого дела. Расчётные методики не должны носить обязательный характер, но могут служить суду хорошим подспорьем для реализации принципов разумности и справедливости.

Наряду с этим в процессе определения суммы возмещения важно обеспечить всестороннюю оценку глубины боли и душевных переживаний пострадавшей стороны, а также детально объяснить, как именно эти страдания повлияли на окончательный вердикт.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 10.05.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Правовой сайт «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/993764dfeab5c34c035e3b8b6cc5d430568e0c80/ (дата обращения: 28.06.2025).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2026 № 16-КГ25–38-К4. — URL: https://base.garant.ru/413809174/ (дата обращения: 12.05.2026).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2025 № 18-КГ25–449-К4. — URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2511312?utm_source (дата обращения: 12.05.2026).
5. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. — 3-е изд. — Москва : Р. Валент, 2007. — 270 с. — URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003355883 (дата обращения: 11.05.2026).
6. Михно, Е. А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. А. Михно. — Санкт-Петербург, 1998. — 35 с.

7. Малеина, М. Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан / М. Н. Малеина // Журнал российского права. — 2015 — № 5. — С. 59–73. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-kriteriev-opredeleniya-kompensatsii-neimuschestvennogo-vreda-kak-sposoba-zaschity-grazhdanskih-semeynyh-i-trudovyh-prav (дата обращения: 11.05.2026).

Система дополнительных наказаний в российском уголовном праве: понятие, признаки и место в системе наказаний

Мота Мария Михайловна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье рассматривается институт дополнительных наказаний в отечественном уголовном праве. Обосновывается, что законодатель, закрепив в ст. 45 УК РФ трёхзвенную классификацию видов наказаний, не сформулировал легального определения дополнительного наказания, что порождает доктринальную неопределённость и правоприменительные затруднения. Показано, что критерием отнесения наказания к дополнительным выступает не характер правоограничений, а порядок сочетания с другим наказанием при его назначении.

Ключевые слова: *система наказаний, дополнительные наказания, классификация наказаний, лишение права занимать определённые должности, штраф, уголовно-правовое воздействие.*

Система наказаний представляет собой не простую совокупность предусмотренных законом мер государственного принуждения, а упорядоченное единство, элементы которого находятся в отношениях субординации и координации. Внутренняя организация этой системы задаётся ст. 44 УК РФ, где перечислены виды наказаний в определённой последовательности — от наименее строгого к наиболее строгому, и ст. 45 УК РФ, распределяющей их по трём группам: только основные, основные и дополнительные, только дополнительные [6].

Именно вторая и третья группы образуют то, что в доктрине принято именовать системой дополнительных наказаний. Институт этот имеет длительную историю: он был известен ещё дореволюционному уложению о наказаниях, сохранялся в советских кодифицированных актах 1922, 1926 и 1960 гг. и в трансформированном виде вошёл в УК РФ 1996 г. Между тем, как справедливо отмечается в литературе, законодатель так и не сформулировал ни в ст. 44, ни в ст. 45 УК РФ легального определения дополнительного наказания, ограничившись указанием на возможность его применения [7]. Такая законодательная лаконичность при внешней простоте порождает целый комплекс теоретических и прикладных вопросов.

Анализ ст. 45 УК РФ позволяет выделить три законодательные модели. Первая — наказания, применяемые исключительно как основные: обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определённый срок, пожизненное лишение свободы, смертная казнь. Вторая — наказания «двойного» применения: штраф, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, ограничение свободы. Третья — наказания, назначаемые только дополнительно: лишение специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград [6].

Примечательно, что перечень последних за последние два десятилетия претерпел существенное сужение. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ из него были исключены конфискация имущества, а ранее — ряд иных мер, что дало основание ряду авторов говорить о «размывании» института дополнительных наказаний и его постепенном вытеснении иными мерами уголовно-правового характера.

Формально-логический анализ показывает: законодатель не даёт определения ни одному из трёх классов. Он лишь распределяет виды наказаний по способу их сочетания. Отсюда следует принципиальный вывод, разделяемый большинством исследователей: дополнительным является не наказание как таковое (по своему содержанию), а его функция в конкретной комбинации с другим наказанием. Штраф сам по себе не является «дополнительным» наказанием — он становится таковым лишь при присоединении к лишению свободы, исправительным работам и т. п.

В этой связи в доктрине сложилось понимание дополнительного наказания как меры, которая не может быть назначена самостоятельно (в качестве единственной меры) и присоединяется к основному наказанию, усиливая его карательное и превентивное воздействие. Соответственно, основное наказание — это мера, которая может быть назначена самостоятельно и является обязательным элементом любой назначаемой комбинации.

Систематизация доктринальных подходов позволяет выделить следующие признаки дополнительных наказаний.

Во-первых, вспомогательный (акцессорный) характер. Дополнительное наказание не имеет самостоятельного значения в приговоре: оно всегда «привязано» к основному. Законодатель исходит из того, что наказание за преступление должно включать основную меру, а дополнительная — лишь дополнять её.

Во-вторых, факультативность назначения (по общему правилу). Если санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривает дополнительное наказание как альтернативу, суд вправе его не применять, мотивируя это в приговоре. Лишь в случаях, когда санкция содержит указание на обязательное назначение, суд обязан его назначить.

В-третьих, производность от основного наказания при исчислении сроков. Наиболее наглядно это проявляется в ч. 4 ст. 47 УК РФ: при назначении лишения права занимать определённые должности в качестве дополнительного к лишению свободы срок исчисляется с момента отбытия основного наказания, хотя сам запрет распространяется на всё время его отбывания [6]. Аналогичное правило закреплено ст. 36 УИК РФ [3].

В-четвёртых, особая направленность правоограничений. Дополнительные наказания, как правило, поражают те блага и статусы, которые связаны с преступным поведением (служебное положение, профессиональная деятельность, звание, награда). Это обеспечивает адресность воздействия и отличает их от основных наказаний, ориентированных на личность в целом.

В-пятых, производность от характера общественной опасности деяния. Дополнительное наказание должно быть адекватно не только личности виновного, но и специфике объекта посягательства.

Отдельно следует остановиться на классификации по степени обязательности. В литературе выделяются:

1) дополнительные наказания, прямо предусмотренные санкцией как обязательные;

2) дополнительные наказания, предусмотренные как альтернатива;

3) дополнительные наказания, не предусмотренные санкцией, но применяемые в силу ч. 3 ст. 47 УК РФ.

Последнее положение, дающее суду право назначить лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью даже при отсутствии такого указания в санкции, представляет собой важный инструмент индивидуализации, но одновременно — и источник дискреции, требующий процессуальных гарантий.

Системный характер института дополнительных наказаний проявляется в двух плоскостях.

В структурном отношении дополнительные наказания включены в «лестницу наказаний» ст. 44 УК РФ, но их место в ней определяется не только степенью строгости, сколько функциональной ролью. Это создаёт известное противоречие: штраф, расположенный в перечне первым (как наименее строгое наказание), может выступать и дополнительным, тогда как лишение специального звания, будучи дополнительным, занимает в перечне место после лишения свободы.

В функциональном отношении дополнительные наказания выполняют три задачи: усиление карательного содержания основного наказания; повышение предупредительного (специально-превентивного) эффекта путём устранения условий, способствовавших преступлению; обеспечение восстановительной и компенсаторной функции (в отношении штрафа как дополнительной меры).

При этом обращает на себя внимание дисбаланс: по данным доктринальных исследований, в санкциях Особенной части УК РФ дополнительное наказание в виде штрафа встречается существенно реже, чем лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, что не в полной мере отвечает задачам имущественного воздействия на коррупционную и экономическую преступность.

Рассмотрим проблемные аспекты действующего регулирования.

Первая проблема — отсутствие легальной дефиниции. Отсутствие определения в законе приводит к тому, что суды не всегда последовательно разграничивают основное и дополнительное наказание в случаях, когда санкция предусматривает несколько альтернативных мер. Представляется целесообразным дополнить ст. 45 УК РФ частью 4, закрепив, что дополнительным признаётся наказание, которое не может быть назначено самостоятельно и применяется только в сочетании с основным.

Вторая проблема — двоякое качество отдельных видов наказаний. Закрепление в ч. 2 ст. 45 УК РФ трёх «универсальных» наказаний создаёт ситуацию, при которой правоприменитель вынужден самостоятельно определять их статус в каждом конкретном случае. Наиболее остро это проявляется в отношении лишения права занимать определённые должности: закон прямо запрещает одновременное назначение его в качестве основного и дополнительного за одно преступление, что требует от суда предельной точности формулировок в резолютивной части приговора.

Третья проблема — размывание границ института вследствие расширения перечня иных мер уголовно-правового характера (судебный штраф, конфискация имущества в редакции 2006 г., принудительные меры медицинского характера). Возникает вопрос о критериях отграничения дополнительных наказаний от указанных мер, поскольку последние, не являясь наказанием, тем не менее возлагают существенные ограничения.

Четвёртая проблема — эффективность исполнения. Контроль за исполнением дополнительных наказаний, не связанных с лишением свободы, возложен на уголовно-исполнительные инспекции, однако их ресурсные возможности ограничены, а механизм взаимодействия с органами, аннулирующими разрешения (лицензии, права), не всегда оперативен.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Дополнительные наказания образуют подсистему в рамках системы наказаний, выделяемую по функциональному критерию — способности выступать исключительно в сочетании с основным наказанием.

Ключевыми признаками выступают акцессорность, факультативность (по общему правилу), производность порядка исчисления сроков и адресность правоограничений.

Действующая редакция ст. 45 УК РФ не содержит легального определения дополнительного наказания и допускает двоякое применение трёх видов наказаний, что требует законодательной корректировки.

Оптимальным направлением совершенствования представляется дополнение ст. 45 УК РФ дефинитивной нормой и уточнение правил назначения «универсальных» наказаний.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 2025 г.). — Текст электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.08.2026).
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. — Текст электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 16.08.2026).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 2025 г.). — Текст электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 20.08.2026).
4. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58. — Текст электронный // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 16.08.2026).
5. Лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью (УСО): разъяснение от 27 октября 2022 г. — Текст электронный // Прокуратура Тульской области: официальный сайт. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_71/activity/legal-education/explain/e1299381/ (дата обращения: 20.08.2026).
6. Крылова, П. А. Право занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью как вид уголовного наказания: диссертация / П. А. Крылова. — Москва, 2016. — Текст электронный // Электронная библиотека КЮИ МВД России. — URL: http://lib.eioskuimvd.ru (дата обращения: 20.08.2026).
7. Право занимать определённые должности: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты. — Текст электронный // CrimeScience. — URL: http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2016/04/2_93_2016.pdf (дата обращения: 20.08.2026).

Понятие и сущность альтернативных способов разрешения споров

Николенко Маргарита Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается понятие альтернативных способов разрешения споров, раскрываются их характерные признаки и определяется место в современной системе защиты нарушенных прав и законных интересов. Исследуется соотношение альтернативного разрешения споров с государственным судебным разбирательством. Анализируются переговоры, посредничество, медиация, третейское разбирательство и примирительные процедуры, применяемые в арбитражном процессе. Обосновывается положение о том, что альтернативное разрешение споров представляет собой не отказ от судебной защиты, а расширение возможностей участников правоотношений при выборе приемлемого способа урегулирования возникших разногласий.

Ключевые слова: *альтернативное разрешение споров, арбитражный процесс, медиация, переговоры, посредничество, третейское разбирательство, судебное примирение, примирительные процедуры, урегулирование спора.*

The concept and essence of alternative dispute resolution methods

Nikolenko Margarita Nikolayevna, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the concept of alternative dispute resolution, outlines its characteristic features, and defines its place within the modern system for protecting violated rights and legitimate interests. It explores the relationship between alternative dispute res-

olution and state judicial proceedings. The study analyzes negotiation, conciliation, mediation, arbitration, and conciliation procedures used in commercial (arbitrazh) proceedings. It substantiates the position that alternative dispute resolution does not constitute a rejection of judicial protection but rather expands the options available to parties in legal relationships when selecting an acceptable method for resolving disputes.

Keywords: *alternative dispute resolution, arbitration proceedings, mediation, negotiations, intermediation, arbitral proceedings, judicial conciliation, conciliation procedures, dispute settlement.*

Термин «альтернативное разрешение споров» получил широкое распространение в юридической литературе и практике. Первоначально альтернативное разрешение споров связывалось с поиском способов урегулирования конфликтов, позволяющих участникам отказаться от традиционного судебного разбирательства либо использовать другие процедуры до обращения в суд. В настоящее время альтернативное разрешение споров охватывает различные формы взаимодействия сторон, с помощью которых конфликт может быть урегулирован.

При определении содержания «альтернативное разрешение споров» необходимо учитывать отсутствие единого универсального подхода к перечню входящих в него процедур. К альтернативным способам относится медиация, переговоры, посредничество, примирение, третейское разбирательство и другие формы разрешения конфликтов. В АПК РФ предусматривает возможность применения примирительных процедур, включая судебное примирение. Альтернативное разрешение споров целесообразно рассматривать, прежде всего, как доктринальную категорию, объединяющую различные предусмотренные законодательством либо допускаемые способы урегулирования конфликтов, отличающиеся от обычного рассмотрения спора судом.

Под альтернативными способами разрешения споров предлагается понимать предусмотренные законодательством либо допускаемые правопорядком процедуры урегулирования юридического конфликта, позволяющие сторонам выбрать иной по сравнению с традиционным судебным разбирательством способ достижения приемлемого результата, в том числе посредством переговоров, посредничества, медиации, третейского разбирательства или примирения. Предлагаемое определение подчеркивает не отрицание судебной защиты, а наличие дополнительного выбора у участников конфликта.

Несмотря на различия между отдельными процедурами, альтернативные способы разрешения споров обладают рядом общих признаков.

Первым признаком является возможность выбора участниками способа урегулирования конфликта. В большинстве случаев стороны самостоятельно решают, использовать ли примирительную или посредническую процедуру, обратиться ли к третейскому суду либо продолжить государственное судебное разбирательство.

Вторым признаком выступает ориентация на достижение оптимального для участников результата. В суде содержание решения определяется применением норм права к установленным обстоятельствам дела. При использовании отдельных альтернативных процедур стороны получают возможность учитывать не только юридические требования, но и экономические, организационные и иные интересы.

Третьим признаком является снижение степени властного воздействия на участников. Особенно отчетливо данная характеристика проявляется в переговорах и медиации, где итог определяется исключительно волеизъявлением самих сторон.

Четвертый признак связан с гибкостью процедуры. Альтернативные способы позволяют участникам самостоятельно определять порядок взаимодействия, время проведения переговоров, круг обсуждаемых вопросов и содержание возможных договоренностей.

Пятый признак — ориентация на оперативность урегулирования конфликта. Альтернативные процедуры при определенных условиях позволяют завершить спор значительно быстрее, чем полноценное судебное разбирательство.

Шестым признаком можно назвать возможность сохранения деловых отношений. Для субъектов предпринимательской деятельности возможность сохранения деловых отношений имеет значение, поскольку победа одной стороны в судебном процессе может привести к окончательному прекращению сотрудничества, тогда как согласительное урегулирование позволяет сторонам сохранить коммерческие связи. Как отмечает А. И. Майдикова, «система альтернативного разрешения споров использует все доступные способы для преодоления разногласий и противоречий, последствиями которых может быть затяжной конфликт между сторонами, потеря репутации и значительная затрата различных ресурсов, которые можно использовать более эффективно» [4, с. 73].

Вместе с тем приведенные признаки не означают, что любой альтернативный способ обязательно предполагает добровольное соглашение. Например, третейское разбирательство завершается вынесением решения третейского суда, которое имеет обязательное значение для сторон. Поэтому альтернативное разрешение споров нельзя сводить исключительно к примирительным процедурам. Представляется более правильным рассматривать альтернативное разрешение споров как родовое понятие, включающее процедуры с различной степенью участия сторон в формировании окончательного результата.

Вопрос о классификации альтернативных способов разрешения споров имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Российское арбитражное процессуальное законодательство предусматривает несколько возможностей для примирения участников спора. Различия между процедурами позволяют участникам конфликта выбирать наиболее подходящий способ с учетом характера возникших разногласий. Согласно ст. 138 АПК РФ [1] стороны могут использовать предусмотренные законом примирительные процедуры, а ст. 138.2 АПК РФ определены виды.

Одной из наиболее распространенных форм выступают переговоры. Переговоры не требуют обязательного участия независимого посредника. Главным преимуществом переговоров является максимальная степень самостоятельности участников. Они могут самостоятельно определить предмет обсуждения, порядок взаимодействия и содержание возможной договоренности. Одновременно отсутствие нейтрального посредника может затруднять достижение соглашения при наличии серьезных разногласий, особенно если стороны занимают принципиально противоположные позиции.

Следующей разновидностью выступает посредничество. Его отличительной особенностью является участие третьего лица, содействующего коммуникации между сторонами. Посредник не разрешает спор вместо участников, а помогает им сформировать возможные варианты его урегулирования.

«Медиация предполагает назначение посредника, который является независимым и беспристрастным третьим лицом, чтобы помочь сторонам обсудить вопросы, провести переговоры и прийти к взаимоприемлемому решению» [3, с. 78]. «Термин «медиация» происходит от латинского слова «mediare» — «посредничать» [5, с. 128]. Медиация — это переговорный процесс, в рамках которого медиатором и субъектами конфликта обсуждаются как фактические, так и правовые аспекты сложившейся конфликтной ситуации, а также с помощью коммуникативных техник предпринимается попытка идентификации реальных интересов конфликтующих сторон, в том числе личных, коммерческих, деловых, семейных, общественных, которые находятся в основе всего отношения и в основании конфликта [2, с. 1612].

Медиация позволяет учитывать не только юридическую сторону конфликта, но и интересы участников. Например, в споре между коммерческими организациями стороны могут договориться не только о погашении задолженности, но и об изменении графика платежей, сохранении договора либо продолжении сотрудничества на новых условиях.

Самостоятельное место занимает третейское разбирательство. В отличие от медиации третейское разбирательство не направлено исключительно на достижение добровольной договоренности. Третейский суд рассматривает спор и выносит решение. В связи с этим третейское разбирательство обладает смешанной характеристикой: стороны добровольно выбирают третейский способ разрешения конфликта, однако после формирования состава третейского суда результат определяется не соглашением участников, а решением арбитров.

Особенность судебного примирения заключается в том, что процедура проводится в рамках уже возникшего арбитражного дела с участием судебного примирителя. Судебное примирение, как отмечают Н. А. Соколов, Д. В. Савинов, «это форма альтернативного разрешения споров между сторонами с участием судебного примирителя (судьи в отставке), кандидатура которого избирается по взаимному согласию сторон спора и после утверждения судом, в целях достижения сторонами урегулирования конфликта и с учетом интересов спорящих сторон, по заключению которого выносится мировое соглашение» [7, с. 112].

Коммерческий спор редко ограничивается одним юридическим вопросом. За требованиями о взыскании денежных средств могут находиться интересы по сохранению договорных отношений, поддержанию репутации, продолжению поставок, реструктуризации задолженности и дальнейшему сотрудничеству. Суд связан предметом заявленных требований и пределами предоставленных ему полномочий. В рамках альтернативной процедуры стороны получают более широкую возможность учитывать интересы, выходящие за рамки первоначального предмета судебного спора.

Участник экономического спора может первоначально попытаться разрешить разногласия посредством переговоров. При отсутствии результата стороны вправе использовать медиацию либо обратиться в арбитражный суд. После возбуждения дела у них сохраняется возможность заключить мировое соглашение или воспользоваться судебным примирением. Следовательно, различные процедуры могут последовательно сменять друг друга в зависимости от развития конфликтной ситуации. Особенность альтернативных способов состоит в том, что они расширяют возможности участников при выборе формы поведения. Судебное разбирательство остается гарантированным способом защиты права, однако стороны получают дополнительные инструменты для поиска решения, которое может оказаться более приемлемым с экономической и организационной точек зрения.

Таким образом, под альтернативными способами разрешения споров целесообразно понимать предусмотренные законодательством либо допускаемые процедуры урегулирования юридических конфликтов, отличающиеся от традиционного рассмотрения дела судом по существу и предоставляющие участникам дополнительные возможности для достижения приемлемого результата. Эффективность альтернативного разрешения споров определяется не количеством предусмотренных процедур, а возможностью их реального использования участниками экономических отношений. Чем шире выбор доступных способов урегулирования конфликта, тем больше возможностей для достижения результата, отвечающего правовым и экономическим интересам его участников.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 29 июля (№ 30). Ст. 3013.
2. Волхова А. А. Понятие и виды медиации // Научный аспект. 2023. Т. 13. № 12. С. 1607–1614.
3. Воронцова И. В., Рахматуллина Р. М. Процедура медиации в России: понятие, сущность, принципы и история развития // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 53, № 1 (73). С. 77–84.
4. Майдикова А. Н. О классификации способов альтернативного разрешения споров // Скиф. — 2022. — № 10(74). — С. 69–73.
5. Рахматуллина Р. М. Понятие, сущность и основные принципы медиации в России // Цивилистика: право и процесс. — 2024. — № 4(28). — С. 127–133.
6. Сабуров Е. А. Третейское разбирательство как способ разрешения правового конфликта // Юридическая наука. 2020. № 2. С. 3–9.
7. Соколов Н. А., Савинов Д. В. Примирительные процедуры в арбитражном процессе Российской Федерации: отграничение судебной медиации от судебного примирения // Пенитенциарная наука: дискуссионные вопросы теории и практики: сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава ВИПЭ ФСИН России: в 2 ч. / под общей редакцией доктора юридических наук В. Н. Некрасова; Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2024. С. 110–114.

Основные направления исследования правовой природы наследственного договора в современной российской юридической науке

Пашкевич Евгений Александрович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье систематизированы основные направления исследования правовой природы наследственного договора в современной российской юридической науке. На основе тематического анализа научных публикаций выделены историко-правовое, цивилистическое, сравнительно-правовое, нотариально-процедурное и охранительное направления, а также исследования специальных объектов наследственного планирования.

Ключевые слова: *наследственный договор, наследственное право, правовая природа, свобода договора, завещание, нотариальное удостоверение, наследодатель, защита имущественных интересов.*

The main directions in the study of the legal nature of the inheritance agreement in modern Russian legal science

The article systematizes the main research approaches to the legal nature of inheritance contracts in contemporary Russian legal scholarship. Based on a thematic analysis of academic publications, it identifies historical, civil-law, comparative-law, notarial and procedural, and rights-protection approaches, as well as research into specific assets subject to estate planning.

Keywords: *inheritance contract, inheritance law, legal nature, freedom of contract, will, notarization, prospective decedent, protection of property interests.*

Введение

Значимость исследования правовой природы наследственного договора обусловлена тем, что его квалификация влияет на решение прикладных вопросов: определение содержания соглашения, применение общих положений о сделках и договорах, оценку последствий его изменения и прекращения, а также выбор способов защиты контрагента наследодателя.

Цель настоящей статьи — систематизировать основные направления изучения правовой природы наследственного договора и выявить вопросы, объединяющие современные научные исследования.

Основная часть

Закрепление наследственного договора в российском гражданском законодательстве расширило возможности граждан по определению правовой судьбы имущества на случай смерти. Вместе с тем договорная форма наследственного распоряжения поставила перед юридической наукой вопросы, которые не могут быть разрешены ис-

ключительно посредством традиционных представлений о завещании либо об обязательственном договоре При этом можно выделить целый ряд основных направлений исследования правовой природы наследственного договора. Раскроем их подробнее.

Первое направление, которое можно обозначить как историко-правовое, связано с изучением предпосылок появления наследственного договора и развития его нормативного регулирования. В представленном перечне к нему прежде всего относится работа С. А. Власовой «Эволюция нормативного регулирования наследственного договора в рамках гражданского права РФ» [1].

Историко-правовое направление поэтому имеет не только описательное значение. Оно позволяет оценить соответствие действующей модели первоначальному назначению института и установить, какие затруднения обусловлены особенностями самой конструкции, а какие — недостатками её законодательного оформления.

Второе направление справедливо будет назвать цивилистическим. Центральное место в научной дискуссии здесь занимает определение юридической природы наследственного договора. Данная проблематика представлена работами И. А. Беляевой [2], М. М. Меркулова и Е. А. Лихолит [3], Н. Э. Захарова [4], Д. А. Поповой [5] и других исследователей.

И. А. Беляева рассматривает правовую природу наследственного договора во взаимосвязи с его местом в законодательстве и соотношением с завещанием. Такой подход показывает, что квалификация договора не может быть отделена от анализа его конкретного содержания и предусмотренных законом последствий.

В представленном перечне соответствующая тематика отражена в работах Б. А. Левитануса и С. С. Литвинова [6], Н. Э. Захарова [7], З. Ш. Закарьяевой [8], А. А. Алексаняна [9]. Сопоставление наследственного договора и наследственного фонда заявлено в исследовании Д. А. Поповой [10].

Научная значимость такого подхода заключается в том, что самостоятельность правовой конструкции раскрывается через её отличие от функционально близких институтов. При этом общая направленность на определение судьбы имущества после смерти гражданина не означает тождества правовых средств достижения соответствующего результата.

Одним из наиболее содержательных направлений современной дискуссии является исследование пределов договорной свободы. В аннотированном перечне оно представлено прежде всего публикациями А. В. Бакурова и Н. Е. Сосипатровой [11], а также исследованиями множественности наследственных договоров.

Особенность проблемы состоит в необходимости согласовать два начала: свободу наследодателя распоряжаться принадлежащим ему имуществом и значение достигнутого сторонами соглашения.

Пункт 12 статьи 1140.1 ГК РФ [12] сохраняет за наследодателем возможность совершать сделки с принадлежащим ему имуществом и иным образом распоряжаться им даже в том случае, если вследствие этого потенциальный наследник утратит возможность получить соответствующее имущество. Соглашение об ином признаётся ничтожным.

Отдельный блок образуют работы, посвящённые нотариальному удостоверению наследственного договора и проблемам его реализации в нотариальной практике. R ним относятся исследования О. И. Аношиной и И. В. Заикиной [13], а также публикация О. Г. Григорьевой об имущественной ответственности нотариуса, имеющая более широкую предметную направленность [14].

Нотариальная форма в данном случае представляет интерес не только как процедурное требование, но и как элемент специального правового режима. Согласно пункту 7 статьи 1140.1 ГК РФ наследственный договор должен быть подписан каждой стороной и нотариально удостоверен. При уклонении одной из сторон от удостоверения положения статьи 165 ГК РФ не применяются.

Наконец, выделим сравнительно-правовое направление. Такого плана исследования представлены работами В. В. Ганиевой, Т. А. Скворцовой и Н. Г. Романенко. Их значение заключается в возможности сопоставить российскую конструкцию с моделями, предусматривающими иное соотношение свободы наследодателя и устойчивости договорных распоряжений. В исследовании Т. А. Скворцовой и Н. Г. Романенко [17] внимание уделяется особенностям российской и зарубежных моделей наследственного договора, в том числе асимметрии связанности участников.

Современная исследовательская повестка включает b вопросы применения наследственного договора к различным видам имущественных интересов. В аннотированном перечне выделяются публикации А. Р. Габибовой и её соавторов о корпоративных правах [18], работы Д. А. Жаркова и соавторов о наследовании аккаунтов социальных сетей [19], исследование Т. А. Филипповой о наследовании имущества индивидуального предпринимателя [20].

Данные публикации неодинаково связаны с правовой природой наследственного договора. Часть из них непосредственно посвящена договорному наследованию, тогда как другие формируют дополнительный контекст для определения состава наследства и правового режима отдельных объектов.

Тематическая систематизация литературы позволяет определить несколько перспективных задач.

Первая состоит в разработке системы признаков наследственного договора, объясняющих его самостоятельность. Такая система должна учитывать согласование воли сторон, наследственную направленность соглашения и специальный режим возникновения его последствий.

Вторая заключается в определении критериев применения общих положений договорного права. Недостаточно указать на наличие договорной формы: необходимо устанавливать совместимость конкретного общего пра-

вила со специальными нормами и назначением наследственного договора.

Третья задача связана с оценкой нотариального удостоверения. Предметом анализа должны стать не только обязательность формы, но и обоснованность специальных последствий уклонения от её соблюдения.

Заключение

Современные исследования правовой природы наследственного договора развиваются по нескольким взаимосвязанным направлениям: историко-правовому, цивилистическому, разграничительному, нотариально-процедурному, охранительному и сравнительно-правовому. Дополнительную область образуют работы о специальных объектах наследственного планирования и взаимодействии наследственного договора со смежными институтами.

Дальнейшее развитие научных представлений целесообразно связывать с переходом от общих характеристик института к разработке проверяемых критериев его квалификации, дифференцированных способов защиты контрагента и согласованных правил нотариального оформления, изменения и прекращения договора.

Литература:

1. Власова, С. А. Эволюция нормативного регулирования наследственного договора в рамках гражданского права РФ / С. А. Власова // Юридическая наука. — 2022. — № 10. — С. 21–24.
2. Беляева, И. А. Проблемные аспекты правовой конструкции наследственного договора / И. А. Беляева // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2022. — № 4. — С. 136–145.
3. Меркулов, М. М. Правовая природа наследственного договора как института российского гражданского права / М. М. Меркулов, Е. А. Лихолит // «Orbis civilisticae»: актуальные проблемы развития частного права: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. — Нижний Новгород, 2025. — С. 79–85.
4. Захаров, Н. Э. Правовая природа наследственного договора, его сходство и различие с завещанием / Н. Э. Захаров // Вестник Академии управления и производства. — 2023. — № 4. — С. 270–276.
5. Попова, Д. А. Наследственный договор и наследственный фонд как новые межинституциональные правовые конструкции гражданского права РФ / Д. А. Попова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021. — № 4 (131). — С. 111–115.
6. Левитанус, Б. А. Наследственный договор и совместное завещание: теоретико-правовой аспект / Б. А. Левитанус, С. С. Литвинов // Современное общество и право. — 2021. — № 2 (51). — С. 51–58.
7. Захаров, Н. Э. Правовая природа наследственного договора, его сходство и различие с завещанием / Н. Э. Захаров // Вестник Академии управления и производства. — 2023. — № 4. — С. 270–276.
8. Закарьяева, З. Ш. Наследственный договор: особенности правового регулирования и сравнение с иными договорными конструкциями / З. Ш. Закарьяева // Образование и право. — 2021. — № 2. — С. 152–156.
9. Алексанян, А. А. Наследование общего имущества пережившим супругом. Особенности совместного завещания супругов / А. А. Алексанян // Стратегия развития гражданского права в поисках ответов на вызовы XXI века (цифровые перспективы и действительность): материалы II Международной научно-практической конференции. — Волгоград, 2024. — С. 11–17.
10. Попова, Д. А. Наследственный договор и наследственный фонд как новые межинституциональные правовые конструкции гражданского права РФ / Д. А. Попова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021. — № 4 (131). — С. 111–115.
11. Бакуров, А. В. Наследственный договор — как в нём реализован принцип свободы договора / А. В. Бакуров // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 27. — С. 92–102.
12. Сосипатрова, Н. Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию / Н. Е. Сосипатрова // Lex Russica. — 2021. — Т. 74, № 11 (180). — С. 30–38.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4552. — Ст. 1140.1 «Наследственный договор».
14. Аношина, О. И. К вопросу о проблемах реализации наследственного договора в практике нотариата / О. И. Аношина, И. В. Заикина // Россия и мир: развитие цивилизаций. Инновации и консерватизм: поиск баланса: сборник трудов молодых учёных и студентов XII Международной научно-практической конференции. — Москва, 2022. — С. 202–205.
15. Григорьева, О. Г. Усиление материальной ответственности нотариуса в случае признания сделок недействительными / О. Г. Григорьева // Право и управление. XXI век. — 2022. — Т. 18, № 3 (64). — С. 19–25.
16. Ходырева, Е. А. Проблемы возмещения убытков при одностороннем отказе наследодателя от наследственного договора / Е. А. Ходырева // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2025. — Т. 35, № 2. — С. 341–347.

17. Полежаев, А. О. Актуальные проблемы наследственного договора в российском гражданском праве / А. О. Полежаев // Образование и право. — 2025. — № 3. — С. 349–352.
18. Скворцова, Т. А. Сравнительная характеристика наследственного договора по российскому и зарубежному праву / Т. А. Скворцова, Н. Г. Романенко // Юридические исследования. — 2026. — № 4. — С. 116–132.
19. Габибова, А. Р. Переход корпоративных прав и обязанностей в порядке наследования по наследственному договору / А. Р. Габибова, И. В. Петров // Epomen. Global. — 2023. — № 36. — С. 90–94.
20. Жарков, Д. А. Пределы договорной свободы при наследовании аккаунтов социальных сетей: перспективы ограничения в российском праве / Д. А. Жарков, Д. А. Кудринский // Наука, технологии и инновации: стратегии развития в современном мире: сборник статей II Международной научно-практической конференции. — Москва, 2024. — С. 442–451.
21. Филиппова, Т. А. Наследование имущества индивидуального предпринимателя / Т. А. Филиппова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». — 2021. — Т. 5, № 2 (18). — С. 182–190.

Акты «мягкого» права в правовой системе РФ: проблемы имплементации

Пироженко Татьяна Алексеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматривается понятие «мягкого» права и его роль в регулировании трансграничных частноправовых отношений. Автор выделяет пять основных способов имплементации актов «мягкого» права в правовую систему Российской Федерации: прямое использование судами, влияние на законодательство, включение в договоры, применение в правоприменительной практике и доктринальное восприятие. В работе анализируются проблемы, возникающие при использовании каждого из этих способов. Основной вывод заключается в том, что, несмотря на фактическое применение «мягкого» права, отсутствие формального механизма его внедрения создает правовую неопределенность для участников оборота.

Ключевые слова: *мягкое право, имплементация, правовая система РФ, судебная практика, международное частное право, негосударственные регуляторы, Принципы УНИДРУА.*

Вследствие расширения трансграничных частноправовых связей в России постепенно возрастает роль негосударственных регуляторов. Акты «мягкого» права не являются источником права в общепризнанном понимании, однако они могут воздействовать на регулирование отношений. Но в Российской правовой системе на данный момент не существует формального механизма внедрения таких актов. Часто это способствует созданию неопределённости для участников правоотношений и правоприменительных органов.

Целью настоящей статьи является рассмотрение существующих способов имплементации актов «мягкого» права в правовую систему Российской Федерации и проблемы, которые возникают в каждом из предложенных способов. Для этого необходимо раскрыть понятие «мягкого» права; выделить способы его имплементации и выявить проблемы каждого способа.

«Мягкое» право — это система актов, которые не наделены обязательной силой и не обеспечены государственным принуждением. Признаками «мягкого» права являются негосударственное происхождение, гибкость и, соответственно, добровольность его применения. Актами «мягкого» права являются Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права и Гаагские принципы, а также резолюции и рекомендации международных организаций, в частности, Генеральной Ассамблеи ООН, МАГАТЭ или ИСО, декларации и совместные заявления государств, принятые на международных конференциях, кодексы поведения и руководящие принципы деятельности. В международном частном праве отсутствует единый законодатель, поэтому нормы, которые применяются добровольно и при этом обеспечивают гибкость правоприменения сейчас так важны и востребованы.

Важно понимать, что у «мягкого» права нет своего аппарата принуждения, как у законов. Государство не заставит применять эти акты. Однако на практике они оказываются очень удобными, потому что их можно быстро изменить, они разрабатываются авторитетными специалистами, например, ведущими экспертами в области международного частного права или профильными комиссиями международных организаций, и отражают актуальные потребности бизнеса и международного оборота. В этом и заключается их главная особенность: они работают не силой, а авторитетом и удобством. Имплементация таких актов в России происходит не через прямые законы, а через правоприменительную практику, договоры и научное осмысление. Можно выделить пять основных способов такого внедрения.

Первый способ — прямое использование судами. Суды применяют акты «мягкого» права, когда в законе есть пробел или нужно истолковать сложное понятие. Например, когда судья сталкивается с термином, который в национальном законе раскрыт не полностью, он может посмотреть, как этот термин понимается в международной практике. Именно так произошло в деле, рассмотренном ФАС Восточно-Сибирского округа. Суд обратился к Принципам УНИДРУА для толкования понятия непреодолимой силы (форс-мажора) [3, с. 630]. Примечательно, что спор был внутренним, между российскими компаниями, но суд всё равно использовал международный акт мягкого права как ориентир. Проблема здесь заключается в том, что суды делают это непоследовательно. Один судья применяет мягкое право, другой — нет. Единого подхода на данный момент не существует, всё зависит от усмотрения конкретного судьи. Из-за этого участники оборота не могут заранее предсказать, как суд оценит их ситуацию, что создает неопределенность.

Второй способ — влияние на законодательство. Законодатель также обращается к мягкому праву, когда разрабатывает новые нормы. Готовые и продуманные решения просто переносятся в законы. Это очень удобно, потому что не нужно тратить время на дублирование уже проделанной работы и использовать дополнительные ресурсы при разработке нормативных актов. Так, при подготовке Концепции развития гражданского законодательства РФ были использованы подходы из Принципов УНИДРУА и Принципов европейского договорного права [3, с. 630]. Проблема этого способа в том, что процесс происходит неформально. Нет четкого механизма, который объяснял бы, как именно акты мягкого права превращаются в нормы закона. В итоге всё зависит от решения субъектов законодательной инициативы: захотят они взять международный опыт или нет. Из-за этого влияние мягкого права на законы носит несистемный характер.

Третий способ — включение в договоры. Стороны могут сами указать в контракте, что их отношения будут регулироваться актом мягкого права. Например, сослаться на Принципы УНИДРУА [3, с. 629]. Гаагские принципы также допускают выбор норм, не имеющих государственного происхождения [1, с. 82]. Это дает сторонам большую свободу и позволяет уйти от жестких национальных законов, которые могут не учитывать специфику конкретной сделки. Однако здесь есть проблема: такой выбор ограничен обязательными нормами национального законодательства. Если закон страны запрещает применять что-то иное, суд не примет отсылку к мягкому праву. Кроме того, суды не всегда готовы признать такое регулирование, из-за чего стороны могут не получить ожидаемого результата.

Четвертый способ — применение в правоприменительной практике. Мягкое право используют не только государственные суды, но и арбитражи. Например, МКАС при ТПП РФ при разрешении споров опирается на lex mercatoria и Принципы УНИДРУА [2, с. 1179]. Для арбитражей эта практика является традиционной, потому что они часто рассматривают споры, где стороны из разных стран и им нужны нейтральные правила. Проблема заключается в неоднородности такой практики. В разных арбитражах могут быть разные подходы. Единых стандартов применения не выработано, что также порождает неопределенность для сторон.

Пятый способ — доктринальное восприятие. Ученые-юристы осмысляют место мягкого права в системе, обосновывают его применение. Работы С. Ю. Марочкина и Р. М. Халафяна обосновывают применение мягкого права в РФ [4, с. 58]. И. И. Лукашук одним из первых подробно описал международное мягкое право [5, с. 77]. Без доктрины практика не может нормально развиваться, потому что судьям и законодателям нужны объяснения. Проблема здесь в отсутствии единого мнения. Ученые спорят о природе мягкого права (является ли оно вообще правом или это просто рекомендации), и это разногласие мешает формированию единой практики.

Все перечисленные способы объединяет одна общая проблема — отсутствие формального механизма. Акты мягкого права реально работают, но их статус остается неопределенным. Судебная практика непоследовательна, законодательство воспринимает их несистемно, а доктрина не дает единого ответа. Из-за этого участники оборота не понимают, на что им рассчитывать. Если суды применяют мягкое право по-разному, а законы берут из него только часть идей, то предсказуемость правового регулирования падает.

Подводя итог, можно сказать, что мягкое право фактически имплементировано в правовую систему РФ. Оно используется судами, влияет на законы, применяется в договорах и арбитражах, осмысляется в науке. Но каждый способ сталкивается с трудностями из-за отсутствия четкого механизма. В дальнейшем требуется более детальное осмысление статуса мягкого права. Имеет смысл выработать единые рекомендации для судов или закрепить в законе порядок применения таких актов. Это поможет снизить неопределенность и сделает мягкое право более эффективным инструментом для всех участников правоотношений.

Литература:

1. Зыкин И. С. Гаагские принципы о выборе применимого права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сборник статей. М., 2016. С. 73–93.
2. Мажорина М. В. Транснациональные нормы в международном коммерческом обороте // Lex russica. 2014. Т. 95. № 10. С. 1177–1184.

3. Муратова О. В. Акты «мягкого» права как регуляторы частноправовых отношений // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4 (53). С. 627–633.
4. Марочкин С. Ю., Халафян Р. М. Международное «мягкое» право в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 58–64.
5. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 432 с.

Проблемы разграничения имущества гражданина и индивидуального предпринимателя в конкурсной массе

Пневская Яна Андреевна, студент
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье исследуется проблема разграничения личного имущества гражданина и активов, используемых в предпринимательской деятельности, при банкротстве индивидуальных предпринимателей (ИП). Дуализм правового статуса ИП порождает коллизии при формировании конкурсной массы. Цель работы — выявить пробелы правового регулирования и предложить пути их устранения. Методологическую основу составили формально-юридический анализ и обобщение судебной практики. Проанализированы подходы судов к вопросам сохранения исполнительского иммунитета на единственное жилье, используемое для регистрации бизнеса, а также включения в конкурсную массу совместно нажитого имущества супругов. Сделан вывод об отсутствии в Законе о банкротстве четких критериев отнесения имущества к категории предпринимательского, что ведет к противоречивости судебных актов. Предложено дополнить законодательство перечнем объективных признаков, позволяющих однозначно идентифицировать имущество, используемое в предпринимательской деятельности, что повысит эффективность процедур банкротства и защитит права добросовестных должников.

Ключевые слова: *банкротство, индивидуальный предприниматель, конкурсная масса, разграничение имущества, исполнительский иммунитет, предпринимательская деятельность, совместно нажитое имущество, судебная практика, Закон о банкротстве.*

Институт банкротства индивидуальных предпринимателей играет ключевую роль в системе действующего законодательства в сфере несостоятельности в Российской Федерации. Данный фактор вызван уникальным двойственным правовым статусом указанной категории должников. В первую очередь, индивидуальный предприниматель — это субъект деятельности в предпринимательской среде, у которого есть риск ответственности в имущественном плане. Причём он ответственен всем имуществом, которое ему принадлежит, исходя из ст. 24 Гражданского кодекса РФ [1]. С другой стороны, у него есть правовой статус физического лица, с вытекающими социальными гарантиями, которые указаны в Основном законе нашей страны и специальным законодательством. К примеру, право на обеспечение неприкосновенности жилища, на надлежащую защиту семейных ценностей и на обеспечение минимальным набором имущества, который требуется для достойного существования.

При практическом пересечении исследуемых правовых статусов и появляется самая распространённая дискуссионная проблема — вопрос разграничения личного имущества гражданина и таких активов, которые он использует в своей предпринимательской деятельности, в частности в процессе создания конкурсной массы.

Актуальность выбранной темы подтверждается тем, что на данный момент в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) [2], нет подробных разъяснений и единых критериев, которые бы позволяли чётко отграничить личное имущество и имущество, занятое в предпринимательской деятельности.

По причине отсутствия такого положения, арбитражные управляющие и суды вынуждены в самостоятельном порядке оценивать происхождение любого актива. Соответственно, это негативно сказывается на судебной практике, сама процедура банкротства может значительно затянуться. Нарушается необходимый баланс интересов между должником и конкурсными кредиторами.

В данной связи очень важно решить несколько взаимосвязанных вопросов: по поводу сохранения исполнительского иммунитета на единственное жилье индивидуального предпринимателя, в котором он зарегистрирован и о потребности включения в конкурсную массу имущества супругов, нажитого совместно, которое применяется в его деятельности.

Ключевая основа правового регулирования — норма п. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ [3]. На основании такой нормы, взыскание по исполнительным

документам не производится на жильё, считающееся единственным пригодным для проживания человека и его семьи. Исключение только, если жилое помещение — это предмет ипотеки. Данное правило называется «исполнительский иммунитет», оно используется и в делах о банкротстве физических лиц и индивидуальных предпринимателей в соответствии со ст. 213.25 Закона о банкротстве.

Исходя из судебной практики, очень часто бывают ситуации, когда предприниматель регистрируется по адресу своего единственного жилого помещения — например, квартиры либо жилого дома [4]. В формальном порядке, такое действие никак не противоречит существующим нормам гражданского законодательства, как и требованиям в части официальной регистрации предпринимателей, так как закон вполне допускает возможность указать адрес места жительства человека в качестве адреса предпринимателя [5, с. 119].

При банкротстве кредиторы и финансовые управляющие зачастую поднимают вопрос о включении указанной квартиры в общую конкурсную массу. Объясняя это тем, что жилое помещение применяется в предпринимательской деятельности, то есть не может быть применим иммунитет, по ст. 446 ГПК РФ. Указанный подход, может привести совершенно к негативным социальным последствиям, ведь должник может лишиться единственного пригодного для проживания жилого помещения. Данный факт напрямую нарушает конституционные принципы в сфере социальной защищенности граждан [6].

Верховный Суд РФ даёт подробные разъяснения, он поступательно исходит из того, что сам факт регистрации предпринимателя по месту своего жительства не считается достаточным основанием для потери жилого помещения статуса единственного, в том числе и лишения его рассматриваемого исполнительского иммунитета. Для того, чтобы жилое помещение признали имуществом, применяемым в предпринимательской сфере, нужно достоверно установить целую совокупность признаков объективного характера, которые будут говорить о настоящем коммерческом назначении.

Такими признаками являются: специальное назначение объекта в функциональном плане (к примеру, гостиница, склад, торговое помещение); регулярное получение прибыли от эксплуатации указанного объекта; ведение соответствующего бухгалтерского либо же налогового учёта; наличие контрольно-кассовой техники, в том числе вывесок, клиентов и других показателей коммерческой деятельности [7, с. 5].

Проведение анализа судебной практики говорит о том, что суды занимают достаточно справедливую позицию и могут отказать в том, чтобы включить квартиру в конкурсную массу, где предприниматель зарегистрирован только формально, если не будет предоставлено каких-либо убедительных доказательств её применения в предпринимательской деятельности.

Однако бремя доказывания коммерческого характера использования конкретного жилого помещения возложено на финансового управляющего либо конкурсных кредиторов. Такое положение в полной мере соотносится с правилом в части распределения доказательственной нагрузки, которое зафиксировано в процессуальном законодательстве нашей страны. Но всё же единые, унифицированные критерии исследуемой оценки отсутствуют, поэтому любой спор решается индивидуально судом, на основании произошедших обстоятельств по делу. Это приводит к рискам толкований субъективного характера и существенной правовой неопределённости [8, с. 59].

Для того чтобы устранить указанные противоречия и увеличить степень предсказуемости актуальной судебной практики оптимально было бы зафиксировать в Законе о банкротстве, так называемую, презумпцию сохранения исполнительского иммунитета на рассматриваемое жилое помещение, применяемое предпринимателем только для своей регистрации в формальном порядке. Только если обратное не будет доказано финансовым управляющим посредством совокупности каких-либо объективных доказательств по делу, которые смогли бы подтвердить использование объекта в коммерческом плане. Данная презумпция позволит осуществить защиту добросовестных должников от возможного необоснованного лишения их единственного жилья, в том числе сохранить качественный механизм включения в конкурсную массу реальных активов предпринимателя, которые были замаскированы под его личное имущество.

Второй проблемный аспект — необходимость разграничения личного и предпринимательского имущества должника-предпринимателя, связанного с имуществом, состоящим в собственности супругов [9, с. 81]. Такой вопрос особенно актуален, когда существенная часть активов, фактически используется предпринимателем в своей коммерческой деятельности, и была формально приобретена во время брака. Исходя из ст. 34 Семейного кодекса РФ [10], такое имущество признается совместной собственностью супругов, если иное не предусмотрено брачным договором.

Правовая конструкция, сформированная ст. 213.25 Закона о банкротстве и ст. 45 Семейного кодекса РФ, исходит из того фактора, что в конкурсную массу должно быть включено всё имущество должника, которое принадлежит ему на праве собственности либо другом вещном праве. В свою очередь, доля должника в общем имуществе супругов должна быть выделена для её дальнейшего включения в конкурсную массу. Но зачастую применение указанных норм сталкивается со сложностями, которые вызваны отсутствием четких алгоритмов разграничения имущества, купленного на доходы от предпринимательской деятельности, и имущества, сформированного за счет личных средств супруга, не участвующего в бизнесе.

Трудность состоит в том, что по п. 2 ст. 45 Семейного кодекса РФ взыскание по обязательствам одного из супругов обращается на его долю в общем имуществе супругов. В контексте банкротства предпринимателя это значит, что финансовый управляющий обязан выявить и включить

в конкурсную массу не только имущество, оформленное непосредственно на должника, но и его долю в совместно нажитом имуществе. При этом ключевым становится вопрос о том, какие именно активы следует квалифицировать как приобретенные за счет доходов от предпринимательской деятельности.

Анализ новейшей судебной практики Арбитражного суда Поволжского округа позволяет выявить устойчивые тенденции в разрешении подобных споров. Во-первых, суды последовательно защищают исполнительский иммунитет единственного жилья, даже если оно находится в долевой собственности. Так, в Постановлении от 18 марта 2026 г. № Ф06–186/2026 по делу № А57–4/2025 [11] арбитражный суд удовлетворил требование об исключении из конкурсной массы доли должника в праве общей собственности на квартиру, обосновав это тем, что спорное помещение является единственным жильем для должника и членов его семьи, что имеет приоритетное значение независимо от предпринимательского статуса должника.

Во-вторых, при отчуждении совместного имущества суды обеспечивают защиту прав кредиторов через механизм взыскания стоимости доли. В Постановлении от 8 апреля 2026 г. № Ф06–5321/2024 по делу № А55–39159/2022 [12] Арбитражный суд Поволжского округа правомерно обязал супругу должника передать финансовому управляющему половину стоимости реализованного общего имущества супругов, указав, что такое требование подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве, поскольку активы были приобретены в период брака и подлежат распределению между кредиторами.

В-третьих, при оценке возможности обращения взыскания на жилое помещение суды отказываются от формального подхода. В Постановлении от 26 февраля 2026 г. № Ф06–3148/2021 по делу № А65–17944/2020 [13] суд подчеркнул, что даже при наличии признаков «роскошного» жилья, судам необходимо учитывать площадь спорного объекта недвижимости и исходить из количества проживающих в нем лиц, с предварительным выяснением вопроса об их реальной нуждаемости в данном помещении, прежде чем принимать решение о лишении его исполнительского иммунитета.

Представляется, что для устранения выявленных противоречий и повышения правовой определенности целесообразно внести в Закон о банкротстве дополнение, устанавливающее презумпцию того, что имущество, приобретенное в период брака на доходы от предпринимательской деятельности одного из супругов и фактически используемое в такой деятельности, подлежит включению в конкурсную массу должника-ИП в объеме, соответствующем его доле. При этом второй супруг вправе требовать соразмерной компенсации его доли за счет иного имущества конкурсной массы, что позволит соблюсти баланс интересов всех участников правоотношений и избежать необоснованного вывода активов из-под конкурсного распределения.

Проблема разграничения личного имущества гражданина и активов, используемых в предпринимательской деятельности, при банкротстве индивидуальных предпринимателей остается одной из наиболее сложных и дискуссионных в современном конкурсном праве [14, с. 189]. Дуалистичный правовой статус ИП, сочетающий в себе черты субъекта предпринимательской деятельности и физического лица, порождает устойчивые коллизии при формировании конкурсной массы, разрешение которых на практике во многом зависит от усмотрения арбитражных управляющих и судов.

Анализ нормативного регулирования и судебной практики позволил выявить ряд системных пробелов. Во-первых, отсутствие в Законе о банкротстве четких критериев отнесения имущества к категории предпринимательского приводит к противоречивым судебным актам, в том числе по вопросу о сохранении исполнительского иммунитета на единственное жилье, в котором формально зарегистрирован ИП. Во-вторых, механизмы включения в конкурсную массу совместно нажитого имущества супругов, фактически используемого в коммерческой деятельности, не содержат достаточных гарантий защиты имущественных прав второго супруга, не участвующего в бизнесе.

Сформулированные предложения направлены на устранение выявленных противоречий. Представляется необходимым дополнить ст. 213.25 Закона о банкротстве нормами, устанавливающими: во-первых, презумпцию сохранения исполнительского иммунитета на жилое помещение, используемое ИП исключительно для целей государственной регистрации, если иное не доказано финансовым управляющим; во-вторых, презумпцию включения в конкурсную массу имущества, приобретенного в период брака на доходы от предпринимательской деятельности и фактически используемого в ней, с одновременным обеспечением права второго супруга на соразмерную компенсацию его доли за счет иного имущества конкурсной массы [15, с. 71].

Реализация указанных предложений позволит повысить предсказуемость судебной практики, сократить сроки процедур банкротства и обеспечить справедливый баланс между конституционными правами должника на минимальное имущественное обеспечение и законными интересами конкурсных кредиторов, что будет способствовать повышению эффективности всего института несостоятельности граждан в Российской Федерации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 № 3455-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова А. А. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
5. Новоселова, А. И. Особенности банкротства индивидуальных предпринимателей / А. И. Новоселова // Инновационные подходы к правопониманию, правотворчеству и правореализации: материалы V V Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 24 июня 2021 года. — Казань: ЮрЭксПрактик, 2021. — С. 119–120.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 25.10.2026). — Текст: электронный.
7. Малименкова, В. Г. Банкротство индивидуальных предпринимателей: правовое регулирование и судебная практика / В. Г. Малименкова // Дневник науки. — 2023. — № 6(78). С. 1–5.
8. Соколова, В. С. Актуальные проблемы банкротства индивидуальных предпринимателей / В. С. Соколова // Актуальные исследования. — 2022. — № 10(89). — С. 59–62.
9. Борщевская, А. В. Правовое регулирование банкротства индивидуального предпринимателя / А. В. Борщевская, А. А. Белецкая // Новости науки 2024: гуманитарные и точные науки: Сборник материалов XLIII-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. В 4-х томах, Москва, 18 декабря 2023 года. — Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2023. — С. 78–82.
10. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.03.2026 № Ф06–186/2026 по делу № А57–4/2025 // СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
12. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.04.2026 № Ф06–5321/2024 по делу № А55–39159/2022 // СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
13. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.02.2026 № Ф06–3148/2021 по делу № А65–17944/2020 // СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
14. Петров, И. В. Особенности банкротства индивидуального предпринимателя / И. В. Петров, М. П. Клевцова // Epomen. Global. — 2024. — № 55. — С. 189–195.
15. Байтрукевич Е. С., Глыбина А. С., Фёдоров А. Г. Особенности банкротства индивидуального предпринимателя // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1–1 (76). С. 68–71.

Некоторые проблемы уголовной ответственности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд

Ралева Виктория Викторовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Рассматриваются отдельные проблемы применения мер уголовной ответственности за нарушения в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Отмечается, что действующее законодательство не содержит отдельного состава преступления, посвящённого закупкам, а ответственность наступает по общим нормам. Анализируются вопросы разграничения смежных составов, проблемы квалификации при контрактной системе. Обосновывается необходимость более точных критериев оценки ущерба и разграничения уголовно наказуемого поведения с проступками, совершенными вследствие нарушения дисциплины.

Ключевые слова: *государственные закупки, контрактная система, уголовная ответственность, должностное преступление, злоупотребление полномочиями, квалификация преступлений, бюджетные средства.*

Закупки для государственных и муниципальных нужд остаются одной из наиболее урегулированных, но при этом и наиболее уязвимых сфер экономической деятельности. Ежегодно через контрактную систему проходят значительные объёмы бюджетных средств, так, за 2025 год было заключено государственных контрактов на 14,6

трлн рублей, что выше показателя 2024 года на 21 % [4]. Именно поэтому нарушения в этой сфере традиционно привлекают внимание не только административного, но и уголовного законодательства.

Следует отметить, что отдельного состава преступления, который был бы полностью посвящён закупкам, в Уголовном кодексе Российской Федерации не существует. Ответственность за соответствующие деяния наступает по нормам о служебных преступлениях, прежде всего по статьям 285, 286, 290 и 293 УК РФ, а также по статьям о хищении вверенного имущества. Такой подход не случаен, поскольку законодатель исходит из того, что вред в закупках причиняется не самой процедуре, а бюджету. Вместе с тем подобная «распылённость» норм порождает на практике затруднения, с которыми сталкиваются и следствие, и суд, если до него доходит дело.

Одна из ключевых проблем связана с разграничением смежных составов. Должностное лицо заказчика, подписывающее документы о приёмке работ, которые фактически не выполнялись, может действовать как из корыстной заинтересованности, так и в интересах участника, а может и вовсе не преследовать личной выгоды, а просто «закрывать» показатели освоения средств. В зависимости от этого меняется квалификация от злоупотребления должностными полномочиями до халатности, а иногда и хищения. Правоприменителю приходится устанавливать не только сам факт действия, но и мотив, а также то, насколько лицо было осведомлено о реальном положении дел. Как отмечает А. Н. Фадеев, административно-правовое регулирование в сфере закупок развивается неравномерно, контрольные механизмы не всегда успевают за изменениями процедур, что осложняет оценку противоправности поведения должностных лиц [1]. Сказанное в полной мере отражается на уголовно-правовой оценке, поскольку граница между нарушением процедуры и преступлением подвижна.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о размере вреда. Для большинства составов он является обязательным элементом, а его установление в закупочной сфере требует специальных познаний, ведь нужно определить разницу между фактической стоимостью и стоимостью, указанной в контракте, либо оценить последствия неисполнения обязательств. При этом нередко возникает ситуация, когда контракт исполнен, но по завышенной цене, и определить реальный ущерб без экспертизы практически невозможно. В результате одно и то же деяние в разных регионах получает разную оценку, тогда о единообразии практики говорить просто не приходится.

Ещё одна проблема связана с участниками закупок, не являющимися должностными лицами. Речь идёт о представителях коммерческих организаций, которые вступают в сговор с заказчиком или вводят его в заблуждение. Их поведение квалифицируется по статьям о мошенничестве либо о преступлениях против интересов службы, но применить последние можно не всегда, ведь субъект должен обладать признаками лица, выполняющего управленческие функции. Круг таких лиц в небольшой компании, участвующей в закупках, сложно назвать очевидным, что порождает споры о субъекте преступления.

Существенное влияние на практику оказывает цифровизация закупок. Переход на электронные площадки меняют способы совершения нарушений, например, сговор всё чаще оформляется вне документов, а согласование действий происходит в закрытых каналах связи. Как справедливо указывает М. А. Беленкова, цифровизация закупок создаёт не только новые возможности для контроля, но и новые проблемы, связанные с недостаточной прозрачностью отдельных процедур [2]. Для уголовного процесса это означает, что доказательственная база всё чаще строится на электронных данных, причем не каждому следователю хватит квалификации собрать такую базу.

Не менее важным представляется и организационный аспект. Управление изменениями в сфере государственных закупок требует продуманной модели, учитывающей интересы всех участников [3]. Если правила меняются непоследовательно, у должностных лиц формируется ощущение неопределённости. В такой ситуации возрастает риск, что уголовная ответственность начинает использоваться как средство дисциплинирования там, где достаточно административных мер.

Для решения выявленных проблем предлагается ряд рекомендаций.

Таблица 1. **Направления совершенствования регулирования уголовной ответственности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд**

Направление совершенствования	Пояснение
Уточнение критериев крупного и особо крупного размера ущерба	Пороги нужно привязать к специфике контрактных отношений, а не к простому сопоставлению цен. Тогда оценка вреда будет отражать реальные потери бюджета и перестанет зависеть от разницы в подходах разных регионов
Разграничение преступления и нарушения процедуры закупки	В разъяснениях высших судебных инстанций следует закрепить признаки, отличающие злоупотребление от ошибки или небрежности. Это снизит риск, что уголовная ответственность будет подменять административные и дисциплинарные меры
Повышение квалификации участников правоприменения	Сотрудники заказчиков и лица, ведущие предварительное расследование, должны одинаково понимать логику контрактной системы. Без этого сложно правильно оценивать документы закупки, действия комиссии и размер причинённого вреда

Таким образом, уголовная ответственность в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд сегодня сталкивается с несколькими взаимосвязанными проблемами. Решение этих проблем лежит не только в плоскости ужесточения санкций, но и в повышении точности правовых формулировок.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Беленкова М. А. Цифровизация закупок: современные тенденции и проблемы // Вестник науки. — 2025. — Т. 2. — № 1 (82). — С. 684–693.
4. Литвиненко А. Н., Соболева В. О. Концептуальная модель управления изменениями в сфере государственных закупок // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». — 2026. — № 2. — С. 23–33.
5. Фадеев А. Н. Актуальные проблемы и тенденции развития административно-правового регулирования в сфере государственных и муниципальных закупок // Вопросы российского и международного права. — 2026. — Т. 16. — № 7А. — С. 122.

Особенности исполнения обязательств по договору аренды транспортных средств

Савко Антон Владимирович, студент
Московский университет «Синергия»

Настоящая публикация посвящена разбору ключевых моментов исполнения соглашений аренды автомобильных средств, охватывая особенности юридического регулирования функций сторон, процедура передачи собственности, условия использования и несение затрат по содержанию. Особенное внимание отведено вопросам обязанности арендодателя и нанимателя, в том числе за причинение ущерба третьим субъектам, риск непредвиденной гибели или порчи транспортного объекта, а также последствиям несоблюдения условий контракта. На основе анализа актуального законодательства и правоприменительной практики обнаруживаются и рассматриваются злободневные вопросы, появляющиеся в ходе реализации прокатных отношений, — от неполной определенности положений договора до трудностей в доказывании реального исполнения обязанностей. Особо рассматриваются спорные положения, связанные с непродолжительной цифровой разновидностью аренды, охватывая каршеринг, где привычные правовые модели сталкиваются со свежими экономическими условиями. В целом, работа ориентирована на выявление лакун в правовом регламентировании и формирование условий для их устранения с задачей повышения правовой ясности и защиты прав участников хозяйственного оборота.

Ключевые слова: *аренда, договор, транспортное средство, каршеринг, риск, ответственность.*

На современном периоде развития отечественного гражданского права специальную значимость получает поиск действенных и сбалансированных путей в сфере общегражданского оборота, в том числе в отрасли регулирования связей, связанных с арендой транспортных единиц. Актуальность этого вектора обусловлена увеличением числа тяжб между сторонами таких соглашений и необходимостью ясного учета своеобразия их исполнения, включая нюансы распределения обязательств и ответственности. Действующий ГК РФ в части второй выделяет наем транспортных единиц в качестве особой разновидности соглашения аренды, обособляя ее среди других форм эксплуатации имущества, что акцентирует особый юридический режим и надобность учета своеобразия объекта — автомобильного средства — при регламентации соответствующих взаимоотношений.

В параграфе 3 раздела 34 ГК РФ [1] закреплены особые нормы, упорядочивающие аренду автомобильных средств, обособляя ее среди других видов аренды благодаря особому юридическому режиму. Такой наем может предполагать передачу автомобильного средства как с оказанием услуг по вождению и технической эксплуатации, так и без них, что напрямую воздействует на объем обязательств сторон и юридический характер связей. По определению Г. В. Филимонова, контракт аренды автомобильного средства являет собой возмездное обоюдное соглашение между арендодателем и арендатором, ориентированное на временную передачу автомобильного средства во владение и эксплуатацию за установленное вознаграждение [8, с. 10]. При этом предполагается, что предмет аренды будет применяться в производственных или торговых целях, с принятием или без учета под-

держки со стороны арендодателя в виде вождения и обслуживания.

Одним из центральных составляющих такого договора является его предмет — автомобильное средство. К. М. Арсланов акцентирует, что для действительности соглашения стороны должны четко уточнить, какое именно имущество предоставляется во временную эксплуатацию, и установить, принадлежит ли оно к категории автомобильных средств [5, с. 4]. В пространном понимании, автомобильное средство — это уникально определенная единица, обладающая набором уникальных свойств, которые позволяют опознать ее в гражданском обращении. Отсутствие согласованности объекта договора или неполная его определенность влекут констатацию договора несостоявшимся, поскольку нарушается одно из основополагающих требований общегражданского законодательства [2].

Анализ судебной практики за последние 7 лет дает возможность сделать заключение, что к числу существенных индивидуализирующих черт транспортной единицы, необходимых для оформления договора, причисляются государственный учетный номер, дата выпуска, маркировка кузова и шасси, цвет и вид транспортного объекта [4]. Эти данные, как правило, суды считают в совокупности как приемлемые для идентификации предмета аренды. Вместе с тем, на текущий день в праве отсутствует полный перечень параметров, которые однозначно давали возможность признать автомобильное средство конкретным предметом соглашения. Таким образом, несмотря на наличие некоторых ориентиров в судебной практике, проблема о достаточности предпосылок для индивидуализации предмета остается спорной и требует дополнительного нормативного прояснения.

Решением Московского городского суда по производству № 33–28232/2019 от 30 июля 2019 года в удовлетворении заявленных требований было отклонено, поскольку стороны составили договор аренлы в соответствии с предписаниями действующего права [2]. В тексте договора отсутствовали данные о цвете автомобильного средства, его марке, государственном учетном номере, а также обозначении кузова. Эти упущения привели к тому, что предмет аренды оказался недостаточно четким, что сделало неосуществимым его индивидуализацию в юридическом смысле. Как демонстрирует судебный опыт, отсутствие основных реквизитов подвергает сомнению само обстоятельство заключения соглашения. Как отмечает М. А. Бажина, в ситуации признания договора ничтожным груз доказывания реальной эксплуатации автомобильного средства падает на арендодателя, что затрудняет защиту его интересов в суде [6, с. 50].

В соответствии со статьей 634 ГК РФ, при найме транспортной единицы с экипажем арендодатель обязан содержать его в надлежащем порядке на протяжении всего периода действия соглашения. Это включает проведение как текущего, так и основного ремонта, а также предоставление условий, нужных для безопасной и результативной эксплуатации. Услуги по управлению и инженерному обслуживанию, оказываемые арендатору, обязаны соответствовать задачам, зафиксированным в соглашении, и обеспечивать штатное функционирование автомобильного средства. При этом законодатель допускает, что участники могут внести в договор более расширенный объем сервисов, чем это прямо оговорено нормами ГК РФ, что удостоверяется положениями статьи 635. Практика демонстрирует, что фактическое выполнение обязательств по предоставлению транспортной единицы с экипажем способно подтверждаться, в частности, маршрутным листом, заверенным арендатором, который суды рассматривают как подтверждение передачи собственности и начала выполнения договора [3].

Не менее важным выступает соответствие персонала экипажа и степени его квалификации положениям договора, а также предписаниям, установленным правом и отраслевыми правилами. Члены команды, являясь сотрудниками арендодателя, должны выполнять его поручения в части вождения и технического обслуживания транспортной единицы, но при этом должны принимать и указания нанимателя, касающиеся режима коммерческого использования имущества. Таким образом, между участниками складываются непростые, но скоординированные взаимосвязи, требующие ясного распределения прав и ответственности.

Еще одним существенным свойством, выделяющим контракт аренды автомобильного средства среди других типов аренды, выступает срочный признак. Хотя законодательство не определяет жестких максимальных сроков для таких контрактов, их правовая сущность предполагает кратковременное предоставление собственности для удовлетворения определенной потребности нанимателя. Как отмечается в юридической литературе, контракт аренды автомобильного средства по своей сущности ориентирован на срочное пользование, что вызвано не только экономическими, но и инженерными факторами — в частности, периодом эксплуатации самого транспортного средства. При этом, хотя генеральные положения нормы 610 ГК РФ носят необязательный характер и не сковывают стороны в подборе срока, комплексное толкование правил параграфа 3 раздела 34 ГК РФ — в особенности положений 632 и 642 — позволяет сформировать вывод о том, что такие контракты изначально подразумевают определенность и лимитированность по времени [7, с. 59].

Рассмотрим проблемы заключения договора аренды транспортных средств с сотрудником. Трудовое законодательство запрещает заключать гражданско-правовые договоры, фактически регулирующие трудовые отношения (ч. 2 ст. 15 ТК РФ). Причем это правило касается не только договоров с физическими лицами, но и с теми, кто применяет налог на профессиональный доход (самозанятые лица).

Девятый КСОЮ рассмотрел требование такого самозанятого о признании договора аренды автомобиля трудовым и пришел к следующему. ИП (арендодатель), осу-

ществляющий деятельность в сфере грузоперевозок и аренды грузового автотранспорта с водителем, сдал в аренду грузовой автомобиль самозанятому физлицу (арендатор) с арендной платой в размере 50 000 руб. в месяц. При этом у арендатора не было расходов на эксплуатацию ТС. Так, расходы на топливо оплачивались транспортной картой, принадлежащей ИП (арендодателю), ремонт транспортного средства оплачивался за счет средств ИП и силами ИП, также за счет ИП происходило обеспечение автомобиля комплектующими принадлежностями. Всё это было установлено договором аренды транспортного средства, в то время как по ст. 644 ГК РФ арендатор в течение всего срока договора аренды транспортного средства без экипажа обязан поддерживать надлежащее состояние арендованного транспортного средства, в том числе осуществлять его текущий и капитальный ремонт. Это императивная норма, т. е. она не может быть изменена условиями договора (подробнее см. статью).

Кроме того, ИП-арендодатель не доказал внесение арендной платы арендатором (самознаятым) в соответствии с условиями договора (ежемесячно до 25-го числа). Также установлено, что в день заключения договора аренды между ИП и самозанятым был заключен договор перевозки комплектных грузов по территории РФ, по которому исполнитель — самозанятый.

Также судьи установили, что ИП-арендодатель заключил договоры перевозки от своего имени с заказчиками, по которым перевозка осуществлялась арендатором (самознаятым) на арендованном автомобиле. Кроме того, из стенограммы голосовых сообщений между арендатором и арендодателем следует, что полный контроль за использованием транспортного средства в пути (за заправкой, поломками, ремонтом, скоростью, стоянками, местонахождением) осуществлял ИП. Всё это свидетельствует, что самозанятый гражданин не распоряжался транспортным средством самостоятельно и в своих интересах в качестве арендатора транспортного средства.

Это позволило судьям Девятого КСОЮ в определении от 30.04.2026 № 88–3770/2026 установить наличие трудовых отношений между ИП и физлицом в должности водителя, осуществляющего рейсы по перевозке грузов на дальние расстояния. При этом судьи подчеркнули, что из существа договора следует, что водитель должен лично осуществлять функцию по выполнению рейсов по доставке грузов на дальние расстояния с ведома, согласия и по поручению ИП, а также в его интересах. При этом работник допущен к работе с ведома работодателя, на протяжении рассматриваемого периода времени выполнял поручения и задания работодателя, выполняемая им трудовая функция носила не эпизодический, а постоянный характер [9].

Таким образом, регулирование выполнения договоров найма транспортных единиц осуществляется как на базе норм ГК РФ, так и с принятием конкретной сути соглашения участников, в котором могут быть оговорены дополнительные положения и расширенный список предоставляемых сервисов. Стороны могут заключить контракт как с экипажем, так и без него, ориентируясь на положения норм 632–642 ГК РФ. При этом при исполнении обязанностей необходимо брать в расчет не только законодательные правила, но и сложившийся опыт эксплуатации автотранспорта, а также требования автомобильных уставов и сводов.

Выделение найма транспортных единиц в самостоятельный вид договора найма обусловлено своеобразием объекта, интенсивностью его использования, а также специфическим характером проистекающих из него правоотношений, что предполагает от участников общегражданского оборота пристального подхода к составлению и выполнению таких транзакций.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.07.2019 по делу № 33–28232/2019 // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.02.2020 № Ф03–149/2020 по делу № А51–26542/2018 // СПС «Консультант Плюс».
4. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.06.2020 № 33–9152/2020 по делу № 2–3677/2019 // СПС «Консультант Плюс».
5. Арсланов К. М. О соотношении ст. 632 (фрахтование на время) и ст. 787 (договор фрахтования — чартер) Гражданского кодекса РФ // Транспортное право. 2018. № 1. С. 3–6.
6. Бажина М. А. К вопросу о разграничении договора аренды транспортного средства и договора фрахтования // Бизнес, Менеджмент и Право. 2017. № 3–4. С. 49–52.
7. Бурняшев Д. В. Все об аренде: недвижимость, транспорт и другое имущество. М.: Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 12. 160 с.
8. Филимонов Г. В. Соотношение договора фрахтования (ст. 787 ГК РФ) и фрахтования на время (ст. 632 ГК РФ) // Транспортное право. 2020. № 3. С. 10–13.
9. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.04.2026 № 88–3770/2026 // СПС «Консультант Плюс».

Понятие и сущность потерпевшего в уголовном судопроизводстве

Сапардурдыев Бегенч, студент магистратуры
Научный руководитель: Маликова Майя Гамидовна, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

В статье на основе анализа законодательных актов и нормативных материалов, а также трудов отечественных авторов рассматриваются различные правовые аспекты понятия «потерпевший». Проводится исторический и юридический анализ формирования в российском уголовно-процессуальном праве термина «потерпевший».

Ключевые слова: *потерпевший, жертва, уголовное судопроизводство, уголовный процесс.*

Понятие «потерпевший» является одним из ключевых в уголовном судопроизводстве. Оно определяет особую категорию участников процесса, чьи права и законные интересы нуждаются в защите, поскольку были нарушены преступлением. Понимание сущности потерпевшего необходимо для обеспечения справедливости и соблюдения законности на всех стадиях уголовного процесса.

В древнерусском праве большое внимание уделялось уголовно-правовым вопросам. Уголовно-правовые нормы «Русской правды» (первый свод законов Древней Руси, 1016 год) [7] предусматривали наказания за два вида преступлений, причиняющих ущерб пострадавшему человеку:

1) преступления против личности (убийство, причинение телесных повреждений — «членовредительство», а также побои);

2) имущественные преступления (кража, разбойное ограбление, а также присвоение, уничтожение или повреждение чужого имущества).

Понятие потерпевшего в «Русской правде» являлось производным от понятия «обида» (преступление), то есть «обиженным» (потерпевшим) считался пострадавший от «обиды», причиненной ему преступником. Целью судебного разбирательства было доказывание вины «обидчика», вынесение ему соразмерного деянию «возмездия» (наказания) и обязывание его возместить пострадавшему нанесенный ущерб. Потерпевший активно участвовал в процессе доказывания, выполняя процессуальную функцию обвинения.

В случае отсутствия на теле потерпевшего «знамений» (синяков и ран, то есть явных следов преступления против личности) или отсутствия у него явных улик имущественного преступления, для подтверждения своих показаний потерпевший мог приводить на судебное разбирательство «видоков» (от слова «видеть», то есть свидетелей-очевидцев), желательно не менее двух «видоков», лично видевших совершение преступления в отношении потерпевшего. А «послухи» (от слова «слухи», то есть знающие об обстоятельствах преступления со слов других) имели право свидетельствовать на суде только о «честном имени» и «доброй славе» потерпевшего. В случае смерти потерпевшего его процессуальные полномочия и права на возмещение ущерба в полном объеме переходили к его близким родственникам.

В Судебнике Ивана III (1497 год) понятию потерпевший соответствовали понятия «жалобник» и «ищеа» (истец) [5]. В Соборном Уложении 1649 года предшественником понятия потерпевший был «челобитник» [8].

На законодательном уровне в России уголовно-процессуальное понятие «потерпевший» впервые был закреплено в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Там потерпевший трактовался как физическое лицо, пострадавшее от преступного посягательства, причинившего ему физический или имущественный ущерб, вступившее в уголовное судопроизводство в качестве стороны процесса. Наряду с ним использовались также такие понятия, как «частный обвинитель» и «жалобщик». Для вступления потерпевшего в уголовный процесс не требовалось официального признания его потерпевшим, чтобы придать ему соответствующий правовой статус, достаточно было подачи им «жалобы» (заявления) [6].

В советское время развитие понятия «потерпевший» продолжалось, различные правовые аспекты этого понятия рассматривали П. С. Дагель, М. С. Строгович и другие советские правоведы.

Сегодняшний УПК РФ вобрал в себя все достижения отечественной научной мысли относительно различных аспектов понятия «потерпевший», отраженные в работах правоведов дореволюционного и советского времени, творчески развитые работами современных правоведов.

Согласно положениям УПК РФ, потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице [9].

По уголовным делам о преступлениях, в результате которых наступила смерть лица, преемниками прав потерпевшего становятся его близкие родственники или близкие лица (ч. 8 ст. 42 УПК РФ).

Уголовный кодекс РФ не раскрывает понятие потерпевшего в уголовных правоотношениях, но данный термин

активно используется в диспозициях правовых норм. Понятие «потерпевший» дефинируется в ст. 42 УПК РФ. Как видно из данной правовой нормы, уголовно-процессуальное законодательство понятие потерпевшего связывает с признанием его в качестве участника процессуальных отношений, зафиксированных в конкретном процессуальном документе. Вместе с тем, в ст. 20 УПК РФ потерпевший выступает субъектом уголовного процесса еще до принятия постановления следователя (дознавателя, суда) по делам частного и частно-публичного обвинения [1].

В теории уголовного права зачастую для обозначения лица, на которое совершено посягательство, используются такие термины как «жертва» и «пострадавший». Ю. Ю. Никора считает, что использование данных понятий как синонимов к потерпевшему не является обоснованным [4]. Е. А. Майорова отмечает, что лицо, в отношении которого совершено преступление, в уголовном процессе России может иметь несколько статусов: «заявитель», «потерпевший». И они более конкретизированы, чем «жертва преступления» [3].

По нашему мнению, использование таких неконкретизированных обобщенных понятий как «жертва преступления» или «пострадавший от преступления» значительно увеличивает круг лиц, которые, не являясь официально признанными участниками уголовного процесса, могут считать себя тоже претерпевшими какое-либо неблагоприятное последствие от совершенного преступления. Поэтому более оправданным является применение как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном праве термина «потерпевший». Во-первых, данный термин несет более нейтральную семантическую окраску при определении субъекта уголовно-правовых отношений, которому причинен вред (конкретное физическое или юридическое лицо); во-вторых, данный термин имеет строгое юридическое и процессуальное наполнение (это конкретное физическое или юридическое лицо, которому причинен ущерб данным преступлением), тогда как «жертва преступления» и «пострадавший от преступления» в правовом смысле являются скорее описательными понятиями.

Понятию и юридически значимым признакам потерпевшего в уголовно-правовой науке уделялось и уделяется большое внимание. Но в силу многогранности данного вопроса часто возникают дискуссии в научной среде по отдельным проблемам, что затрудняет выработку единого мнения по ним.

Потерпевшим от преступного деяния является обладатель охраняемого законом права или интереса, которым нанесен ущерб преступлением. Большинство ученых понятие «потерпевший» в уголовном праве трактуют широко, включая в него не только отдельных физических лиц, но и различных юридических лиц, а также государство в целом. Включение в субъектный состав понятия «потерпевший» и государства в целом является вполне обоснованным, потому как при совершении шпионажа потерпевший очевиден — это государство, поскольку причинен ущерб охраняемому законом благу — государственной тайне [2]

Таким образом, потерпевший — это физическое или юридическое лицо (а в некоторых случаях и даже государство в целом), охраняемым законным правам и интересам которого преступлением причинен моральный, материальный, имущественный вред. Именно факт причинения вреда этим правам и интересам делает лицо потерпевшим.

Понятие потерпевшего в уголовном судопроизводстве не сводится к простой констатации факта причинения вреда. Это сложная правовая категория, отражающая особую роль и статус лица, пострадавшего от преступления. Понимание сущности потерпевшего и его прав является необходимым условием для эффективного функционирования уголовного правосудия и обеспечения защиты прав человека в целом. Эффективная защита прав потерпевших способствует укреплению законности и доверия граждан к правоохранительной системе.

Литература:

1. Джашуев М. К. Понятие потерпевшего и порядок признания потерпевшим в уголовном процессе // Чтения молодых ученых: материалы межд. научно-практ. конф. Сер. «Научный вестник». Пятигорск, 2015. — С. 89.
2. Коргулев А. Г. Понятие и признаки потерпевшего в уголовном праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — № 6. — С. 163.
3. Майорова Е. А. Понятие потерпевшего в российском уголовно-процессуальном законодательстве / Е. А. Майорова // Форум молодых ученых. — 2020. — № 12(52). — С. 340–344.
4. Никора Ю. Ю. К вопросу уголовно-правовой характеристики понятия «потерпевший в уголовном праве // Международный студенческий научный вестник. 2020. № 3. [Электронный ресурс] URL: https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20164 (дата обращения: 15.08.2026).
5. Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский; под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. — С. 54–55.
6. Российское законодательство X–XX вв. Т. 8. Судебная реформа / отв. ред. Б. В. Виленский; под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1991. — С. 120–122.
7. Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М: изд-во Московского Университета, 1953. — 192 с.
8. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. — М., 1961. — С. 267.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

5

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (647) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 11.11.2026. Дата выхода в свет: 18.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.